

Научно-информационный центр «Мемориал»
Санкт-Петербург

Европейский университет
В Санкт-Петербурге

Восьмые чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя

Биографика 20 века

20–22 апреля

2010

Санкт-Петербург
2011

Чтения проведены при поддержке:

Международного историко-просветительского
правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

Польского института в Санкт-Петербурге

Франко-Российского центра гуманитарных и общественных наук в Москве
(Centre franco-russe de recherche en sciences humaines et sociales de Moscou)

ООО «Роботрон»

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Франко-Российского центра гуманитарных и общественных наук в Москве

© НИЦ «Мемориал», 2011

Абрам Рейтблат

Этапы и источники построения биографического нарратива (на материале биографий Ф.В. Булгарина)

Абрам Ильич РЕЙТБЛАТ

*заведующий рецензионным
отделом «НЛО» (Москва)*

В своих работах по биографии мы стремились показать, что биография – это сложная словесная конструкция, это отображение, а не отражение жизни человека. Из бесчисленного множества свидетельств о человеке биограф отбирает немногие, которые наделяет значением. В результате жизнь изображается не как хаотичный набор не связанных между собой поступков, обстоятельств и т.д., а как осмысленное целое. При этом биография носит диахронный, а не синхронный характер, в ней есть движение во времени и изменение.

Далее, важно подчеркнуть, что биография – это взаимодействие. Создает ее биограф, но он зависит от биографируемого. Во-первых, не каждый биографируемый строит свою жизнь и свой образ в расчете на читателя (современного или будущего), но многие делают это. Во-вторых, в любом случае биограф должен исходить из конкретных данных о жизни биографируемого. Кроме того, биограф зависит от читателя, он

reitblat@nlo.magazine.ru

исходит из идеологических, моральных и эстетических норм, существующих в данном обществе¹.

Для построения биографии нужна информация о жизни биографируемого, т.е. письменные или аудиовизуальные следы, которые оставляют биографируемый и его окружение в процессе своей жизнедеятельности (тексты автобиографического характера – анкеты, письма, воспоминания, автобиографии, интервью; переписка и воспоминания друзей, коллег, родственников, журналистов и др.). Часть их возникает самопроизвольно (делопроизводственные документы, создаваемые в различных учреждениях), часть специально для будущей биографии порождают биографируемый и его знакомые, часть инициирует сам биограф (опрашивая знакомых и т.д.). Это еще не биографические факты, фактами они становятся, когда включаются в биографическую конструкцию, становятся ее элементами, вступают во взаимосвязи.

В данной работе нас будет интересовать:

- 1) откуда берутся сведения для биографии,
- 2) как из биографических сведений (нередко их очень много) отбираются нужные для построения биографического нарратива,
- 3) как отобранные сведения интерпретируются и сцепляются в единое целое,
- 4) при каких условиях публикуется биография.

Биографий в любом обществе удостоивается меньшинство населения (хотя по мере демократизации общества доля биографируемых растет), а публичными (в СМИ, в т.ч. Интернете) становятся далеко не все. Биография возникает только при определенном сочетании предпосылок и условий:

- а) данный человек должен признаваться значимым для общества,
- в) при этом он должен соответствовать существующим в обществе представлениям о том, кто достоин биографии (например, в сословном обществе биографировались почти исключительно мужчины из привилегированных сословий: дворянского и духовного),
- с) должны быть доступны биографические сведения о данном человеке,
- д) они должны соответствовать существующим в обществе моральным конвенциям и правовым нормам о том, что можно сообщать о человеке.

Важной вехой в биографировании конкретного человека и особенно в публикации биографии является его смерть.

¹ См. наши работы в сборниках по материалам Чтений памяти Вениамина Иофе: Биографируемый и его биограф (К постановке проблемы) // Право на имя: Биографика 20 века. СПб., 2004. С. 53–62; Нравственные мотивации биографа // Право на имя: Биография как парадигма исторического процесса. СПб., 2005. С. 3–8; Некролог как биографический жанр // Право на имя: Биография вне шаблона. СПб., 2006. С. 3–10; Что не попадает в биографию? // Право на имя: Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. СПб., 2008. С. 3–11.

Во-первых, она фиксирует конец жизни, ставит точку и, тем самым, позволяет придать законченность биографической конструкции. Ведь при жизни человек мог совершить какой-нибудь поступок, который заставил бы иначе посмотреть на его жизнь.

Во-вторых, в определенные периоды цензура запрещала публикацию порочащих сведений о живых людях.

В-третьих, при жизни человек в определенной степени контролирует свое биографирование (поставляет те или иные сведения, публикует автобиографии или воспоминания, может публично в прессе или в суде оспорить те или иные утверждения биографов, и т.д.).

Изложив наши исходные положения, рассмотрим один случай создания и эволюции биографии. Разумеется, для того, чтобы делать какие-то более или менее окончательные выводы, нужно проанализировать ряд подобных случаев. Однако, во-первых, для этого потребовалось бы гораздо больше места, и, во-вторых, данный случай нам хорошо знаком, в том числе и потому, что нам приходилось заниматься биографированием данного персонажа. Откровенно говоря, в ряде аспектов история создания его биографии далеко не типична, однако иногда (и, в частности, в данном случае) нетипичные примеры более ярко и выразительно проявляют исследуемые закономерности.

Речь пойдет о журналисте и писателе Ф.В. Булгарине (1789–1859). Напомним основные сведения о его жизни. Поляк по происхождению, родившийся недалеко от Минска, он учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, служил в русской армии, принимал участие в военных действиях против наполеоновских войск (1807) и в Финляндской кампании (1808–1809) против Швеции. В 1811 он покинул армию, уехал из России и, как и многие поляки, рассчитывавшие на восстановление польской государственности, вступил во французскую армию. Воевал в Испании, участвовал в походе на Россию. В 1819 приехал в Петербург, чтобы вести процесс дяди по имению, остался тут, стал журналистом, издавал исторический журнал «Северный архив» (с 1822), газету «Северная пчела» (с 1825, совместно Н.И. Гречем), публиковал статьи, рецензии, очерки, фельетоны, рассказы, повести, романы («Иван Выжигин», 1829; «Димитрий Самозванец», 1830; «Мазепа»; 1833–1834, и др.). В 1826 Булгарин наладил контакты с III отделением, выступая консультантом по ряду вопросов и проводником правительственной политики в газете, а иногда используя эти связи и в личных интересах. С середины 1820-х и почти до смерти он находился в центре литературной жизни.

Выделим четыре этапа в истории создания его биографии.

На первом сам Булгарин и его близкий друг Н.И. Греч весьма обильно сообщают в печати и в обществе (в частных беседах, в Вольном обществе любителей российской словесности, членами которого они являлись, и т.д.)

биографические сведения о нем. Разумеется, они направлены на создание положительного образа Булгарина.

Булгарин в своих изданиях помещает письмо ему А.Х. Бенкендорфа о решении поднести императору роман «Петр Иванович Выжигин» (Северная пчела. 1831. №2), сообщение о переименовании его из капитанов французской армии в VIII класс (Там же. 1826. №142), о том, что он избран членом-корреспондентом Варшавского королевского общества друзей наук (Там же. 1829. №6), многочисленные путевые очерки, воспоминания, сведения о подписке на свои книги и о их выходе из печати. Собственно говоря, большая часть его регулярных выступлений в печати представляла собой своего рода дневник о поездках, посещении спектаклей, юбилеев, празднеств, чтении книг и т.п., причем дневник, построенный в диалогической форме. Читатель оказывался в позиции друга/собеседника, который хорошо знаком с обстоятельствами жизни Булгарина. Например, в 1840 в отступлении в полемической статье он вспоминал об учебе в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, о своей роли в создании газеты «Северная пчела», о том, что «в кавалерию вышел я потому, что покойному Цесаревичу Великому князю Константину Павловичу угодно было выбрать меня в свой полк, за успехи в науках» (Там же. 1840. №92). Не давая собственно биографии, т.е. связного жизнеописания, Булгарин сообщал читателю много сведений о своей жизни, призванных создать положительный образ бывалого человека с военным прошлым, умного, много знающего, честного и открытого, верного в дружбе, талантливого литератора, ценимого властями и обществом, польского патриота.

Важным средством построения собственного образа были мемуары. Он выступал в этом жанре всю жизнь, а завершая свой творческий путь, не только написал обширные воспоминания о себе, но и впервые в России опубликовал их при жизни². Воспоминания были задуманы как самоотчет и самозащита, но показательно, что довел он их только до того времени, когда начинались самые острые и болезненные события его жизни: переход во французскую армию, а позднее – литературная деятельность. И в основном тексте, и в затрагивающих современность предисловии и отступлениях он тщательно выстраивает свой образ: «Почти двадцать пять лет кряду прожил я, так сказать, всенародно, говоря с публикой ежедневно о всем близком ей, десять лет, без малого, не сходил с коня, в битвах и бивачном дыму, пройдя, с оружием в руках, всю Европу, от Торнео до Лиссабона, проводя дни и ночи под открытым небом, в тридцать градусов стужи или зноя, и отдыхая в палатах вельмож, в домах граждан и в убогих хижинах. Жил я в чудную эпоху, видел вблизи вековых героев, знал много людей необыкновенных, присматривался к кипению различных страстей <...> и кажется <...> узнал людей! Много испытал я горя, и только под

² См.: Булгарин Ф. Воспоминания. В 6 ч. СПб., 1846–1849.

моим семейным кровом находил истинную радость и счастье, и, наконец, дождался до того, что могу сказать в глаза зависти и литературной вражде: что все грамотные люди в России знают о моем существовании!»³.

Публикации булгаринского друга Греча и ряда других друзей и приятелей были призваны поддержать этот образ. Так, выпуская в 1830 второе, исправленное издание своего учебного курса словесности, Греч, давая характеристику творчества Булгарина, приводит дату его рождения; через десять лет в «Чтениях о русском языке» рассказывает о своей дружбе с Булгариным, об успехе его романа «Иван Выжигин» и т.д.⁴. Знакомые, посетившие Булгарина в его имении Карлово под Дерптом, описывали его жизнь там⁵.

По мере повышения престижа Булгарина, усиления его влияния в журналистике и обществе и прояснения его идеологических и эстетических позиций растет и число его журнальных противников, причем агрессивность и язвительность Булгарина способствовали особой ожесточенности и бескомпромиссности их нападок. Проявлялось это обычно в оценке его произведений, поскольку цензура в то время строго следила за тем, чтобы негативные сведения о личной жизни и общественном поведении граждан не проникали в печать. Поэтому биографические сведения о Булгарине негативного характера публиковались редко, обычно речь шла о том, что польские интересы для него важнее русских. Например, Дельвиг, рецензируя «Димитрия Самозванца», пишет в неподписанном отзыве: «Нам приятно видеть в г. Булгарине поляка, выше всего ставящего свою нацию; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы с большим удовольствием прочли повесть о тех временах, сочиненную писателем русским»⁶.

Поскольку компрометирующие Булгарина тексты почти не могли проникнуть в российскую печать, они находили выход преимущественно в слухах и эпиграммах. В направленных против Булгарина эпиграммах Пушкина, Вяземского, Баратынского и других⁷ главное внимание уделялось не литературным достоинствам его произведений, а его моральным качествам. Булгарина упрекают в доносительстве («Видок», «доносчик»), во враждебности к России и предательстве ее интересов («из злобы к русским... ходил он под орлом французским», «против отечества... служил злодею»), стремлении к наживе

³ Булгарин Ф. Воспоминания. М., 2001. С.5–6.

⁴ См.: Греч Н.И. Учебная книга русской словесности <...>. Ч. IV. 2-е, испр. изд. СПб., 1830. С.111; Он же. Чтения о русском языке. Ч. II. СПб., 1840. С. 333–335, 394.

⁵ См.: Авдеева Е.А. Дерпт и его окрестности // Авдеева Е.А. Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842. С. 32–33; Мацкевич Д. Путевые заметки. II. Дерпт // Северная пчела. 1848. № 188; Головин И. Записки. Лейпциг, 1859. С.28–32.

⁶ Литературная газета. 1830. № 214.

⁷ Значительная часть эпиграмм на Булгарина собрана в кн.: Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. Л., 1975.

(«торгаш», «на Парнасе ты цыган», «завтра будет он татарин, / Когда б за то ему дать грош»). В его журнальной деятельности видят готовность из практического расчета и зависти ругать одних и хвалить других («Приятельски дурачеству кадишь, / Завистливо поносишь дарованья...», «Он по расчету всех бранил, – / Теперь всех хвалит по знакомству»). Упрекают Булгарина в неискренности и обмане читателей («В своих листах душонкой ты кривишь. / Уродуешь и мнения и сказанья...»). Характерен также упрек в непринадлежности к свету («В салоне ты решительно лакей», «он в мещанской дворянин»). Как видим, в рисуемом эпиграммами облике одни сведения о его жизни опущены (например, успех у читателей), другие чрезмерно гипертрофированы.

В печать проникают только глухие намеки, понятные очень немногим посвященным. Так, Пушкин в памфлете «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (Телескоп. 1831. № 15; подписан: Ф. Косичкин) говорит о романе «Настоящий Выжигин», который якобы написан, и, приводя названия глав, по сути дела пишет краткую пасквильную биографию Булгарина. Не все его намеки ясны, но можно понять, в чем Пушкин упрекает Булгарина: украл шинель; служил России, потом Франции (причем участвовал в походе на Россию), потом опять служил России; занимался сутяжничеством в суде; попал на крючок и вынужден был жениться на публичной женщине; писал пасквили и доносы.

Можно упомянуть и другие произведения с намеками, в которых был выведен Булгарин: водевили П. Каратыгина (Знакомые незнакомцы. СПб., 1830; Авось, или Сцены в книжной лавке // Репертуар русского театра. 1841. Кн. 1) и Ф. Кони (Петербургские квартиры // Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. № 10), басни И. Крылова (Кукушка и Петух // Сто русских литераторов. СПб., 1841) и П. А. Вяземского (Хавронья // Отечественные записки. 1845. № 4; подп.: * * *), «сцены» В. Одоевского (Утро журналиста // Отечественные записки. 1839. № 12; под псевд. С. Разметкин), роман Л. Бранта «Счастье лучше богатства» (СПб., 1843), рассказы Ф. Дершау «Русский стихотворец» и «Несколько слов о покойном друге моем Шнейдере, журналисте немецкого города Н.» (в его книге «Записки покойного Колечкина» (Або, 1843), даже «китайскую комедию» О. Сенковского (Фаньсу, или Плутовка горничная // Библиотека для чтения. 1839. Т. 35, ч. 2; под псевд. Джин Дыхуэй).

Негативные сведения о жизни Булгарина находили отражение и в зарубежных публикациях. Так, немецкий литератор Кениг на основе бесед с русским литератором Н. А. Мельгуновым выпустил в 1837 в Германии книгу «Очерки русской литературы», где, наряду с резко отрицательной оценкой творчества Булгарина, содержались и порочащие его сведения: о том, что он принимал участие в походе наполеоновской армии на Москву, выпуская издание од Го-
рация, комментарии заимствовал у польского филолога, а в своих «Воспоми-

нениях о Испании» использовал публикации французских авторов, и т.п.⁸. В России же противники Булгарина всячески популяризировали эту книгу. В немецких и финских газетах появлялись компрометирующие Булгарина публикации. Статья о Булгарине с информацией о его службе в наполеоновской армии была включена в популярный немецкий справочник⁹. Позднее А.Герцен в книге «О развитии революционных идей в России», выпущенной в 1851 на немецком языке, писал: «Небольшая кучка ренегатов, вроде сиамских близнецов Греча и Булгарина, загладили свое участие в 14 декабря доносами на друзей и устранением фактора, который по их приказанию набирал в типографии Греча революционные прокламации. Они одни господствовали тогда в петербургской журналистике – но в роли полицейских, а не литераторов»¹⁰.

Однако широкие читательские круги с эпиграммами на Булгарина и зарубежными публикациями не были знакомы, а намеки в прессе не могли расшифровать. Поэтому преобладал положительный образ Булгарина. См., например, мнение провинциального помещика, большого книгочея, иногда печатавшегося в местной прессе: «Мой милый, мой добрый, мой умный, деликатный, смелый, разнообразный, аккуратный, светский, ловкий, деятельный, солидный, благонамеренный, примерный Фаддей Венедиктович Булгарин»¹¹.

Вся эта масса сведений о жизни Булгарина была опубликована в разное время, разбросана по различным источникам и никак не упорядочена. Биографией Булгарина читатель не располагал, был только образ Булгарина в сознании публики, точнее, два образа: один – у широкой читательской массы, другой – у очень узкого слоя столичных литераторов (условно говоря, пушкинского круга писателей) и близких к ним лиц. Образы эти были прямо противоположны, реально происходившие события и действительно существовавшие черты характера Булгарина получили в них альтернативную интерпретацию.

САМООБРАЗ	ОБРАЗ, РИСУЕМЫЙ ДРУГИМИ
Человек повоевавший, отважный, старый солдат	Трус, воевавший на стороне врагов – французов
Прямой и откровенный человек	Двуличный человек
Правдивый и честный	Лжец

⁸ König H. Literarische Bilder aus Russland 1837. Stuttgart, Tübingen, 1837. Рус. перевод: Кениг. Очерки русской литературы. СПб., 1862. С. 224–229.

⁹ См.: Konversations-Lexikon, neunte Originalauflage. Leipzig, 1843. Bd. 3. S. 20.

¹⁰ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т.7. С. 215.

¹¹ Цит. по: Головина Т. Голос из публики (Читатель-современник о Пушкине и Булгарине) // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 13, 15. Ср. с аналогичным мнением другого помещика, приведенным в: Раевин И. Действительное путешествие в Воронеж. М., 1838. С. 44.

Талантливый писатель и журналист	Бесталанный писатель и журналист, который даже грамотно писать по-русски не умеет
Создатель ряда новых для русской литературы жанров	Плагатор
Писатель и журналист, которого травят завистливые соперники	Журналист, который завидует соперникам и травит их
Человек, которого удостаивали расположения и дружбы известные люди (Сперанский, Грибоедов, Крылов, Карамзин, Наполеон и др.)	Человек, который примазывается к известным людям (Сперанский, Грибоедов, Крылов, Карамзин, Наполеон и др.)
Писатель и журналист, пользующийся поддержкой и доверенностью царя и его III отделения	Полицейский шпион
Поляк по происхождению, патриот России	Поляк, проводник польских интересов, враг России
Много повидавший, много прочитавший и в итоге много знающий человек	Невежа
Слуга публики	Автор, пишущий для социальных низов, слуг и сидельцев
Ведет счастливую семейную жизнь в поместье	Женился на продажной женщине

В дальнейшем, при попытке писать биографию Булгарина, биографы из массы сведений и их трактовок выбирали те, которые соответствовали избранному образу Булгарина.

Важным моментом в создании булгаринской биографии является публикация в 1849 в Справочном энциклопедическом словаре, издаваемом К. Краем и редактируемом А. Старчевским, статьи о Булгарине. Это первая в России печатная биография Булгарина. Старчевский сделал попытку заказать статью самому Булгарину, но тот отказался, что весьма любопытно в свете его постоянных усилий по построению позитивного биографического образа. Булгарин писал Старчевскому 14 марта 1849: «Вы меня просили о биографии [медика] Гаевского, а не о моей. С трудом, по недостатку времени, написал я биографию моего благодетеля – но для своей решительно не имею времени. Год моего рождения известен вам – число и заглавия сочинений известны из каталогов и так пишите, с Богом, и судите, *как вам угодно*. Поставьте меня хотя *ниже* всех – это ваше дело. Прошу об одном – и ЗАКОННО: не говорить о политической жизни – а просто: родился, написал, издавал то и то, дурно или посредственно и проч.»¹². Тем не менее, словарная статья воспроизводит ту трактовку жизни Булгарина, которую задавал он сам. Там приводятся сведения о времени и месте рождения, учебе в кадетском корпусе, службе в русской армии, а про

¹² ИРЛИ. Ф. 583. Ед. хр. 343. Л. 1.

службу во французской армии не сказано ни слова: после окончания финского похода «он оставил военную службу и отправился в Варшаву, где жили его родные. Здесь он написал несколько юмористических и поэтических произведений (после 1814 г.)». Далее речь идет о его жизни в Петербурге и литературной деятельности, причем он назван «одним из первых наших литераторов» и сказано, что «характеры и типы, встречаемые в сочинениях Ф.В., часто весьма счастливо подмечены в живом обществе, и вообще это лучшее, что только наша литература имеет в этом роде; язык его более ослепительный, чем энергический»¹³.

На втором этапе (в течение некоторого времени после смерти Булгарина) идет борьба двух трактовок деятельности Булгарина. Обычно после смерти известного человека (а Булгарин безусловно относился к числу таковых) появляется немалое число некрологов, в которых даются его биографии (нередко впервые) и подводятся итоги его деятельности. И хотя принято считать, что «о мертвых или хорошо, или ничего», но случалось и так, что часть некрологов носила негативный характер. В качестве примера можно сослаться на отрицательные некрологи О.И. Сенковскому С.С. Дудышкина в «Отечественных записках» (1859. №2) и М.Лонгинова в «Русском вестнике» (1859. №7). В случае Булгарина поразительно, что некрологов в газетах и журналах практически не было. В созданной им «Северной пчеле» его смерти было уделено лишь несколько строк (1859. №190; ср. аналогичную информацию в журнале «Иллюстрация» – 1859. №35), а когда в издаваемом Академией наук Месцеслове на 1861 год (СПб., 1860), содержащем отдел некрологов за год, был помещен краткий некролог, в котором говорилось, что Булгарин «своею деятельностью много способствовал к оживлению литературы и к распространению любви к чтению» (III паг., с. 86), это вызвало гневную отповедь в «Московских ведомостях»¹⁴.

На протяжении некоторого времени, пока оставались люди, знакомые и с ним самим, и с его творчеством, делались попытки создать биографию как отражение противоречий самого Булгарина, с воссозданием и положительных, и отрицательных его сторон. В качестве примера можно привести два биографических очерка хороших его знакомых – Н.И. Греча и О.А. Пржецлавского. Очерк Греча «Фаддей Булгарин» был написан в начале 1860-х, т.е. вскоре после смерти Булгарина, а опубликован в «Русской старине» в 1871 (Т. 9). Разругавшийся с Булгариным в 1850-х Греч пишет о его литературном таланте, признает, что он был «человеком не злым, добрым, сострадательным, благотворительным и в минуту порыва готовым на пожертвование», и отводит многие упреки Булгарину, в частности, утверждает, что он не занимался доношением и что его нельзя обвинять в переходе во французскую армию, поскольку «Россия

¹³ Справочный энциклопедический словарь. СПб., 1849. Т.2. С.508–509.

¹⁴ Н.Ч. Легкий способ выйти из затруднительного положения // Московские ведомости. 1860. №249.

была тогда с Францией в дружбе и союзе. Булгарин был поляк <...> следственно, переход его не был ни бегством, ни изменой»¹⁵. Но при этом Греч обвиняет Булгарина в тщеславии и корыстолюбию, являвшихся следствием его польского происхождения.

Столь же противоречив и очерк Пржецлавского, который писал: «...оценка его таланта и личного характера отличалась и до сих пор отличается диаметрально противоположными суждениями. Мне не случалось встретить беспристрастного о нем мнения, то есть такого, которое, со всею справедливостью, определяло бы, какая доля приходится на его заслуги, а какая на недостатки. Одни превозносят – первые непомерно, другие осуждают безусловно все его поприще. И те, и другие забывают, что как в этом, так и в большей части случаев истинная истина находится не на противоположных полюсах, а на середине или к ней близко»¹⁶. По-видимому, из-за того, что в очерке немало положительных оценок Булгарина, он с трудом попал в печать. По крайней мере, Пржецлавский в те годы помещал свои воспоминания в «Русской старине», и очерк о Булгарине – единственный, появившийся в ином, гораздо менее распространенном издании (Русский сборник. СПб., 1877. Т. 2, ч. 1). Пржецлавский писал о древности рода Булгарина, его уме, наблюдательности, остроумии, таланте журналиста, но при этом отмечал случаи его «литературной недобросовестности» – плагиат, рекламирование магазинов и лавок за вознаграждение и т.д. Близка по тональности к упомянутым очеркам была статья П. Каратыгина «Северная пчела» в журнале «Русский архив», почти полностью посвященная жизни и деятельности Булгарина (1882. Кн. 2. С. 241–303). В эти же годы печатаются направленные против Булгарина воспоминания, появляются архивные публикации.

Но проходит некоторое время, и на третьем этапе написания булгаринской биографии закрепляется одна линия, негативная, в основном воспроизводящая претензии литераторов пушкинского круга (за исключением, пожалуй, «неполиткорректного» в то время упрека в проведении польских интересов). Хотя продолжается публикация воспоминаний о Булгарине, архивных документов, писем из его архива, но единственный опубликованный в эти годы развернутый биографический очерк «Булгарин» историка М.К. Лемке (Русское богатство. 1903. № 10. С. 135–178) представляет собой памфлет, направленный на его дискредитацию. Аналогичный характер имели и словарные статьи в справочных изданиях. Конечно, в них давались фактические сведения о выпускаемых Булгариным периодических изданиях, его книгах, службе в армии и т.п., но принципиальными были пассажи, носившие рамочный, оценочный характер. Вот словарь Брокгауза (Т. 8. СПб., 1891. С. 895): «...издавал, начиная

¹⁵ Греч Н.И. Фаддей Булгарин // Греч Н.И. Записки моей жизни. М.; Л., 1930. С. 688, 675.

¹⁶ Пржецлавский О. Из воспоминаний петербургского старожилы. Фаддей Венедиктович Булгарин // Булгарин Ф.В. Выбранные / Укл. А. Фядуты. Минск, 2003. С. 489.

с 1825 г., газету „Северная пчела“, в которой писал более 30-ти лет критические статьи и фельетон, посвященный полемике, рекламам и обличениям литературных противников газеты в неблагонамеренности. Эти предметы составляли главнейший мотив всей литературной деятельности Б[улгарина] и придали ей своеобразный характер, обративший его имя в нарицательное. <...> пользовался особенным, хотя и презрительным покровительством начальника III отделения Соб. Е.И.В. канцелярии генерала Дубельта». Вот Энциклопедический словарь Гранат (Т. 7. М., 1910): «...журналист из лагеря „официальной народности“ <...>. Значение [Булгарина] в истории русской литературы чисто отрицательное: с одной стороны, он подделывался под низменные вкусы незыскательной мелкой публики, униженно расшаркивался перед начальством, лестью окупая презрительное покровительство, с другой – в непрерывной полемике изобличал своих оппонентов из либерального лагеря в неблагонамеренности и вредном направлении. От него идет пресмыкательство в литературе и система журнальных доносов. Имя Б[улгарина], заклеянное уже современниками, сделалось позорной нарицательной кличкой литературных деятелей этого типа». Установление советской власти в данном аспекте не принесло ничего нового: репутация Булгарина была такова, что работать над его биографией никто не решался, а в энциклопедиях воспроизводились сложившиеся формулировки и оценки. Вот, например, что можно было прочесть в 3-м издании Большой советской энциклопедии (Т. 4. М., 1971): «В 1825–59 издавал <...> реакционную газету „Северная пчела“ <...>. Как литературной критик Б. с реакционных позиций выступал против А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского и реалистического направления, которое назвал в одной из полемических статей натуральной школой. Писал доносы на писателей в Третье отделение».

Лет 15 назад начался новый, четвертый этап биографирования Булгарина. Это связано с ослаблением жестких идеологических стандартов, которые ранее регулировали интеллектуальную жизнь, снижением литературоцентричности культуры, что подрывает господствовавшую ранее литературную мифологию, и, наконец, публикацией разного рода документов и материалов, касающихся биографии Булгарина¹⁷. Теперь одновременно сосуществуют разные его биографии; биография его многими пишется не как компонент общей мифологической схемы русской литературы, а как конкретный случай, обусловленный как обстоятельствами жизни персонажа, так и ценностями конкретного биографа. Это нашло свое отражение в посвященных ему справках в новейших энциклопедических изданиях. Если в Новой российской энциклопедии (издательств «Энциклопедия» и «ИНФРА-М»; М., 2007. Т. III (2). С. 53) старые формулировки воспроизводятся почти без изменений: в «Северной пчеле» печатались

¹⁷ См.: Рейтблат А.И. Библиографический список книг и статей о Ф.В. Булгарине (1958–2007) // Новое литературное обозрение. 2007. № 88. С. 374–390.

«...лит. и политич. известия, подаваемые в духе правительственного официоза», издания Б. имели «коммерческий характер и были ориентированы на малообразованную, но широкую публику <...>. С 1826 активно участвовал в работе 3-го отделения Е.И.В. канцелярии, регулярно поставляя доносы против конкурентов <...>», то в Большой энциклопедии (издательство «Терра»; М., 2007. Т.7. С.440) традиционная точка зрения дается в более мягкой форме: «Выступал с критич. ст. против реалистического направления в лит-ре <...> сотрудничал с III отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, за что снискал дурную славу и под конец жизни оказался почти в полной изоляции», а в Большой российской энциклопедии (М., 2006. Т.4. С.330-331) в основном повторены оценки, идущие от самого Булгарина: тут можно прочесть, что Булгарин был «награжден орденом Почетного легиона», издавал «первый отеч[ественный] театральные альманах „Русская Талия“ (1825), первую ежедневную негосударственную газету „Северная пчела“ (1825–59)», «дружил с А.С. Грибоедовым, К.Ф. Рылеевым», «был негласным экспертом 3-го отделения», а книги его «имели успех в широкой читательской среде».

Более того, в последнее время вновь возникла линия панегирического булгаринского жизнеописания. Пока, правда, она существует в беллетризированной форме. Константин Вронский в романе «Капрал Бонапарта, или Неизвестный Фаддей» (СПб.: Крылов, 2007) делает Булгарина романтическим героем-любовником, а Никита Филатов в романе «Тайные розыски, или Шпионство. Правдивое жизнеописание Фаддея Булгарина» (СПб.: Амфора, 2006) воспекает его в качестве талантливого агента русской разведки.

Сейчас трудно судить, какими станут булгаринские биографии, ясно одно: прежней одномерности в них не будет.

Борис Беленкин

Биограф(ия) в тупике: жизнеописание афериста и обстоятельства времени

Случаи А.Пирро и З.Двойриса

Борис Исаевич БЕЛЕНКИН

Международный «Мемориал» (Москва)

1. Случай Пирро («Бразильский консул»)

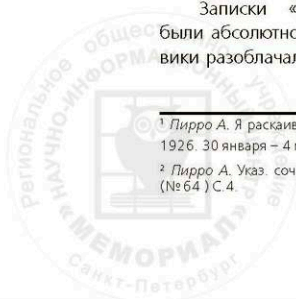
30 января 1926 рижская газета «Слово» приступила к публикации текста под громким названием: «Я раскаиваюсь и проклинаю. Записки бывшего комиссара А.Пирро»¹. В анонсе предстоящей публикации сообщалось следующее:

А.Пирро – журналист по профессии, занимал в Сов. России ответственные посты, <...> был делегирован от советского правительства в Китай, Японию, Индию, Египет и Палестину; встречал и знает тайны всех главнейшей советской власти и все сокровенные пружины советской власти в России<...>».²

Записки «бывшего комиссара» были абсолютно скандальны. Большевики разоблачались по всем фронтам.

¹ Пирро А. Я раскаиваюсь и проклинаю // Слово. 1926. 30 января – 4 марта (№№ 64–91).

² Пирро А. Указ. соч. // Слово. 1926. 30 января (№ 64) С. 4.

Читатель «Слова» узнал леденящие душу подробности: о кощунственном вскрытии и разграблении царских гробниц, тайном музее ГПУ (в котором выставлены залитый кровью жилет Николая II, мундир Колчака, заспиртованное сердце Урицкого), о купании Зиновьевым шлях в шампанском в голодном Петрограде, о присваивании конфискованных ценностей пролетарским писателем Максимом Горьким...

Скандал разгорелся. Но к содержанию мемуаров прямого отношения не имел. Все внимание переключилось с текста на его автора. В нем читатели эмигрантской газеты узнали... «бразильского консула», печально прославившегося в 1919 в Киеве.

Дело было сколь шумное и вздорное, столь же кровавое и темное. Уже другая рижская газета – «Сегодня» в нескольких публикациях³ взялась за разоблачение Пирро и изложила суть этого «дела». Но прежде, чем пересказывать газетные публикации, отметим, что читателям как «Слова», так и «Сегодня» могла быть известна публикация из «Архива русской революции»⁴. Ее автор поведал следующее.

Летом 1919, когда началось наступление Деникина, террор советской власти на Украине приобретает все более массовый характер. В этих условиях становится известно, что в Киев приехал консул Бразилии граф Пирро. Через несколько дней на улицах Киева были расклеены объявления о том, что все бразильские подданные должны регистрироваться у него в консульстве. Затем появился приказ Лациса (в то время – председатель ВУЧК) о том, что на всех бразильских подданных и тех лиц, которые в качестве таковых регистрируются у графа Пирро, не распространяется действие большевистских декретов, они не подлежат обыскам и арестам, имущество их не подлежит конфискации и реквизиции, и т.д. Словом, Лацис опубликовал очень обширную и весьма соблазнительную «хартию вольностей» для «бразильских подданных», зарегистрировавшихся у графа Пирро...

Произошло то, что и следовало ожидать: в бразильское консульство обратилось много людей, считавших себя в опасности и желающих получить бразильское гражданство. Граф Пирро всех принимал с распростертыми объятиями. А вскоре все обратившиеся в бразильское консульство были арестованы и, по большей части, расстреляны.

³ «Бразильский консул» Альберт Пирро в Риге // Сегодня. 1926. 12 февраля (№ 34). С. 7; Чекист-провокатор Пирро опознан: Установлено, что «бразильский консул» Пирро находится в Риге // Сегодня. 1926. 16 февраля (№ 37). С. 3; Внешность провокатора Пирро (Первый отклик на обращение «Сегодня»). – Там же; «Характеристика» Пирро – Там же; А Пирро – сотрудник (?) «Нового времени» – Там же; «Славное» прошлое Альберта Пирро // Сегодня. 1926. 18 февраля (№ 39). С. 8; Провокатор А. Пирро на свободе // Сегодня. 1926. 26 февраля (№ 46). С. 6.

⁴ Л. Л.-ая. Очерки жизни в Киеве в 1919–20 гг. // Архив русской революции. Т.III. Берлин, 1921. С. 210–216.

История эта наделала в Киеве много шума. Большевики поспешили «закрыть лавочку». В газете появились сообщения о контрреволюционной организации, выдававшей себя за бразильское консульство. Во главе стоял некто, называвший себя графом Пирро и расстрелянный, будто бы, в первую очередь. Из неофициальных источников наиболее распространенными были две версии. Как вспоминала очевидица киевских событий: «Одни считали его маленьким агентом Киевской чрезвычайки. Другие – их было много, думали, что это был Петерс»⁵.

Вернемся к разоблачениям газеты «Сегодня», которая взялась за дело основательно – опубликовала фотографию Пирро и предложила отозваться тех, кто был свидетелем киевских похождений «бразильского консула»⁶. Такие не замедлили объявиться...

Самой заметной и убедительной стала публикация статьи «Правда о провокаторе-чекисте Пирро» Старого киевлянина (псевдоним М.С. Мильруда)⁷. Автор подробно рассказал об обстоятельствах появления «бразильского консула» в Киеве, а также о том, как, выполняя задания ЧК, Пирро вел свою работу в двух направлениях: с одной стороны, фабриковал «международные заговоры» и передавал в руки чекистов им самим спровоцированных «контрреволюционеров», с другой – активно участвуя в валютных спекуляциях, вылавливал биржевиков-спекулянтов. Кроме того, автор рассказал о том, как Пирро застрелил в Киеве изнасилованную им девушку-латышку... В последних главах «Правды о провокаторе-чекисте» повествуется о том, как был инсценирован расстрел Пирро, и как через полгода тот «всплыл» уже в Сибири, в Омске, в роли датско-голландского консула Гофмана с теми же задачами, что и у «бразильского консула» в Киеве. (В Омске все закончилось похожим на Киев образом: Чека объявила консула Пирро-Гофмана «арестованным» и отправленным якобы в Москву.)

Разоблачительная кампания вокруг А.Пирро прекратилась столь же внезапно, как и началась.

В итоге, газетные публикации 1926 года представляют единственный источник для составления биографии человека, по-своему бесспорно выдающегося. Кроме указанной выше мемуарной публикации в «Архиве русской революции», добавить к ним по существу нечего.

Итак, что стало известно?

Альберт-Вольдемар Павлович Пирро родился в 1893 в Лифляндской губернии. По национальности то ли латыш, то ли эстонец. Политический авантюрист и жулик – аферист «широкого профиля». До революции

⁵ Л. Л.-ая. Указ. соч. С.16.

⁶ См. примеч. 3.

⁷ Старый киевлянин [М.С. Мильруд]. Правда о провокаторе-чекисте Пирро (По неопубликованным данным) // Сегодня. 1926. 17–24 февраля (№ 38–44).

печатался в газете «Ригас Авизе», в московской и петербургской печати, много путешествовал.

Из латышской газеты «Ригас Авизе» был изгнан за мошенничество: переводной английский роман выдал за собственное произведение, получил за это гонорар, но вскоре был уличен в плагиате.

В конце 1917 Пирро отместился в Иркутске. Он был в походной офицерской форме, на его груди красовались знаки отличия и ордена. Быстро втерся в местные общественные и политические круги. А затем с помощью газеты «Свободный край» объявил о предстоящем концерте Шаляпина в Иркутске и открыл предварительную подписку на билеты. Нашлось немало доверчивых лиц, внесших Альберту Пирро довольно значительную сумму денег. Разумеется, что Шаляпин и не предполагал приезжать в Иркутск, а Пирро с собранными деньгами скрылся.

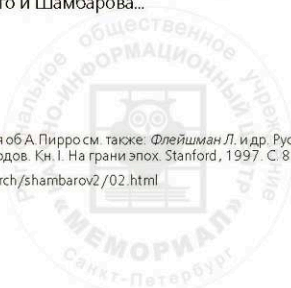
В начале 1920-х Пирро в Риге выдавал себя за сотрудника американской организации «АРА». Во время жизни в Латвии в 1920-е – 1930-е не менее семи раз подвергался аресту и тюремному заключению на разные сроки – от семи дней до полутора лет – за мошенничество и другие криминальные проступки. Известно, что в 1936 Пирро в очередной раз сидел в одной из латвийских тюрем по делу о мошенничестве⁸. Дата смерти Пирро не выявлена (в списках лиц, подвергшихся политическим репрессиям в 1940–1941, его имя отсутствует).

После Второй мировой войны имя Пирро всплывало дважды: в мемуарах Н.Равича «Молодость века» (1960) и в книге И.Я. Болгарина и Г.Л. Северского «Адьютант его превосходительства» (1967). В обоих текстах Пирро фигурирует как подлинный контрреволюционер и заговорщик. В своей книге «Государство и революции» (2001) В.Г. Шамбаров, не рассказывая ничего нового о «бразильском консуле», повторяет слухи о том, что в роли «графа Пирро»: «согласно многочисленным свидетельствам [!? – Б.Б.], выступал... сам Петерс». Единственным остроумным пассажем Шамбарова можно считать мысль о том, что «Петерс» (т.е. Пирро) «слегка предвосхитил методы Гейдриха с его знаменитым „салоном Китти“»⁹.

Научных публикаций собственно о самом Пирро или об истории «бразильского консульства» докладчиком не выявлены. Интернет-публикации по сюжетам, связанным с Пирро, представлены многократными повторениями текстов Болгарина/Северского и Шамбарова...

⁸ Биографические сведения об А. Пирро см. также: Флейшман Л. и др. Русская печать в Риге. Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. I. На грани эпох. Stanford, 1997. С. 85–87, 216–217, 261, 263.

⁹ <http://militera.lib.ru/research/shambarov2/02.html>

2. Случай Двойриса

15 марта 1978 «Литературная газета» опубликовала «судебный очерк» Аркадия Ваксберга «Роль»¹⁰.

Начало очерка было интригующим:

В ателье мод №5 города Сочи скромно зашел министр бытового обслуживания и лично сдал в переделку два костюма <...> Он был немолод, имел усталый, болезненный вид, но держался бодро, говорил с достоинством, явно знал себе цену...

В ателье министра обслужили качественно и быстро, даже не взяв оплаты – министр забыл в гостинице бумажник. Ранее министр представился зам. директора гостиницы как ответработник из центра, к тому же руководитель группы старых большевиков. Он распорядился доставить ему в номер набор рыбных изделий по специальному списку: икру красную, черную, крабов, а также сигарет импортных в блоках и без. Товар был без промедления доставлен. В знак благодарности министр продал замдиректору гостиницы один из своих костюмов – всего за 162 рубля с копейками... Затем министр стал постоянным посетителем сочинского магазина «Океан», где представлялся уже журналистом, сотрудником ТАСС и АПН, выполняющим задание государственной важности. Непререкаемого и резкого столичного журналиста снабдили все той же икрой, семгой, балыком, чавычей, осетриной и крабами, – все это в изрядном количестве. А затем министр, уже в облике представителя «ветеранов труда, героев, ушедших на заслуженный отдых», потребовал повторить вышеперечисленный дефицит. Ему отказали. Тогда министр разгневался, превратился в работника «ревизирующих органов», кинулся к телефону звонить своему близкому другу – министру торговли, чтобы тот учинил разнос... В этом месте следует ремарка, что телефонные разговоры – хобби министра, который звонит как от своего, так и от чужого имени...

По Сочи министр разъезжает на машине, которую ему выделил «Интурист», или на такси, которое ему подают по первому зову (в автопарке висит объявление: машину такому-то посылать без промедления в любое время суток). И министр едет: на склады, в магазины и на базы, забирает вина, фрукты, колбасы, рыбу, икру, костюмы мужские, комбинации женские...

В какой-то момент Ваксберг прерывает описание походов проходимца. Уже одно то, что самозванец выдает себя за министра, – должно было основательно заинтриговать читателя. Однако суть сюжета – в более завуалированной форме – сводилась к тому, что этот персонаж и в самом деле вход

¹⁰ Ваксберг А. Роль. Судебный очерк // Литературная газета. 1978. 15 марта (№ 11). С. 12.

в высокие кабинеты и близок с высокопоставленными людьми. Но кто же этот человек?

Только ближе к середине статьи приводится «официальная выписка из личного дела» героя очерка.

Фамилия имя отчество: *Двойрис Захар Семенович.*

Год рождения: *1909.*

Место рождения: *Винницкая область.*

Образование: *высшее юридическое.*

Партийность: *член КПСС с 1930 г.*

Социальное положение: *персональный пенсионер.*

Участие в Отечественной войне: *с января по март 1943 г. в составе 227-го гаубичного артиллерийского полка 70-й стрелковой дивизии. Отражая атаку противника, тяжело ранен и контужен <...>*

Награды: *орден Красной Звезды и четыре медали.*

Общественная деятельность: *депутат Моссовета с 1931 по 1934 г.; секретарь Бауманского РК ВЛКСМ с 1931 по 1933.*

Также из материалов следственного дела указано, что Двойрис получил орден за то, что лично выявил в Новосибирской области, где лечился от ран, 190 дезертиров и внес в фонд обороны 45 тысяч рублей!.. Еще из документов видно, что Двойрис ударник, изобретатель, рационализатор, бывший беспризорник. Уже находясь на пенсии, сдал «повыший» еще с тридцатых годов экзамен и получил диплом юриста и собирается защитить кандидатскую диссертацию... Далее указывается, что «авторитетные организации и почтенные люди всегда поддерживали ветерана и воина», хлопотали о том, чтобы пенсия ему была увеличена в три раза, чтобы квартиру дали в центре Москвы, дачный участок – в одном из лучших мест Подмосковья. Кроме того, Двойрис имел бесплатные путевки в лучшие санатории...

Но тут в жизни Двойриса и, соответственно, в очерке Ваксберга – появляется новый персонаж: простой советский закройщик сочинского ателье мод. Конфликт с упрямым закройщиком, которому Двойрис задолжал деньги за перешитые костюмы, невероятным образом привел к длительной судебной тяжбе. Сначала Двойрис побеждал по всем направлениям: ему, а не закройщику, выплатили компенсацию по указанию высокого начальства, а закройщик за клевету получил срок – один год исправительно-трудовых работ. И вот тут-то и наступает перелом во всей этой истории.

Закройщик начинает писать жалобы во все инстанции... В этом месте в тексте Ваксберга начинают звучать патетические хвалебные ноты в адрес закройщика. Я их пропущу.

Верховный суд республики отменяет все решения по закройщику. Зато «личностью истца начинают заниматься юристы».

Далее следуют постепенная дегероизация Двойриса, разоблачение созданных им легенд. Оказалось, что:

Никакого военного подвига Двойрис не совершал, 227-го гаубичного артиллерийского полка не существовало, ни единого дня Двойрис в армии не служил!.. Не жертвовал он и 45 тысяч в фонд обороны, не разоблачал дезертиров. (Ваксберг указывает, что проверкой прошлого Двойриса занялся не один человек – целая бригада: в розыск, якобы, включились историки, библиотекари, врачи!..) Истинны в биографии Двойриса «не оказалось вовсе». Кроме года рождения. Депутатом Моссовета и секретарем райкома он не был. В партию в 1930 не вступал. В Правовой академии ни одного экзамена никогда не сдавал. Школы тоже не кончил. Весь трудовой стаж «ветерана труда» насчитывал пять лет... Все остальное – по подложными свидетельствами и путем мошенничества.

Ваксберг воздаётся должное таланту Двойриса: его умению воздействовать на собеседника, умению выбирать язык, вживаться в роль. Двойрис сумел «мародерски... нагреть руки на чужой беде, к которой сам не имел ни малейшего отношения», – речь идет о редкой для советской печати 70-х годов теме политических репрессий: Двойрис *выдавал себя за жертву этих репрессий*. На самом же деле он отсидел, если верить Ваксбергу, пять лет за мошенничество. По легенде же самого Двойриса, он был арестован в 1937 и «незаконно осужден за свою деятельность на посту секретаря ЦК комсомола Украины».

Объясняя удачу, сопутствовавшую проходимцу, Ваксберг упомянул о карманном фотоальбоме, который Двойрис всегда носил с собой. На снимках он «соседствовал с людьми, которых знала в лицо вся страна: государственные деятели, актеры, герои войны и труда». Сообщается, что Двойрис втерся «в доверие к очень видному и очень старому общественному деятелю <...> и несколько лет ходил в его нештатных „секретарях“».

В конце текста читатель узнает, что Двойриса ожидает суд.

Поскольку очерк принадлежал перу автора, чьи тексты неизменно пользовались повышенным интересом, – можно с уверенностью сказать, что его прочитали практически все обладатели одной из самых популярных советских газет того времени. В условиях контролируемого и цензурируемого советского информационного пространства (в данном случае, времен застоя) подобная публикация воспринималась взорвавшейся бомбой...

Правда, читатели так и не узнали финала истории. К «делу» Двойриса «Литературная газета» больше никогда не вернулась.

Единственный *post skriptum* к очерку Ваксберга (спустя 30 лет!) – статья в интернете Геннадия Головкина «Борьба за спецалонь: нравы эпохи застоя»¹¹. Приведу из неё то, что дополняет очерк «Литературной газеты».

Головкин публикует документы и фотографии, касающиеся «личности Захара Двойриса – старого большевика, <...> а также его ближайшего окружения» –

¹¹ <http://www.be-energy.ru/main/13-borba-za-spectralony-nravy-jepokhi-zastoja.html>

первого космонавта СССР Ю.Гагарина, председателя Совета министров А.Н. Косыгина. Головкин называет имя того «старого общественного деятеля», к которому Двойрис втерся в доверие. Речь идет о Ф.Н. Петрове (1876–1973, партийный стаж с 1895). В 1973 Петров скончался, немного не дотянув до 100 лет.

Головкин сообщает, что после публикации в «Литературной газете» Двойрис пишет многочисленные жалобы и письма в высшие органы государственной власти, в которых полностью отрицает все обвинения. Первому секретарю МГК КПСС В.В. Гришину Двойрис пишет, что обвиняющие его «все хорошее стараются вычеркнуть из моей жизни, а берут на вооружение некоторые изъяны из биографии моей жизни».

Головкин приводит и такой любопытный факт: группа старых большевиков еще в 1968 написала коллективное письмо все тому же Гришину о «многолетней травле тов. Двойриса», которая заставляет волноваться Ф.Н. Петрова «так, что это угрожает его здоровью». «Кроме того, – писали старые большевики, – дискредитация биографа и помощника Ф.Н. Петрова (З.С. Двойриса) бросает тень и на имя Федора Николаевича, который известен во многих странах мира».

Согласно Головкину:

После статьи Ваксберга, санкционированной высшей властью, прокуратура завела на Двойриса уголовное дело, последовали обыски в его квартире, а затем и его арест. Следственные органы направили Двойриса на психиатрическую экспертизу, где его признали неизменяемым и, следовательно, не подлежащим суду. Он был помещен в психиатрическую больницу общего типа на излечение.

В публикации Головкина, кроме фактологии, есть странные оценочные пассажи, могущие вызывать недоумение. Но это – отдельный разговор, особая тема...

Итак, я попытался в меру своих способностей кратко пересказать два сюжета, две истории: «бразильского консула» и советского афериста эпохи застоя. Обе истории, каждая для своей эпохи, абсолютно «модельны», символичны. «Бразильский консул» – чистый и «незумутненный» случай чекистской провокации (и именно на провокации зиждутся хваленые чекистские победные «операции» 1920-х годов!). «Двойрис» – в чистом виде иллюстрирует абсолютную доступность и открытость брежневской власти аферам хама-проходимца.

Выделю несколько ключевых моментов, на которые хотелось бы обратить «биографическое» внимание:

Первое. Оба персонажа оказались вне поля зрения историков (неважно, советских ли спецслужб, нравов ли брежневской эпохи...).

Второе. В некоторых сообщениях, прозвучавших на наших предыдущих чтениях, затрагивались проблемы невозможности восстановления «биографического целого». Речь идет, в первую очередь, о докладах «Три лица Юзефа

Свято¹², «Дело Ерзинкяна...»¹³ – в обоих случаях биографируемые в какой-то момент просто исчезают из поля зрения биографа, и найти такого «исчезнувшего» не представляется возможным. Кроме того, рассматривался случай (правильнее – казус) с «о. Павлом Троицким»¹⁴ – случай конструирования биографии того, кого нету, кого не существует. Но во всех упомянутых сообщениях биограф располагал кругом источников¹⁵. Пускай даже этот «круг» ограничен и освещает далеко не все этапы жизни того или иного персонажа...

Но как быть, когда вполне значимая (любопытная, интересная, знаковая) фигура не может быть должным образом «представлена» («презентирована») биографом исключительно по причине отсутствия источников. То, что фигура эта существовала в реальности, что совершила нечто, заслуживающее внимательного рассмотрения, – обо всем этом мы можем судить лишь по одному источнику или по крайне ограниченному кругу источников. В данном случае речь идет о существовании исторического персонажа исключительно в пространстве нескольких газетных/журнальных или даже одной публикации. Говоря об отсутствии иных источников, мы подразумеваем или вообще отсутствие таковых (скорее всего, это так в случае с Пирро¹⁶), или недоступность их (как в случае с Двойрисом). Как быть, когда биограф не может ответить на слишком много вопросов? Только повторить информацию из единственного источника? Ведь все попытки что-то досказать... – уже из области беллетристики!

Третье. Полагаю, отсутствие этих персонажей за пределами нескольких пожелтевших газетных вырезок, – вполне закономерно. Причина забвения, отсутствия к ним интереса не обязательно кроется в таких привычных для нас и повсеместно наблюдаемых нами «практиках беспамятства». Все несколько сложнее.

Оба афериста – слишком «привязаны» к своей эпохе. Гибель эпохи означала, кроме всего прочего, и потерю интереса к этим фигурам, их «неактуальность». «А был ли мальчик» – «бразильский консул»? После бесследного

¹² Пачковский А. Три лица Юзефа Свято. К истории еврейских коммунистов в Польше // Право на имя. Биографика XX века: Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания, 16–18 апр. 2007: Пятые чтения памяти Вениамина Иофе. СПб., 2008. С. 220–231.

¹³ Беленкин Б. «Дело Ерзинкяна» и конец «великого немого» // Право на имя. Биографика XX века: Методология составления и изучения биографии, 17–18 апр. 2006: Четвертые чтения памяти Вениамина Иофе. СПб., 2007. С. 23–34.

¹⁴ Беленкин Б. Духовные заместители. «Биографические манипуляции» как следствие репрессий против священнослужителей в 1920-х–1950-х годах: несколько случаев // Право на имя. Биографика XX века: Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания, 16–18 апр. 2007: Пятые чтения памяти Вениамина Иофе. СПб., 2008. С. 12–29.

¹⁵ В случае с Ерзинкяном таким кругом источников располагал специалист по жизнеописаниям «невозвращенцев» – историк В. Генис, автор публикации о Ерзинкяне в журнале «Вопросы истории» (2005. № 7).

¹⁶ Имеется лишь указание на существование писем-прошений А. Пирро министру внутренних дел Латвии (Флейшман Л. и др. Указ. соч. С. 263).

исчезновения персонажа из газетного раздела «криминальная хроника», пропал повод вспоминать Пирро... А после десятилетий забвения уже проще было вернуть к жизни чекистскую «дезу» о якобы имевшем место всамделишном контрреволюционном заговоре «бразильца» (ср.: мемуары Равича или исторический роман Болгарина и Северина). В случае же Двойриса, являющегося бесспорно ярчайшей характеристикой нравов брежневской эпохи, – в условиях идеализации этой эпохи компромат на неё становится или неуместен, или требует слишком обширных комментариев. А может быть, и в том и другом случае – нежелание обманутых вспоминать, что их обманули?..

Последнее. Пирро биография не нужна. В каждой из его афер она ему может только повредить. Он – ниоткуда. Даже документы – лишнее (недаром, когда заходила речь о верительных грамотах «бразильского консула», он утверждал, что потерял их в дороге). Двойрис без биографии немыслим. Двойрис создал себе романтическую советскую биографию, которой ловко пользовался. Кем бы он не представлялся, у него всегда при себе какая-нибудь справка, альбом фотографий, он всегда может «куда надо» позвонить, и «кто надо» подтвердит его легитимность. Двойрис – аферист, умеющий эксплуатировать советскую биографию. О случае Двойриса можно сказать так: советская образцовая биография на службе афериста, на все случаи жизни у него – полный набор «имматрикуляционных грамот». У Пирро, действовавшего в других условиях, в другую эпоху, их нет и не может быть...

Максим Скорыходов

Статьи о «второстепенных персонажах» персональных энциклопедий:

отбор и структурирование материала

Максим СКОРОХОДОВ

*ученый секретарь Есенинской группы,
старший научный сотрудник ИМЛИ
им. А.М.Горького РАН*

В энциклопедиях, изданных в последние десятилетия и посвященных М.Ю. Лермонтову¹, А.С. Пушкину², В.В. Розанову³, Салавату Юлаеву⁴, Ф.М. Достоевскому⁵ и другим известным людям, содержатся сведения о многих других лицах, жизнь и деятельность которых в той или иной степени была связана с главным героем энциклопедии. В таких книгах биографии «второстепенных персонажей» оказываются далеко не полными, в них, как правило, не входят даже важнейшие события их жизни и деятельности, если они непосредственно не связаны с главным героем. Перед

¹ Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.: Советская энциклопедия, 1981.

² Пушкинская энциклопедия 1799–1999. М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999. 808 с.

³ Розановская энциклопедия / Российская академия наук. Институт научной информации по общественным наукам; Сост. и главный редактор А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008. 1216 с.

⁴ Салават Юлаев. Энциклопедия. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2004. 480 с.

⁵ Белов С.В. Ф.М. Достоевский: Энциклопедия. М.: Просвещение, 2010. 743 с.

автором подобных статей, нередко довольно кратких, встает сложная задача: не искажая биографии своего героя, что может быть вызвано отсутствием значимых для его жизни и деятельности фактов, вписать ее в контекст биографии главного героя исследования.

Статьи, посвященные «второстепенным персонажам» персональных энциклопедий, можно разделить на несколько групп.

Первая группа. Современники главного героя энциклопедии. Посвященные им статьи раскрывают круг общения главного персонажа, характеризуют его интересы, рассматривают факты биографии, связанные с его творческой, общественной деятельностью, личной жизнью. В этой группе есть как статьи об известных людях, так и небольшие справки о тех современниках героя энциклопедии, о которых сохранилась мало информации. Такие справки очень важны, поскольку благодаря им сохраняется память о человеке. Например, в кратком энциклопедическом словаре «Ломоносов»⁶ (М.: ОГИ, 2009) приводятся сведения о Василии Ивановиче Лебедеве (1716–1771) – переводчике Академии наук; Филиппе Трофимовиче Нестерове (1729–1782 или 1785) – ученике-мозаичисте, учившемся в мастерской М.В. Ломоносова; о Николае Гавриловиче Курганове (1726–1796) – профессоре астрономии Морского шляхетского корпуса, общавшемся с М.В. Ломоносовым; и о других современниках ученого. В книге С.В. Белова «Ф.М. Достоевский. Энциклопедия» сообщается о Василии Михайловиче Димитриеве (1821–1889), с которым Достоевский имел дела в июне 1877 при продаже «Дневника писателя». Всего семь строк (включая отсылку к источникам), но появляется интересный штрих к биографии писателя. Еще более краткая информация о Владимире Звереве, который в 1843 вместе с Достоевским окончил Главное инженерное училище. Фамилия школьного товарища героя «Записок из подполья» Зверкова вполне может быть соотнесена с Харлампием Зверковым – также выпускником Инженерного училища. Упоминается в энциклопедии «Ф.М. Достоевский» и Я.Г. Зембницкий, профессор, преподававший в училище геогнозию в то время, когда там учился Достоевский. Включение статьи о слушателе Петровской земледельческой академии Иване Ивановиче Иванове, убитом членами тайного общества «Народная расправа», позволяет раскрыть один из источников «Бесов». Благодаря подобным кратким статьям читатели энциклопедии получают возможность воспринимать жизнь и деятельность главного героя во всей их полноте и многомерности.

Статьи же о тех людях, жизнь и деятельность которых широко известна, как правило, не содержат даже кратких биографических справок и раскрывают

⁶ Это издание рассматривается его автором и составителем Э.П. Карпеевым как этап подготовки Ломоносовской энциклопедии.

тему их творческих и личных контактов с человеком, которому посвящена энциклопедия. Так, например, в «Лермонтовской энциклопедии» дается предельно краткая общеизвестная информация об А.С. Пушкине: «ПУШКИН Александр Сергеевич (1799–1837), рус. писатель, основатель новой рус. лит-ры»⁷. Затем раскрывается тема историко-литературных отношений Пушкина и Лермонтова. В первой части статьи в хронологической последовательности рассматривается влияние Пушкина на творчество Лермонтова (первые литературные опыты, развитие тем, имевших важнейшее значение для Пушкина, краткий сопоставительный анализ произведений двух авторов, произведения Лермонтова последнего периода и др.), характеризуется круг их общих знакомых. Во второй части анализируется ситуация, в которой происходило «литературное формирование» Пушкина и Лермонтова, что в значительной мере предопределило различия жанровых предпочтений двух классиков русской литературы, отличия в характере лирических эмоций, рассматривается влияние на творчество Лермонтова «Евгения Онегина», «Домика в Коломне», драматических произведений Пушкина и некоторые другие темы.

Вторая группа персональных статей посвящена людям, жившим ранее главного героя энциклопедии и оказавшим влияние на него, на его деятельность. Так, в книге «Ф.М. Достоевский. Энциклопедия» рассматривается эволюция взглядов писателя на пушкинское наследие. «Пушкин для Достоевского, – справедливо отмечает С.В. Белов, – был тем совершенством, к которому он всегда стремился приблизиться, тем неиссякаемым источником, из которого он всегда черпал свое вдохновение»⁸. С.В. Белов подробно останавливается на вопросе о воздействии наследия Пушкина на творчество Достоевского: «Пиковой дамы» – на «Преступление и наказание», «Игрока», «Братьев Карамазовых»; «Скупого рыцаря» – на «Подростка» и «Братьев Карамазовых». Во второй части статьи отмечается, что Пушкин был необычайно важен для Достоевского на протяжении всей его жизни. В шестнадцатилетнем возрасте Достоевский пережил смерть поэта как «великое русское горе», а в 1880, за несколько месяцев до кончины, в связи с открытием в Москве памятника поэту произнес на заседании Общества любителей российской словесности речь о Пушкине.

В энциклопедию, посвященную В.В. Розанову, круг интересов и источников творчества которого был очень широк, включены статьи об Аристотеле и Александре Македонском, Петре I и Александре I, Д.Г. Байроне и Н.К. Батюшкове.

Третья группа – статьи о тех людях, которые стали продолжателями идей, традиций главного героя энциклопедии, занимались изучением и популяризацией его жизни и деятельности. Безусловно, эта группа статей

⁷ Лермонтовская энциклопедия. Указ. изд. С.455.

⁸ Белов С.В. Указ. изд. С.516.

важна, при этом более значимым, чем в рассмотренных выше группах, становится отбор персоналий на этапе составления словника энциклопедии. Круг людей, для которых были или в настоящее время актуальны жизнь и творчество М.В. Ломоносова, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, В.В. Розанова, М.А. Булгакова, необычайно широк, некоторые из них немало сделали для изучения и популяризации их наследия. Однако, по нашему мнению, далеко не все из них заслуживают отдельных статей в персональных энциклопедиях. В ставшей классической в отечественной энциклопедистике Лермонтовской энциклопедии важную роль играют обобщающие значительный фактический материал статьи – такие как «Лермонтоведение», «Русская литература XIX века и Лермонтов», «Музыка и Лермонтов» (раздел «Сочинения Лермонтова в музыке»), «Театр и Лермонтов». В этих и подобных им статьях раскрываются общие тенденции, тема рассматривается в хронологической последовательности, однако не приводятся персональные данные о литературоведах, писателях, композиторах, драматургах, режиссерах, актерах. Если бы создатели Лермонтовской энциклопедии не провели отбор персоналий, только на справки о композиторах и перечисление созданных каждым из них произведений ушла бы едва ли не половина объема тома, поскольку к началу 1980-х на лермонтовские темы около 800 композиторов создало свыше 2500 музыкальных произведений. «Молитва» («В минуту жизни трудную») была положена на музыку более 80 раз, «Казачья колыбельная песня» – свыше 90 раз, «На севере диком» – более 100 раз. Но о людях, наиболее значимых, с точки зрения составителей энциклопедии, для раскрытия темы «Сочинения Лермонтова в музыке» даются отдельные материалы. Это персональные статьи о М.И. Глинке, А.С. Даргомыжском, А.Г. Рубинштейне, М.А. Балакиреве, М.П. Мусоргском, Н.А. Римском-Корсакове, А.Т. Гречанинове, С.В. Рахманинове, С.И. Танееве, Н.К. Метнере, Н.Я. Мясковском, Б.В. Асафьеве, Г.В. Свиридове и некоторых других композиторах.

В энциклопедии С.В. Белова «Ф.М. Достоевский», по нашему мнению, неоправданно велико число статей, посвященных артистам, режиссерам, сценаристам, благодаря деятельности которых появились спектакли и фильмы по произведениям писателя. В эту энциклопедию включены, например, статьи о М.А. Захарове, в 1997 поставившем в московском театре Ленком спектакль «Варвар и Еретик» по роману «Игрок»; о К.Ю. Лаврове, исполнившем роль Ивана Карамазова в фильме 1969 года «Братья Карамазовы», а затем снявшем третью серию этого фильма; о Т.В. Дорониной, игравшей в спектаклях по произведениям Достоевского и ставшей режиссером спектакля «Униженные и оскорблённые» во ХХАТе им. М.Горького.

Безусловно, тема «Достоевский и современность» должна присутствовать в энциклопедии. Поэтому, помимо статей об А.А. Ахматовой, А.А. Блоке, М.А. Булгакове, М.А. Волошине, В.С. Соловьеве, Г.И. Успенском, в энциклопедии

дию включены справки о Борисе Акуanine и Венедикте Ерофееве. При этом автор статей справедливо отмечает, что реконструкция Б.Акуниним неосуществленного замысла Федора Михайловича «не всегда корректна по отношению к текстам самого Достоевского»⁹, а в романе «Москва – Петушки» наряду с цитированием Достоевского наблюдается полемика с классиком и переосмысление его текстов. Как развитие темы «Достоевский и современность» можно рассматривать и статьи о деятелях театра и телевидения. Ведь если есть статьи о Б. Акуanine и В.В. Ерофееве, то, казалось бы, нельзя обойти вниманием М.А. Захарова и Т.В. Доронину, которые также переосмысливают классическое наследие, интерпретируют, в соответствии со своим представлением об искусстве, тексты Достоевского. Однако, на наш взгляд, о произведениях Достоевского на сцене и в кинематографе можно было рассказать, расширив соответствующие статьи, посвященные отдельным произведениям писателя. Например, в конце статей «Бесы», «Братья Карамазовы», «Идиот» сообщить о постановках и экранизациях того или иного произведения. Еще один возможный вариант подачи подобной информации – ее систематизация и анализ в отдельной статье. Подобным образом поступила редколлегия Лермонтовской энциклопедии: в довольно объемной статье «Кинематография» хронологически раскрывается история освоения кинематографом творчества и жизненного пути Лермонтова.

Еще более широкий круг персонажей предполагают включить в персональную энциклопедию создатели книги, посвященной М.А. Шолохову. В материалах, представленных для обсуждения участникам научного семинара «Шолоховская энциклопедия: современное состояние и перспективы» (Москва, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 4 февраля 2010), – статьи о Ю.А. Гагарине, А.А. Громыко, Н.С. Михалкове, Н.В. Мордюковой и многих других людях. Причем, в отличие от рассмотренных выше персональных энциклопедий, создатели Шолоховской энциклопедии предлагают публиковать справки, довольно полно раскрывающие весь жизненный и творческий путь «второстепенных персонажей». Так, например, рассказывается об учебе Ю.А. Гагарина, его службе в Советской армии, о пребывании в отряде космонавтов, об общественной деятельности, полученных им наградах. Все эти факты, являющиеся центральными в биографии первого космонавта планеты, не имеют никакого отношения к жизни и деятельности М.А. Шолохова, к увековечению его памяти. Единственные шолоховские штрихи в биографии Ю.А. Гагарина следующие: на третьем курсе Саратовского индустриального техникума он написал сочинение по роману Шолохова «Поднятая целина» и в 1967 приехал к М.А. Шолохову в станицу Вешенская с группой молодых писателей. Полагаем, что два этих эпизода не дают оснований для включения в Шолоховскую энциклопедию статьи о Ю.А. Гагарине. То же касается А.А. Громыко, довольно подробная биографическая справка

⁹ Белов С.В. Указ изд. С. 49.

о котором приводится лишь потому, что в автобиографическую книгу дипломата «Памятное» включена зарисовка «Шолохов в США».

Отметим, что структура персональных справочных изданий, подготовленных известным русским духовным писателем Евгением Николаевичем Погожевым (Евгением Поселяниным), примерно та же, что и в рассмотренных нами персональных энциклопедиях. Так, например, в его книге «Богоматерь. Описание Ее земной жизни и чудотворных икон»¹⁰ сначала рассказывается о жизни Богоматери – главного действующего лица этого издания энциклопедического типа. Затем приводятся «Сказания о чудотворных иконах Богоматери и о ее великих милостях роду человеческому». Структура этого раздела подобна тому, который характерен для современных персональных энциклопедий. Разница лишь в том, что материал расположен здесь не в алфавитном порядке, а в соответствии с годовым календарем, т. е. с января по декабрь, что обусловлено тем, какое событие в какой день празднуется Церковью. Так например, под 1 января (14 января по новому стилю) помещен материал «Явление Богоматери св. Василию Великому», в котором дается предельно краткая справка о Василии Великом, а затем сообщается о чуде от иконы Богоматери, свидетелем которого он был.

Мы привели этот пример, чтобы показать, что структура персональных справочных изданий, подготовленных совершенно разными авторами, учеными и духовными писателями, очень близка. Это свидетельствует об общих закономерностях в отборе и систематизации материала.

Четвертая группа (ее можно рассматривать и как подгруппу третьей группы) – статьи об ученых, посвятивших свою жизнь изучению и популяризации деятельности того человека, о котором рассказывает энциклопедия. При работе над словником этой группы статей необходимо проводить строгий отбор персоналий, поскольку далеко не все люди, писавшие что-либо о человеке (книги, диссертации, статьи), организовывавшие посвященные ему конференции, заслуживают включения в его персональную энциклопедию. Понятно, что в персональной энциклопедии необходимо показать, как изучались жизнь и деятельность главного героя учеными, как публиковалось его наследие, как происходило осмысление его значимости в связи с введением в научный оборот новых документов и материалов. Однако практически всю подобную информацию можно изложить в обзорных статьях, которые входят обычно в состав энциклопедий. Так, например, в Лермонтовскую энциклопедию включена статья «Лермонтоведение», в которой подробно рассматривается история изучения и осмысления учеными творческого наследия писателя. Персональные биографические статьи посвящены немногим – тем людям, которые, по мнению составителей энциклопедии, внесли наиболее весомый

¹⁰ *Поселянин Е. Богоматерь: Описание Ее земной жизни и чудотворных икон. В 2 т. М., 2002.*

вклад в становление и развитие лермонтоведения. Это авторы первых откликов на творчество Лермонтова, работ, появившихся во второй половине XIX и в начале XX века. Среди исследователей более позднего периода лишь две фамилии – Б. Эйхенбаума и И. Андроникова. Это люди, безусловно, сделавшие очень многое для изучения жизни и творчества писателя, для публикации и популяризации его творческого наследия.

Справка о И.А. Андроникове построена как биография ученого. Поскольку Лермонтов был средоточием научных интересов Андроникова, который занимался изучением творчества писателя на протяжении всей своей творческой жизни, эта справка довольно полно представляет его биографию. Однако подобные статьи, включающие довольно подробные биографические сведения о «второстепенных персонажах», в том числе о наших современниках, должны быть редким исключением в персональных энциклопедиях.

В пятую группу можно объединить статьи, посвященные родственникам главного героя энциклопедии. Многие из них отличаются от других статей о «второстепенных персонажах» тем, что содержат краткие биографические справки, дающие достаточно полное представление обо всем жизненном пути и деятельности человека. Так, в Лермонтовскую энциклопедию вошли статьи о Столыпиных: Алексее Емельяновиче (1744–1817), прадеде М.Ю. Лермонтова, отце Е.А. Арсеньевой, его сыне Дмитриии Алексеевиче (1785–1826). Более подробные статьи посвящены бабушке Лермонтова со стороны матери Елизавете Алексеевне Арсеньевой (1773–1845), воспитывавшей будущего поэта, его двоюродному дяде – Алексею Аркадьевичу Столыпину (1816–1858), который дружил с Лермонтовым.

Подобной должна быть и структура статей о родственниках С.А. Есенина, работа над созданием энциклопедии которого ведется в настоящее время в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Состав словника окончательно еще не утвержден, однако имеется значительное число статей о «второстепенных персонажах», подготовленных С.И. Зининым (Ташкент), которые, безусловно, будут широко использоваться при создании Есенинской энциклопедии. Например, редкие данные содержит краткая биографическая справка о скончавшейся в младенчестве сестре поэта Ольге Александровне Есениной (1898–1899): «Родилась 4 июля 1898 г. При крещении восприемниками были Петр Александрович Ерошин и Пелагея Никитична Есенина. Девочка умерла от коклюша 26 декабря 1899 г. Сергей Есенин в 1925 г. вспоминал покойную сестру в письме Г.Бениславской, говоря о своих сестрах Кате и Шуре: „У меня ведь была сестра (умершая) Ольга, лучше их в 1000 раз, но походит на Шурку. Они ее не знают, не знают и не знают“»¹¹.

¹¹ <http://www.zinin-miresenina.narod.ru/profile7.html>

Сходную структуру имеют статьи, посвященные родным М.А. Шолохова, которые подготовлены сотрудниками Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова (Ростовская область)¹².

Подводя итоги, отметим, что персональные энциклопедические издания, целью которых является создание объемной и многоплановой характеристики главного героя, не раскрывают биографий других лиц, которым посвящены отдельные энциклопедические статьи. В таких изданиях, как правило, не раскрываются даже в самых общих чертах биографии «второстепенных персонажей». Как исключение можно рассматривать статьи двух групп: о родственниках главного героя и об исследователях, посвятивших всю свою жизнь изучению (и/или) популяризации наследия главного героя энциклопедии. Статьи об этих людях позволяют познакомиться с их собственной биографией.

¹² С этими статьями можно познакомиться на сайте музея: http://www.sholokhov.ru/htdocs/localized/rus/m_enciklop.html.

Розалия Черепанова

Биографический текст в пространстве интертекстуальности

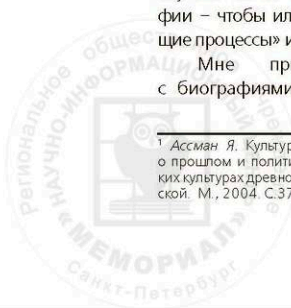
Розалия Семеновна ЧЕРЕПАНОВА

Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)

Не так давно кто-то из студентов задал мне детский вопрос, ответить на который мне неожиданно оказалось непросто: «Зачем вообще нужно изучать чьи-то биографии?». В отечественной историографической традиции индивидуальная биография всегда подавалась как «проявление», или частный случай, объективных тенденций и закономерностей. Однако и западная мысль, от М.Хальбвакса до Я.Ассмана, приходила к не менее категорическим выводам: «Уже само переживание возникает у нас с оглядкой на окружающих, в контексте социально заданных рамок значимости», определяя таким образом нашу позицию и саморепрезентацию¹. Но тогда, в самом деле, получается: зачем изучать чьи-то частные дела и биографии – чтобы иллюстрировать ими «общие процессы» и «социальные рамки»?

Мне приходилось работать с биографиями и автобиографиями,

¹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. С.37, 19, 38.

занимаясь, во-первых, общественной полемикой в России во второй четверти XIX в., а в последние годы – обработкой и анализом устных биографических рассказов, записанных в среде южно-уральской интеллигенции. Таким образом, в первом случае в поле моего внимания попадали акторы «большой истории», фигуры, что называется, первой величины (А.И. Герцен, П.Я. Чаадаев, Н.В. Гоголь, западники и славянофилы), во втором – неизвестные «маленькие люди»: провинциальные врачи, журналисты, учителя. Однако в обоих случаях я приходила к выводу, что взгляды человека, его убеждения, оценки, бытовое поведение, а следовательно, его реальная жизнь и автобиографическая репрезентация определяются не столько социальными обстоятельствами, напрямую сколько внутренней психологической и личностной само-концепцией, интериоризированной ролью² в некоем типологическом сюжете, ставшем жизненным сценарием личности. Уловить и описать жизненный сценарий человека отчетливее всего можно по совершенным им явным «нелогичностям», странным поступкам, немотивированным выборам, оговоркам и проговоркам – словом, по «уликам» (К.Гинзбург), «примечаниям» (Р.Барт), «рационализациям» (З.Фрейд), наконец даже по «умолчаниям», которые порой не менее красноречивы³.

От чего зависит выбор жизненного самоощущения и жизненного «сценария», трудно сказать: здесь играют свою роль и социальное окружение, и культурные потоки, и мелкие обстоятельства жизни, и особенности психического развития конкретной личности; В.В. Нуркова приводит точку зрения, согласно которой то воспоминание о себе, которое человек выбирает в качестве «первого», становится «жизненным сценарием»⁴; так или иначе, то, что такой выбор осуществляется и он значим для человека, очевидно⁵. Внешние факторы оказывают на этот выбор воздействие и в том смысле, что человек с самоощущением Героя может стать революционером, а может – полководцем, преступ-

² О важности реконструкции и реинтерпретации жизненной «роли» персонажа писал и такой авторитетный специалист в области биографического слудия как А. Валецкий. См.: *Валецкий А.Л. Основания биографии*. Киев, 1993. С.28. Мне приходилось специально анализировать жизненную позицию и биографию человека с точки зрения его персонального сценария. См.: *Черепанова Р.С. Н.В. Гоголь как социальный философ // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 2001. № 1. С.107–121; Черепанова Р.С. Безумец в маске мудреца, мудрец под маской безумца. Случай Петра Чаадаева // Неприкосновенный запас. 2009. № 3 (65). С.74–89.*

³ Как отмечает Ф.Анкерсмит: «И в психоанализе, и в истории то, что вытеснено, проявляет себя только в минорных и, по-видимому, irrelevantных деталях». См.: *Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры*. М., 2003. С.332.

⁴ *Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности*. М., 2000. С.86.

⁵ По-видимому, связь между творческим складом личности, привычкой к (само)анализу и разработанностью (убедительностью) личного сценария также имеет место. Во всяком случае, М.Маниульский ставит контуры и блоки личной истории в прямую зависимость от развитости внутреннего мира индивида, его интеллектуального и эмоционального потенциала. См.: *Маниульский М.А. Биография в структуре жизненного мира индивида // Человек. 2005. № 5. С.30–43.*

ником или тихим алкоголиком – в любом случае противоположность «норме» заведомо предписана его жизненным самоощущением. Самоконцепцию, активно претворяемую в жизнь, Э.Берн называл сценарием; близко к такому пониманию механизмов человеческого поведения находился, по-видимому, Ю. Лотман, когда, описывая поведение А.В. Суворова (то просвещенного философа, свободно изъясняющегося на нескольких языках, то ребенка, с руссоистской простотой играющего в прятки, то человека божьего с несвязной речью и кукареканьем) полагал, что Суворов, разыгрывая некие идеи, заигрывался, т. е. начинал сам верить в свою игру⁶.

Если понимать факторы формирования жизненного сценария (социальные импульсы; культурные потоки; в той или иной степени осмысленные – систематизированные, и, значит, сюжетизированные – чтобы быть пережитыми, реальные события) как тексты (а именно так их понимает логоцентрическое мышление постмодерна), имеет смысл исходить из принципа интертекстуальности, когда текст опирается на текст, а сюжет (в том числе сюжет собственной жизни) на сюжет. Иначе говоря, не только автобиография, но и биография, и «текст» реально прожитой жизни, таким образом, могут пониматься как нарратив, вписанный в некий сюжет и должный анализироваться только с учетом его погруженности в эту сюжетную и общую интертекстуальную среду. Помимо «горизонтальных» связей между текстами, существует, в классификации А. Мегилла, несколько «вертикальных» уровней нарративизации: 1) собственно нарратив; 2) мастер-нарратив, претендующий на статус авторитетного сообщения об отдельных сегментах истории; 3) большой нарратив, претендующий на статус авторитетного сообщения об истории вообще; 4) метанарратив, некие общие представления об устройстве мира, служащие оправданию и объяснению большого нарратива⁷.

От той или иной общей картины мира и истории, от той или иной интериоризированной роли и, наконец, от выбранной сюжетной формы (Х. Уайт) зависит в итоге комплект «событий», которые окажутся включенными в индивидуальное биографическое повествование в качестве фактов. Вспомним такой известный автобиографический текст как «Былое и думы» А.И. Герцена. Здесь, в соответствии со всеми условиями романной формы, есть детство Героя (достаточно суровое и драматическое, разумеется), есть Верный Друг и Чистая Возлюбленная, Духовный Двойник, есть Враги и Предавшие Друзья, Роковые Ошибки, Большие Испытания, Горькая Старость и мораль в виде Невозможности Вернуть Утраченное. Вопрос, однако, в том, насколько реальные люди действительно были Злодеями, Предателями, Борцами и так далее по тексту,

⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX в.). СПб., 1997. С. 270.

⁷ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 269.

или просто составляли декорацию личному герценовскому сценарию? То, что это был сценарий Героя, совершенно очевидно. Да и кем еще мог представить себя книжный юноша, до 30 лет опекаемый отцом и устроенный на службу по его желанию и протекции, простодушно признающийся в том, что «до семи лет было приказано водить меня за руку по внутренней лестнице, которая была несколько крута; до одиннадцати меня мыла в корыте Вера Артамоновна; <...> за мной, студентом, посылали слугу и до двадцати одного года мне не позволялось возвращаться домой после половины одиннадцатого»⁸. Разумеется, каждый шаг Героя должен был стать достоянием Истории – и Герцен несколько раз, еще с совсем молодых лет, принимается за составление своей художественной автобиографии. Герой не мог допускать проявления слабости, совершать недостойные поступки или руководствоваться обыденными мотивами, поэтому, когда Герцену приходилось оставлять наскучивших возлюбленных, он снимал с себя моральные терзания и оправдывался перед Историей, описывая трагическую неидеальность покидаемых женщин (выводя их для Истории под именами Газтаны и Елены, соответственно). Сама же Наталия рисовала себя совершенно бестелесно, точно подыгрывая Александру в его сценарии: «Вот еще пренестерпимая для меня должность – есть. Душа, все, все существо полно неба, полно тебя, святыни, Бога, а тут ешь говядину!»⁹.

В браке этих двух идеалистов было и рождение больных детей и, нередко, их ранняя смерть, так что однажды Герцен горько зафиксировал в Дневнике заключение врача о врожденных патологиях младенца, но тут же знаково скорректировал свои оценки, приписав патетическое: еще одна невинная жертва на совести самодержавия! Обвинение в адрес режима не просто уведило от персональной ответственности за близкородственный брак; главное: оно подразумевало, что страдает Герцен не просто как отец, а как Герой. И, разумеется, в «Былое и думы» попала именно эта «правильная», истинная не по форме, а по смыслу версия событий. Если вторая ссылка Герцена последовала в ответ на его сугубо служебную оплошность (разглашение материалов уголовного дела), то в «Былом и думах» она была подана как политическая расправа «николаевской опричнины» за политическую к ней нелояльность. Уезжая за границу – и потому, что рассорился с большинством бывших друзей, и для лечения больного сына, – Герцен обосновывал это решение ренегатством друзей и удушающим воздействием режима. Приятельница Наталии Герцен Т.А. Астракова вспоминала о Герцене: «...я часто указывала ему разлад его пера с его действительной жизнью»¹⁰. В действительности и детство Герцена не было таким уж одиноким; и на бессеребренника он, ценящий комфорт и умеющий считать деньги, совсем

⁸ Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1–3. М., 1982. С. 117.

⁹ Цит. по: Литературное наследство. М., 1997. Т. 99. Кн. 1. С. 18.

¹⁰ См.: Литературное наследство. М., 1956. Т. 63. С. 548.

не походил; и не только «борьбой» он, любящий шумные компании и веселье, заполнял свои дни; и нежную героиню он, в череде своих сердечных увлечений, легко превратил в домохозяйку. Но подобные малоприятные обстоятельства не вошли в «правильную» герценовскую версию его жизни, в мифологию «Былого и дум». Там сквозь годы рука об руку шли, как и полагается, Герой и Чистая Возлюбленная.

Аналогичным образом, в совершенно других текстах – в устных автобиографических рассказах моих старших современников – вся так называемая «большая» история, о которой они, вроде бы, вспоминали (революция, война, коллективизация и т.п.), в конечном счете оказывалась не более чем фоном для глубоко выстраданной личной истории себя как удачника или неудачника, счастливца или страдальца, героя или жертвы – «охотника» или «беглеца», в классификации, приводимой В.Нурковой¹¹. Каждый наш собеседник излагал версию событий, не только вписанную в ожидания группы, социума и интервьюера, но также и, может быть, прежде всего соответствующую его внутреннему самоощущению. Респонденты с самоконцепцией, условно говоря, «победителя» видели гораздо больше позитива и в ситуации войны, и в оценках власти, нежели собеседники с ярко выраженным позиционированием себя в различных оттенках «несчастливости», «непризнанности» и «жертвы». Рассказ последних зачастую даже в интонационном плане был исполнен неуверенных, мягких, жалующихся, обиженных, страдательных нот, тогда как монологи «борцов», «игроков», «победителей» звучали гораздо более напористо.

Нередко биографические рассказы, с точки зрения сюжетности, просто в той или иной степени обыгрывали известные мифологемы. Приведем несколько примеров.

1. История об утраченном Рае, где в качестве символа этого Рая, метафорой счастья и безмятежности, выступает дорогой отцовский рояль, на котором затем греется плитка эвакуированных квартирантов, и окончательное расставание с которым знаменует потерю отца как источника счастья, так что вся последующая жизнь героини предстает уже как «расколдованная» жизнь на грешной земле, с непреходящей горчинкой утраты (рассказчица А1, 1928 г.р., певица, преподаватель вокала).

2. Рассказ о «царевне» (так сказано о себе самой рассказчицей), танцующей девочке, рожденной для счастья и радости, но за отказ быть отданной проезжавшим беженцам навеки заколдованной ими в не умеющую радоваться и любить, суровую, неженственную amazonку, сварливую Бабу Ягу (К4, 1921 г.р., учительница начальных классов).

¹¹ Нуркова В.В. Указ. соч. С. 161.

3. История об Эдипе-изгнаннике, трагически изгнанном со своей малой родины и живущем в конфликте с родиной большой, избегающем говорить о своих родителях, братьях и сестрах и упрямо позиционирующим себя «сиротой» и «безотцовщиной» (рассказчик Б1, этнический немец, 1928 г.р., преподаватель).

4. Вариант сказки о Золушке, выхваченной из нищеты и обыденности феей, причем образ феи, для его усиления, дублируется на двух персон – столичную певицу Басову и Е.Ф. Гнесину. Характерно, что рассказ Л1, выглядящий как повесть о награждении героини «счастьем» за ее добродетель и перенесенные страдания, обрывается на моменте рождения ею ребенка: то обстоятельство, что ее единственный ребенок родился тяжело и неизлечимо больным, осталось за рамками рассказа, как нарушающее логику сюжета (Л1, 1928 г.р., певица, преподаватель вокала).

5. Плутовская повесть об игроке-трикстере-актере, долгое время убедительно и с увлечением игравшего, например, в бравого вояку (Е2, 1926 г.р., актер, преподаватель актерского мастерства).

Осмысление самого себя в границах того или иного сюжета предполагает наделение партнеров по жизни соответствующими ролевыми значениями. Нелюбимого мужа рассказчица Л1, тем не менее, как Золушка, представляет Принцем (он хорош собой, красиво и дорого ухаживает и он подчеркнуто не называется в рассказе по имени). Распад Рая означает для Л1 прогрессирующее погружение во зло, даже если реальные факты, о которых она неохотно проговаривается, рисуют ее жизнь на общем фоне отнюдь не такой трагичной. Респондентка К4, как воплощение древнего женского культа, пожирает своих слабых мужчин: мужа, зятя, возможно, и сына; Б1, как и полагается Эдипу, почти ничего не говорит ни о родителях, ни о своих детях. Рассматривая «власть» как пространство санкционированного ею порядка, Б1 воспринимает свое бытие при «советском режиме» как пребывание на чужбине, где ему все одинаково чуждо: и колхозный строй, и пиррова Победа над фашизмом, и «ложь» коммунизма, и безнравственность «демократии», зато «европейские» (германские и французские) бытовые порядки представляются в его рассказе вариантом утерянной родной общины, родовой общности. Вскользь упоминаемое им, скорее как метафора, эссе Солженицына «Жить не по лжи» становится ключом к его восприятию «здешнего» «ложного» порядка. В противостоянии этой «лжи» Б1 готов идти вплоть до полного отрицания официальных идеологических клише (если в официальном нарративе войны провозглашаются невероятные тяготы и испытания, выпавшие на долю мирного населения, Б. заявлял, что никаких особых военных лишений его поколение не испытывало, и т.п.).

Предполагая, что в немалой степени избираемую роль и тип сюжета предопределяют неизжитые и тщательно маскируемые комплексы рассказчика, можно сказать, что у Б1 этой болевой точкой является травматический опыт, связанный с собственной национальностью (и, соответственно, с родителями). Он лишь однажды, в начале интервью, очень прозрачно проговаривается, что принадлежит к немцам Поволжья; затем, сообщая, что часто бывает за границей, умалчивает о том, что плацдармом для его путешествий служит семья его дочери, осевшая в Германии и вполне благополучная. У Е2 сюжетобразующим толчком, вероятно, выступает необходимость преодоления идущего из «ссылнокаторжного» детства отчуждения от родины, что и достигается им через серию воинских походов, о которых он рассказывает с упоением и бравадой. Эти походы стали его инициацией, искуплением кровью, после чего он наконец обрел идентичность с Отечеством.

Как это ни банально, но, по-видимому, для человека главной всегда действительно выступает трагедия его собственной жизни, а пресловутые «общие законы» и «социальные рамки» действуют намного сложнее и тоньше, чтобы по-прежнему находить их и судить о них с позитивистской простотой.

Ольга Тиховская

Стереотипы и мифы в контексте индивидуальной истории:

К проблеме реконструкции биографии
А. О. Гавронского (1888–1958)

Ольга Александровна ТИХОВСКАЯ

Центр гуманитарных проектов

«ИнтерКласс»

(Кишинёв, Республика Молдова)

В числе деятелей советской культуры и искусства, ставших жертвами сталинских репрессий в начале 1930-х, кинорежиссёр Александр Осипович Гавронский (23 июня 1888, Москва – 17 августа 1958, Кишинёв) был не единственным, чья личная история разделилась на периоды «до» и «после» Октябрьской революции.

Однако именно А.О. Гавронский оказался человеком «адаптированной биографии» для большинства людей, входивших в круг общения режиссёра до ареста в 1934 и впоследствии, на протяжении его двадцатитрёхлетнего лагерного бытия¹. В новом историческом и социальном контексте способы самопрезентации личности и оптимальный объём информации о дооктябрь-

olgati@yandex.ru

¹ Осуждён постановлением ОС при КОГПУ от 27.02.1934, постановлением ОС при НКВД СССР от 05.02.1938, приговором ВТ войск НКВД СССР на строительстве Северо-Печерской железнодорожной магистрали от 01.06.1942, постановлением ОС при МГБ СССР от 23.07.1952. – Копия справки ВК ВС СССР от 06.02.1957. – Личный архив автора.

ском прошлом неизбежно корректировались. Недосказанность, немногословность была естественной защитной реакцией, в какой-то мере обеспечивавшей адаптацию и выживание в условиях нового режима.

Внук основателя чаеоторговой фирмы «Высоцкий и К», наследник миллионного состояния, А.О. Гавронский до октября 1917 был одновременно связан с несколькими интеллектуальными и профессиональными кругами в России и за рубежом. Имена братьев А.О. Гавронского, Д.О. Гавронского, Б.О. Гавронского, Я.О. Гавронского, И.О. Гавронского и их сестры А.О. Фондаминской встречаются в материалах, относящихся к деятельности Партии социалистов-революционеров, к философской школе Когена в Марбургском университете, к русской политической эмиграции, к литературной и театральной жизни в России, Германии, Швейцарии.

Послеоктябрьский период жизни А.О. Гавронского начался в Москве с участия в работе Театрального отдела Моссовета (1918–1919), Шаляпинской драматической студии (1924)², школы эстетического воспитания под руководством Н.И. Сац³ и киношколы Б.В. Чайковского (1925–1928)⁴.

В 1927 имя А.О. Гавронского появилось в списке сотрудников киностудии «Госвоенкино». В течение последующих шести лет Александр Гавронский снимал художественные фильмы: «Круг» («Госвоенкино», 1927), «Мост через Выпь» («Госвоенкино», 1928), «Кривой рог» («Госвоенкино», 1928), «Тёмное царство» (ВУФКУ, Одесса, 1929), «Настоящая жизнь» («Белгоскино», 1930), «Любовь» («Украинфильм», 1933).

До ареста, а также за время пребывания в Гулаге и в недолгий период жизни после реабилитации А.О. Гавронский стал знаковой фигурой – учителем, другом, наставником – для впечатляюще многочисленного неформального сообщества деятелей культуры и искусства, в лагере и за его пределами.

Создание полномасштабного жизнеописания А.О. Гавронского является непростой задачей, прежде всего потому, что история личности и внешняя, «карьерная» биография в данном случае несоразмерны. Выявленные к настоящему времени источники, находящиеся в личных и государственных архивах в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Одессе, Кишинёве⁵, позволяют, с определёнными ограничениями, реконструировать жизненный путь и внутренний мир А.О. Гавронского.

² Львов Н.А. Шаляпинская студия: Воспоминания // Театр. 1971. №9. С. 87

³ Магнитофонная запись воспоминаний театрального художника Н.М. Набоковой (1991). – Личный архив автора.

⁴ Магнитофонные записи воспоминаний киноактрис Р.Д. Есиповой и Н.М. Алифановой (1987). – Личный архив автора.

⁵ В их числе: РГАЛИ, научный архив Госфильмофонда РФ, личные архивы О.П. Улицкой, Н.В. Гернет, Т.В. Петкевич, Х.Г. Фришер, Е.И. Клавсуг, Е.А. Благининой, И.Г. Винокурова.

Большая часть источников, напрямую репрезентирующих творческие достижения и духовный мир А.О. Гавронского, не сохранилась. Фильмы, материалы спектаклей, рукописи трудов по философии и математике восстановить невозможно. Однако доступный в настоящее время корпус эпистолярных и мемуарных текстов является важной составляющей для реконструкции биографии А.О. Гавронского, чья жизнь оказалась мифологизированной ещё до репрессий и последовавшего за этим изъятия его фильмов из подконтрольного государству культурного пространства.

Поскольку работа над биографией А.О. Гавронского ещё не завершена, мне представляется важным, на данном этапе, поделиться наблюдениями над тем, как складывающийся в ходе исследования гипертекст помогает интерпретировать и продуктивно использовать не только документальные источники, но и косвенные свидетельства. Это устные предания, легенды, мифологизированные домыслы, появившиеся не как следствие сознательной мистификации, но как реакция на определенные информационные лакуны, умолчания и потребность дополнить образ человека, значимого для мемуариста.

Критическая интерпретация недокументированного, «фольклорного» заполнения биографических лакун даёт ключ к пониманию механизмов восприятия современниками яркого, неординарного человека. Кроме того, анализ стереотипов и мифов позволяет воссоздать биографические ситуации, в которых выявляются характерные черты отдельных личностей и социальных групп, специфика индивидуальных жизненных стратегий и межличностных контактов в определённый исторический период.

Рассмотрим самый устойчивый и частотный стереотип восприятия личности А.О. Гавронского. «Профессор» – так в ряде источников разные мемуаристы называют режиссёра, не имевшего профессорского звания и не принадлежавшего к формальному учёному сообществу⁶.

«Александр Осипович Гавронский – его зоркий глаз маститого профессора искусствоведения мгновенно подмечал малейшую фальшь или несообразность в ткани спектакля. Его суждения являлись для меня решающими при сдаче каждой очередной премьеры», – вспоминала актриса и режиссёр Т.Г. Цулукидзе⁷.

Ещё одно свидетельство: «Часто говорили об одном пожилом человеке. – Он восемь раз профессор, хвасталась своей осведомлённостью Жаннет»⁸.

В этом же источнике находим другой домысел в отношении А.О. Гавронского: «...Любители театра попросили профессора собрать агитбригаду. Многим

⁶ Причём «профессор» употребляется не в качестве прозвища (как это было, например, с шутивым обращением «Патрон» в узком кругу молодых друзей и сотрудников А.О. Гавронского во время съёмок фильма «Тёмное царство» в Одессе).

⁷ Цулукидзе Т.Г. Всего одна жизнь. Тбилиси. Хеловнеба, 1983. С. 283.

⁸ Фришер Х. В нашей жизни много раз – «Так трудно ещё не было» // Доднесь тяготее: В 2 т. Т.1. М., 2004. С. 389.

известно было, что он когда-то, между прочим, окончил и режиссёрский факультет. Создавать агитбригаду он не собирался, но всё же поставил нелёгкую пьесу Мериме „Ад и рай“⁹.

Режиссёрский факультет в данном случае – явный домysel и анахронизм, поскольку профессионального режиссёрского образования в годы дореволюционной молодости А.О. Гавронского («когда-то» – для мемуаристики) ещё не существовало.

Третий источник также представляет А.О. Гавронского в качестве профессора: «Ещё находясь с ребёнком на „клопине пункте“, я участвовала в самодеятельности и там познакомилась с её руководителем, обаятельным пожилым профессором Александром Осиповичем Гавронским»¹⁰.

Эти свидетельства о встречах с «профессором» А.О. Гавронским в Гулаге перекликаются с воспоминаниями людей из круга общения режиссёра, сложившегося ещё до ареста, в конце 1920-х и начале 1930-х. В основном это была творческая молодёжь, имевшая возможность непосредственно сравнивать А.О. Гавронского с другими деятелями кино и театра.

В свидетельствах тех, чья юность пришлась на период конца 1920-х, наблюдается следующая картина. Отмечают, прежде всего, образованность, огромную эрудицию, интеллектуальное богатство, глубокие познания А.О. Гавронского и его стремление помогать, обучать, направить в профессии. При этом в свидетельствах долагерного периода также проявляется недостаток биографических сведений, той информации, дефицит которой приводит к стихийному заполнению лакун.

Нижеследующее свидетельство интересно тем, что мемуаристка стремится идентифицировать и локализовать профессиональные качества А.О. Гавронского, пригласившего её на главную роль в фильме «Настоящая жизнь» (1930): «Это был действительно образованный человек, очень. Я его судьбу не знаю. Говорят, он был юрист – в прошлом. Но у нас он был режиссёром. Он был откуда-то пришедший в кино, уже сложившийся человек – творчески, мировоззренчески. И он как-то профессионально переключился на эту работу»¹¹.

Информационный дефицит сказывается и в таком свидетельстве: «Он очень много знал, очень много понимал и был очень интеллигентен, очень воспитан. Какие-то „крови“ у него были совершенные. Он прекрасно знал философию. Жаль, что о нём так мало известно. <...> Наше образование началось с картины Гавронского [„Любовь“, 1933]. Мы довольно много от него узнали и стали интересоваться очень многим. Он нас направил»¹².

⁹ Фришгер Х. Указ. соч. С. 452.

¹⁰ Волович Х. О прошлом // Доднесь тяготеег. Указ. изд. Т1. С. 513.

¹¹ Магнитофонная запись воспоминаний киноактрисы А.Я. Заржицкой (1987). – Личный архив автора.

¹² Магнитофонная запись воспоминаний киноактрисы Р.Д. Есиповой (1987). – Там же.

Следующее свидетельство, отсылающее к общению с А.О. Гавронским в период с 1929 по 1933, интересно приведенным сравнением и упоминанием о занятиях философией: «Я очень многим обязан Александру Осиповичу. Я был безграмотный, ничего не знающий парень. В недавнем прошлом – грузчик из Новороссийска. Я помню, под руководством Александра Осиповича штудировал Канта – „Критику чистого разума“».

«Я встречал на своём пути двух человек, которые обладали такими знаниями и так обогащали молодёжь. Это Сергей Михайлович Эйзенштейн и Александр Осипович Гавронский. Они никогда не говорили: „Этого я не знаю“. О чём бы их ни спросили – на всё они давали исчерпывающий ответ»¹³.

Знакомство следующей мемуаристки с А.О. Гавронским началось в Москве, в школе эстетического воспитания, и, спустя десятилетие, продолжилось в Медвежьей Горе, где и мемуаристка и А.О. Гавронский отбывали ссылку: «У Александра Осиповича учились все. Мне всегда казалось, что он видит то, что мы ещё не видим, ещё не чувствуем. <...> Он из меня сделал не только художника, но и человека. Скажет что-то между прочим, а это ложится навсегда...»¹⁴.

Представив пространство индивидуальной биографии как гипертекст, со многими отсылками к другим личным историям и к событиям макроистории, можно объяснить некоторые особенности стереотипных представлений об А.О. Гавронском и природу домыслов, вписанных в конкретный исторический контекст. Темпоральная составляющая помогает определить причины целого ряда «несовпадений» реальных фактов биографии А.О. Гавронского, которые не были известны мемуаристам в момент общения.

Философское образование А.О. Гавронского, его связь с Марбургским университетом¹⁵ и профессиональные занятия философией упоминаются мемуаристами из круга общения режиссёра 1940-х и 1950-х¹⁶. В то время как в источниках, относящихся к 1920-м и началу 1930-х, мы встречаем лишь такие догадки и характеристики, как-то «он был юрист», «он очень много знал», «он прекрасно знал философию». Можно предположить, что в конце 1920-х и на рубеже 1930-х, философское образование А.О. Гавронского являлось предметом умолчания не случайно. Уже были известны случаи преследования властями тех, кто занимался философией, антропософией, филологией.

Но в лагере, особенно после получения нового срока по приговору Военного трибунала войск НКВД СССР (1 июня 1942), А.О. Гавронский не скрывал свою причастность к философскому «сословию». Тем более, что, при постоянных перемещениях из одного лагеря в другой и необходимости адаптировать-

¹³ Магнитофонная запись воспоминаний литератора И.Г. Винокурова (1986). – Личный архив автора.

¹⁴ Магнитофонная запись воспоминаний театрального художника Н.М. Набоковой (1991). – Там же.

¹⁵ Ванев А. Два года в Абези: В память о Л.П. Карсавине // Наше наследие. 1990. №3. С.78.

¹⁶ Петкевич Т.В. Жизнь – сапожок непарный. Книга первая. СПб., 2010. С.297.

ся к новым лагерным сообществам, включались механизмы сохранения самоидентичности, а вне философских занятий А.О. Гавронский не мыслил себя творческой личностью.

В переписке А.О. Гавронского с другом и многолетней корреспонденткой, детской писательницей и драматургом Н.В. Гернет находим целый ряд подтверждений активных занятий философией.

«Я работаю бездну, всячески используя то обстоятельство, что ещё не сдал. Работаю над концом второго тома моей основной итоговой работы, а в папках, увы, накопилась масса листков для третьего. <...> Работаю над новой математикой и полной переработкой ещё в 37 году „законченной“ „Эстетики“. Даже времени не хватает к смерти готовиться», – пишет А.О. Гавронский 12 января 1947. В письме от 23 февраля 1947 сообщается: «Работаю я запойно и то, что я парадоксально имею эту возможность, – единственное благо в моей ситуации. Делаю что-то стоящее в философии и науке...»¹⁷.

В результате очередного обыска в лагерном бараке, где содержался А.О. Гавронский, были полностью изъяты его рукописи. Свидетельства этого находим в воспоминаниях Т.В. Петкевич¹⁸ и в письме А.О. Гавронского от 9 сентября 1948: «Я взял себя в руки и залатал мой травмированный позвоночник, честное слово. Делаю, и удачно, перед самим собой вид, будто совсем неважно, что у меня нагло слязмили четыре с половиной года моей работы, – и приступил к писанию донельзя сконцентрированного, обобщающего и итогового „Философского завещания“. Эдак листов двадцать (печ.). Работать мне снова есть где. И я работаю днём и ночью, даже во сне, которым принципиально не злоупотребляю»¹⁹.

Как видим, стереотипные представления и домыслы ряда мемуаристов об А.О. Гавронском своеобразно вписываются в биографический гипертекст и, наряду с документированными свидетельствами, – оказываются немаловажными для интерпретации истории личности и постановки новых задач биографического исследования.

В частности, такой задачей представляется интерпретация пересечения биографий А.О. Гавронского и поэта Б.Л. Пастернака. Юношеская дружба, не получившая продолжения в зрелые годы, послужила материалом для мифа, созданного биографами поэта. Подробный анализ этого интересного случая мифологизации в рамках настоящей статьи не представляется возможным. Однако это тема, которую мы не можем проигнорировать. Обозначим основные положения, вплотную связанные с рассмотренными выше случаями домыслов и стереотипов.

¹⁷ Из личного архива Н.В. Гернет (материалы предоставлены Э.М. Раушем-Гернетом).

¹⁸ Петкевич Т.В. Указ. соч. С. 297–298.

¹⁹ Из личного архива Н.В. Гернет (материалы предоставлены Э.М. Раушем-Гернетом).

В обстоятельной биографии Б.Л. Пастернака «остроумный и светский Саша Гавронский» представлен как юноша, «лишённый серьёзных интересов», который «ездил по Европе без особых духовных и жизненных намерений». «Он был начитан и ещё больше знал понаслышке. Его черты можно узнать в образе Сашки Бальца из „Спекторского“»²⁰.

Интерпретация дружбы двух юношей представлена на основе сохранившихся писем Б.Л. Пастернака к нескольким адресатам, в том числе А.О. Гавронскому и его жене Е.Гавронской²¹. Однако автор биографии делает вывод, по сути, отказывающий как самому Пастернаку, так и другу его юности в праве на развитие – личности, характера, взглядов. От синхронной характеристики юного Саши Гавронского биограф переходит к художественным образам, в которых можно узнать некоторые черты реального прототипа (Сашка Бальц в «Спекторском», Шютц в «Трёх главах из повести»). И затем граница между литературным персонажем и предполагаемым прототипом – для биографа – исчезает.

Вот описание случая, когда Борис Пастернак и жена Гавронского Евгения кружили по Москве, разыскивая двадцатитрёхлетнего Александра: «Они нашли Гавронского в „Номерах Воробьёва“, дешёвой гостинице на Малой Лубянке. Сцена в номерах в изменённом виде – важное композиционное звено романа „Доктор Живаго“. Она стала отражением цинизма и душевной грязи, которыми заражен пожизненный антагонист Пастернака, олицетворяющий лёгкую победу над жизнью»²².

В описании последующих периодов жизни и творчества поэта мы не находим упоминания имени А.О. Гавронского и подтверждения характеристики «пожизненный антагонист Пастернака». Биограф не приводит никаких сведений о том, что старые друзья когда-либо встречались после 1930 и что поэт был в курсе лагерной эпопеи друга юности. Откуда же у биографа основания для таких далеко идущих обобщений, как «пожизненный антагонист»?

По сути, мы имеем дело с двумя мифологизированными образами: Поэта и Циника. Однако при биографическом описании реально существовавших людей необходимо решить, даётся ли информация о них в синхронии или диахронии. В данном случае факты, релевантные в синхронном описании, используются для выходящих за рамки синхронного описания обобщений, то есть не корректно. И это превращает хронологически ограниченный фрагмент биографии Б.Л. Пастернака в некое подобие литературоведческого текста. Однако литературоведческое и биографическое исследования имеют совершенно разные предметы и разные задачи.

²⁰ Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Материалы для биографии. М.: Сов. писатель, 1989. С. 76.

²¹ Пастернак Б.Л. Полное собр. соч. В 11 т. Т. VII. М., 2005. С. 63–66, 69–71, 84–85.

²² Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Материалы для биографии. Указ. соч. С. 134.

Тем не менее, этот пример мифологизации чрезвычайно интересен, поскольку имеет продолжение – уже в рамках нашего исследования, посвящённого биографии А.О. Гавронского. В письмах А.О. Гавронского 1940-х и 1950-х встречаются упоминания Бориса Пастернака. Приведём лишь один фрагмент письма, адресованного актрисе Т.В. Петкевич:

...Вспоминаю я, как сидели мы как-то втроём²³, поздно ночью, в одну из ночей, когда вытворялись всякие чудеса в философии и около искусства и, – забыл уж в связи с чем, – я сказал Боре: «Наше несчастье, твоё особенно, в том, что когда захватывает настоящая красота, всё равно – в музыке, природе, в литературе и, главное, в жизни, то хочется просто ...кричать. А ведь необходимо этот крик претворить в другую красоту, в творчески её достойную форму. Иногда это удаётся. Только – иногда». Тогда словечко «крик» стало у нас термином. А когда я в 1930 привозил в Москву моё «Тёмное царство», таким победителем наперекор сплочённой среде, то в одну из наших встреч Боря сказал: «Картина поразительная, но лучшее в ней – крик».²⁴

Настоящая публикация является попыткой проанализировать одно из проблемных направлений биографической реконструкции, рассмотреть примеры стереотипов и мифов в контексте индивидуальной истории, с тем, чтобы продолжить работу над жизнеописанием А.О. Гавронского, общение с которым было профессионально и человечески значимым для большого сообщества театральных актёров, режиссёров, художников, деятелей кино, литераторов. Среди них – Т.В. Петкевич, Т.Г. Цулукидзе, Е.И. Клавсуть, Н.М. Набокова, Л.Курбас, К.Г. Сварожич, Б.А. Маевский, О.П. Улицкая, Р.Д. Есипова, Л.Я. Штейн, Н.М. Алифанова, И.И. Шекер, Е.К. Мельникова, П.Серёгин, Е.Л. Дзиган, Н.В. Гернет, Е.А. Благинина, Г.Н. Оболдуев, Х.Г. Фришер, А.С. Эфрон, И.Г. Винокуров.

В этой связи, при уточнении концепции биографии А.О. Гавронского, мы неизбежно обращаемся к теме гуманистических традиций русского учительства, а также к теме личной ответственности за сохранение культурной и духовной преемственности в проблемном пространстве, подконтрольном тоталитарном государству.

²³ А.О. Гавронский, Б.Л. Пастернак, И.Д. Высоцкая.

²⁴ Из личного архива Т.В. Петкевич.

Елена Струкова, Илья Кучанов

Биография как фактор успеха предвыборной кампании

Елена Николаевна СТРУКОВА
Илья Семенович КУЧАНОВ

*Государственная публичная
историческая библиотека России*

Обязательным элементом любой избирательной кампании является знакомство электората с биографией кандидата. Хорошо изложенная биография может стать решающим фактором успеха, и соответственно, плохо изложенная биография начинает работать против кандидата.

Короткая история альтернативных выборов в России фактически ограничивается двумя датами: первыми выборами народных депутатов СССР 1989 года и последовавшими на следующий год выборами народных депутатов РСФСР и местных и республиканских органов власти. Конец XX века стал фактически и определенным рубежом в развитии страны. Выборы Президента РФ 26 марта 2000, наглядно показали, что теперь избиратель может выбирать только из кандидатов, поддерживаемых существующей властью.

Итак: двенадцать лет и тысячи единиц хранения биографий кандидатов, собранных в коллекции современных политических документов Исторической библиотеки России.

stru@shpl.ru
ilyask80@mail.ru

Традиционно считается, что пристальное внимание, обращенное в первую очередь к личностям, участвующим в выборах, а не к программам их самих или выдвигавших их политических объединений, является характерным для государств, в которых институты гражданского общества еще не сформировались.

С другой стороны, часто приходится слышать, особенно от политтехнологов, о некоей загадочной «русской харизме», об ожидании в России мифической сильной личности, которая в тяжелый час явится спасать страну. И что именно этот фактор является причиной сильной персонификации избирательных процессов.

Но не стоит все списывать исключительно на русскую ментальность и на несовершенство политической системы. Жак Сегела, стоявший во главе политических рекламных кампаний, приведших к власти Франсуа Миттерана, Александра Квасневского и нескольких других европейских президентов, писал: «Выборы – не что иное, как встреча судьбы человека и ожидания нации»¹.

В кратком описании жизненного пути человека, претендующего на выборную должность, должна быть очень лаконично воплощена идея, что именно этот кандидат как нельзя лучше подходит на вакансию. Следует также учитывать, что совершенно разные задачи у текста биографии, изложенной в рекламной кампании президента, и такого же текста для кандидата, претендующего на пост советника муниципалитета.

Но биография любого человека, вступившего на путь борьбы за выборную должность, в идеале должна быть понятна и прозрачна. Выборы – это едва ли не самый яркий случай, когда биографика находит свое практическое применение. И не просто находит его, а становится неотъемлемой и важнейшей частью политической конкуренции.

Новейшая российская история, несмотря на короткий отрезок времени, в течение которого проходили альтернативные выборы, имеет богатый опыт применения биографий в избирательных кампаниях. Возможно, со временем на основе этого материала будут проводиться социологические и политологические исследования, посвященные биографиям, включающие в себя традиционные методы работы с массовыми источниками.

В настоящее время, когда, с одной стороны, материал еще недостаточно систематизирован и обработан для таких исследований, а с другой – не пройдена еще хронологическая дистанция, отделяющая исследователя от описываемых событий, мы можем говорить только о некоторых общих чертах, которые наглядно иллюстрируют материалы из фонда нетрадиционной печати Исторической библиотеки.

История альтернативных выборов в России четко делится на два периода: первый – когда оказание психологического давления на избирателя с помощью

¹ Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. Восемь уроков для кандидата-победителя. М.: Вагриус, 1999. С.8.

применения политических технологий было незначительным, и второй – когда политические технологии становятся доминирующим средством в борьбе за голоса избирателей. Существует хронологическая граница этого явления – выборы Президента РФ 1996 года, – именно тогда технологии ведения избирательной кампании стали основой ее успешного проведения.

Теперь посмотрим, какова роль биографии кандидата применительно к избирательным кампаниям, проходившим в исследуемый период.

Выборы народных депутатов СССР и через год – РСФСР, являющиеся для нас точкой отсчета, оставили богатейший фактический материал. Борьба шла в основном между кандидатами, которых поддерживал блок «Демократическая Россия», и выдвиженцами КПСС.

Примечательно, что многие кандидаты стараются не афишировать свое членство в КПСС или вообще скрыть его. Понятно, что когда из листовки кандидата мы узнаем, что он хороший хозяйственник, умеет руководить предприятием или находится на дипломатической работе, мы понимаем, что он не может не состоять в партии². Но мало кто рискует заявить о своем членстве в КПСС. «Избиратель – ты голосуешь за члена КПСС или за кандидата „ДемРоссии“?»³ – такие листовки не были редкостью. И здесь абсолютно не важно, что многие кандидаты «ДемРоссии» тоже состояли в КПСС.

Отличительной особенностью выборов 1989-91 годов стала вера в сильную личность, народного заступника, который обязательно решит все проблемы. Вспомним народных героев перестройки – отставной первый секретарь горкома КПСС Борис Ельцин и притесняемые следователи по особо важным делам Тельман Гдлян и Николай Иванов. В их биографиях, ничем не отличавшихся от простых чиновников, был один немаловажный факт – они пострадали от произвола партийных функционеров. Пострадали в нужное время и в нужном месте. Легенда о добродетельном страдальце, ратующем за народ, неоднократно помогала Б.Ельцину и, совершенно неожиданно для многих, в 1995 помогла Т. Гдляну выиграть выборы в Государственную думу по одномандатному округу.

Случай Т.Гдляна скорее является исключением из правил. Герои перестройки терпят поражение на выборах 1993 года. Лейтмотив первых выборов в Государственную думу – надо выбирать профессионалов. Народ устал от постоянных дискуссий у микрофона. Москва, 204 округ: Павел Медведев, бывший народный депутат России, выигрывает выборы у более известного на-

² См., напр.: Григорий Наполев – молод и энергичен: [Листовка] / Инициативная группа избирателей. [М., не позднее марта 1990]. 1 л., 23х34 см. ГПИБ России, НП4/274, инв. № 10029169; Антонович Иван Антонович – кандидат в народные депутаты РСФСР: [Листовка] / Клуб избирателей. [М., не позднее марта 1990]. 1 л., 23х18 см. ГПИБ России, НП4/274, инв. № 10029048.

³ См., напр.: 18 марта – выборы! Беспартийный Константинов или секретарь Горкома Ефимов? С кем вы?: [Листовка]. [М., не позднее марта 1990]. 1 л., 18х22 см. ГПИБ России, НП4/274, без инв.

родного депутата СССР и публичного политика Михаила Бочарова. Из листовки П. Медведева «Мы, избиратели, редко видели Медведева на трибуне... он усидчиво исполнял <...> черновую работу»⁴.

Таких примеров множество. Первый российский миллионер Артем Тарасов, выигрывает выборы у бывшего народного депутата Ф. Шелова-Коведяева... Выборы выигрывает деловой, крепкий хозяйственник. Но в некоторых случаях старая легенда «народного героя перестройки» дает о себе знать. Юрий Власов выигрывает у соперников, в числе которых Константин Боровой. Примечательно, что в листовках Юрий Власов не говорит о своем активном участии в перестройке. В первую очередь – это человек железной воли, сумевший преодолеть недуг⁵.

Идея выбирать профессионалов не исчерпала себя и в 1995. Выборы в Государственную думу 1995 года стали, пожалуй, первым случаем в российской истории, когда биографии кандидатов ушли на второй план. Выборы характеризовались достаточно высокой политической активностью. Достаточно сказать, что в выборах участвовало 43 избирательных объединения. Фактически впервые в истории российских избирательных кампаний будущее перевешивает прошлое. Обещания кандидата – вот что главное на этих выборах.

Пока еще слабо, но настойчиво заявляют о себе политические технологии. Избирательная кампания движения «Наш дом – Россия» (НДР) строится на известности первой тройки лидеров во главе с премьер-министром, «крепким хозяйственником» Виктором Черномырдиным. Большинство кандидатов движения – малоизвестные люди. Кампания Конгресса русских общин (КРО) строится на личном обаянии «бравого генерала» Александра Лебеда. И хотя КРО проигрывает выборы, образы честных генералов А. Лебеда и Л. Рохлина от НДР играют заметную роль в избирательной кампании.

А выборы Президента РФ 1996 года – это, прежде всего, состязание правильно изложенных биографий. Б. Ельцин расстается с прошлым принципиального, неподкупного и последовательного борца за демократию и становится добрым отцом россиян, за которого призывают «голосовать сердцем». Его соперники – «свои парни» В. Жириновский и В. Брынцалов; «люди из народа» Г. Явлинский, С. Федоров, М. Шаккум, Г. Зюганов да «честный вояка» А. Лебедь. Политическая программа не имеет значения, хотя у большинства кандидатов она есть. Избиратель выбирает хорошего, доброго, «своего» человека. А коли речь идет о людях, а не о политических установках, то и открывается большое поле деятельности для знатоков душ человеческих – представителей политического «черного пиара».

⁴ Селюнин В. Дорогие москвичи! [Листовка]. [М., не позднее 11 дек. 1993]. 1 л., 22х18 см. ГПИБ России, НП4/422, №93–0599.

⁵ Юрий Петрович Власов. [Листовка]. [М., не позднее 12 дек. 1993]. 1 л., 23х19 см. ГПИБ России, НП4/422, №93–0518.

Ко второму туру Г.Зюганов их усилиями становится фигурой, олицетворяющей прошлое. Согласно логике, прошлое страны должен олицетворять действующий президент. Но ситуация прямо противоположная. Принадлежность к КПСС является темным пятном в биографии Зюганова. Подобный факт в биографии Б.Ельцина не афишируется. Таким образом, 1996 год стал переломным для истории российских избирательных кампаний. Избирательные технологии, построенные на психологическом воздействии на избирателя, а то и просто на запугивании, – властно заявили о себе.

Выборы в Государственную думу 1999 года запомнились не только борьбой наслех подготовленного проправительственного блока «Единство» и ничем не отличавшегося по идеологии «Отечества». Выборы 1999 года – это сознательное отречение кандидатов от «перестроечного прошлого». В биографии депутата трех созывов российского парламента Владимира Лысенко нет упоминания о «Демократической платформе» и Республиканской партии РФ. Зато есть плодотворное сотрудничество с мэром Москвы Юрием Лужковым⁶.

Проигравший ему выборы бизнесмен Евгений Чивилихин, по совместительству контролировавший Тимирязевский рынок в Москве, через десять лет будет застрелен у подъезда собственного дома. Биография Евгения Чивилихина изложена в листовках достаточно подробно⁷. И опять перед нами образ «крепкого хозяйственника».

В политику на место бывших героев перестройки приходят люди, зарабатывавшие деньги в «лихие 90-е». Безусловно, в их прошлом, зачастую криминальном, есть факты, которые просто необходимо скрывать от рядового избирателя. Что и делается. Главное обвинение оппонентов – «бандит». Главный аргумент в пользу кандидата – «хозяин, человек со связями, способный помочь избирателям». У героев «лихих 90-х» есть еще одна черта – из официальной биографии могут исчезнуть несколько лет. Но этот малозаметный штрих широко используется и в биографиях кандидатов в народные избранники России в XXI веке.

И наконец, выборы президента 2000 года возвращают нас к той реальности, когда биография кандидата, казалось бы, приобретает важное значение. В этой ситуации особая сложность – победить кандидату не известному, не имеющему публичной биографии. Вся биография главного претендента на главную должность страны укладывается в книгу «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным»⁸. Ничего более о нем неизвестно.

⁶ Конкретные дела лучше общих слов! [Буклет]. [М., не позднее 19 дек. 1999]. 1 л. слож. второе. 23x19 см. ГПИБ России, НП 4/19, № 99–0359.

⁷ Чивилихин Евгений Иванович: [Листовка]. [М., не позднее 19 дек. 1999]. 1 л. 23x19 см. ГПИБ России, НП 4/19, № 99–0356, Евгений Чивилихин. Азбука жизни: [Листовка]. [М., не позднее 19 дек. 1999]. 1 л. 23x19 см. ГПИБ России, НП 4/19, № 99–0357.

⁸ От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, 2000. 190 с.

Однако и другие кандидаты, участвовавшие в избирательной кампании, мало уделяют внимания истории своей жизни. Чувствуется, что исход выборов предreshен, и биографии кандидатов на него не влияют. Все только декларируют, что надо навести порядок в стране.

События последнего десятилетия XX века показали, что биография кандидата приобретает важное значение, когда избирателю предоставлен реальный выбор. Биография может стать важным оружием в борьбе за власть, именно поэтому она является объектом пристального внимания политтехнологов.

Что же обычно они делают с биографией, чтобы выдать желаемое за действительное? В арсенале политтехнологов есть несколько проверенных средств:

- 1) замалчивание неоднозначных страниц из жизни (например, работа на руководящих должностях в партиях «вчерашнего дня» (КПСС, «Выбор России», «Наш дом – Россия»), участие в работе коммерческих структур, близкое знакомство с криминальными авторитетами и т.д.);
- 2) формирование имиджа «отца народа», борющегося с плохими чиновниками, бюрократами, коррупционерами, и/или «своего парня» – близкого и родного, оказывающегося рядом в трудную минуту;
- 3) кардинальная смена жизненных приоритетов и изменение позиции в зависимости от политической конъюнктуры.

Не упускают возможности «поработать» на благодатной ниве политических биографий и специалисты по «черному PR», которые занимаются сознательным искажением фактов для создания негативного образа соперников по предвыборной кампании.

По классическому определению С. Блэка, «деятельность в области публичных рилейшнз – это наука и искусство достижения гармонии с внешним окружением посредством взаимопонимания, основанного на достоверной и полной информации»⁹. Однако российская действительность вносит свои коррективы: взаимопонимание с избирателями нередко достигается не за счет предоставления достоверной и полной информации, а путем манипуляции сознанием, в том числе и через сознательное искажение биографий некоторых претендентов на власть.

⁹ Блэк С. Введение в публичные рилейшнз / Пер. с англ. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998. С. 15.

Марина Пугачева, Михаил Рожанский

Третье советское поколение: биография и география

Марина ПУГАЧЕВА

ГУ-ВШЭ (Москва)

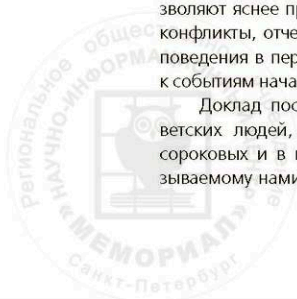
Михаил РОЖАНСКИЙ

ЦНСИО (Иркутск)

В рамках проектов, реализованных авторами (независимо друг от друга), были собраны интервью людей, профессиональным выбором которых стало гуманитарное знание. Сопоставление материалов проблемно-тематических интервью (с биографическим блоком вопросов) гуманитариев-москвичей, опубликованных М.Пугачевой в книге «Ускользающий мир» (М: МШПИ, 2004), и биографических интервью, полученных М.Рожанским в различных сибирских регионах в 1994–2009, позволяет говорить о географии поколения, которое пока назовем «родившиеся в пятидесятых». Социальные миры этого поколения гуманитариев, их восприятие жизни, новые социальные идеи и социальные идеалы позволяют яснее представить внутренние конфликты, отчетливее увидеть логику поведения в перестройку и отношение к событиям начала 1990-х.

Доклад посвящен поколению советских людей, родившихся в конце сороковых и в пятидесятые годы, называемому нами «третьим советским».

puma7@yandex.ru

В рамках доклада мы можем только успеть расшифровать, как понимаем «поколение», что такое «советское», почему именно это поколение мы называем третьим и датируем его таким образом, и как определение поколения и его датировка связаны с географией. Проблематизировать тему мы хотели бы одним из примеров столкновения интерпретаций, возникающих на разном по географии материале. В интервью в книге «Ускользающий мир» известный демограф Сергей Захаров утверждает, что «можно четко провести границу» между поколением, к которому он себя относит («примерно от 1955 до 1965 года рождения») и предыдущим или последующим. При этом Сергей Захаров размышляет не только на основе демографических факторов, а интегрирует большой спектр обстоятельств социализации:

Это те когорты, что прошли полную школу советской системы, приобрили весь заряд мысли и знаний, которые тогда можно было получить. Они успели поработать еще при социализме и добились все-таки неплохих успехов уже в изменившейся системе, имея возможность сопоставить то, каким образом они были социализированы и сколь образованны, с тем, какова реальность. Думаю, это первое поколение, которое смогло перестроиться, адаптироваться и найти себя. Конечно, в основном антикоммунисты. Безусловно, прагматики, в большей степени, чем адепты неких социальных идей и теорий.¹

В этом высказывании можно полностью поддержать определение «прагматики» по отношению к тем, кто родился в шестидесятых и социализировался в семидесятых. Трудно было стать идеалистом – разве что приобщиться к идеалам через официальную пропаганду и воспитательные мероприятия. Но поскольку пропаганда и идейное воспитание достигли предельной формализации, то никакого отношения к самостоятельному мышлению подобный путь не имел и для общественных процессов не значим. Однако определение «антикоммунисты» принять достаточно трудно даже для подростков семидесятых. Если говорить о сегодняшних позициях представителей этого поколения, то нежелание возврата в «коммунистическое прошлое» достаточно очевидно. Если же говорить о настроениях советских времен и иметь в виду тенденции, а не случаи, то «анти-» стоит заменить на «некоммунисты», – и эта поправка может быть объяснена разницей между столицей и провинцией. Основное же несогласие возникает по поводу датирования поколения – для тех, кто родился в середине и даже конце пятидесятых годов, такой фактор как социальные идеалы нельзя оставлять за скобками, в отличие от подростков семидесятых. Разница в несколько лет может быть решающей, – атмосфера шестидесятых заражала идеализмом детей и подростков, формируя

¹ Ускользающий мир / Авторы и сост. А.И. Волков, М.Г. Пугачева, С.Ф. Ярмолюк. М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 251–252.

внутриличностные противоречия, не позволяющие относиться к идеалам инструментально – прагматично используя или отбрасывая как чуждое («прагматики и антикоммунисты»), а заставляла идеалы переосмысливать и до перестройки, и в постсоветское время.

Значения, в которых употребляется понятие «поколение» в научной, публицистической и художественной литературе – рамки идентификации, нормы социальной реализации и существование проблемы реализованности², – существуют и как маркеры, позволяющие увидеть поколения взглядом «из истории», и как смыслы, существенные для человека, родившегося в определенное время и придающего времени своего рождения сущностное значение. Люди в поисках своей идентичности, в стремлении реализовать себя, в рефлексии по поводу своей нереализованности могут образовывать поколение и даже осознавать себя участниками поколения. В качестве когортообразующего фактора в социальных науках выделяют прежде всего событие, значимое для самоидентификации ровесников и для их маркирования старшими и/или младшими. Если говорить о поколении не только как о демографическом и хронологическом измерении, то здесь мы обратили бы внимание на то, что не само событие организует поколение. Событие – не одномоментная точка, это всегда какая-то социально-культурная тенденция, перелом. Считается, например, общепринятым, что именно XX съезд КПСС, будучи переломным событием в идеино-политической истории, определил одно из поколений советского общества. Уточним, что XX съезд стал знаком и катализатором ситуаций выбора, когда человек с социальными идеалами, убеждениями, принципами должен был пересматривать какие-то из них, иногда переопределять личные отношения. Классикой уже стал термин «дети XX съезда», отношение к XX съезду как к событию, которое заставило изменить взгляды, социальные позиции, переосмыслить идеалы, но за этим понятием «XX съезд» стоит не доклад и не сам съезд, а огромный комплекс явлений. Даже по московским интервью можно отметить, что для гуманитариев, закончивавших тогда университет, не менее значимым событием стал пленум ЦК по разгрому «антипартийной группы». Он был воспринят как побудительный импульс к высказыванию об устройстве власти и способах принятия решений. А если обратиться к банку интервью со строителями Братской ГЭС (1955–1956 – первая зима палаточного Братска), обнаружится, что ни один респондент вообще не мог вспомнить, чтобы читался доклад Хрущева. Либо не было этой читки (в том числе и для работавших в школе), либо она не запомнилась, не стала событием. Но и для них, как и для их столичных социально активных ровесников рождения конца

² Спектр смыслов категории «поколение» в исторической семантике и в языке исследователей классифицирован Борисом Дубиным. См. Дубин Б.В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 61–79.

1920-х – начала 1930-х, взрослых во время войны и в послевоенные годы, атмосфера конца 1950-х заставляла так или иначе выяснять отношения с самим собой и окружающими, разрешать свои экзистенциальные трудности, осознанные как исторические условия существования. В большой степени подобными событиями были (как показывают собранные нами интервью) для кого-то ввод войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 (более в столицах, нежели в провинции), а для кого-то – брежневское «безвременье», точнее, признание факта этого «безвременья» той средой, которая была референтной для человека. Ситуации, подобные «XX съезду» или перестройке, сопутствуют изменениям в самой структуре публичного пространства, расширяют возможности для опубликования личного выбора, а от кого-то требуют публичности, поэтому становятся маркирующими. Но и другие события – названные или не названные здесь – существенны для самоидентификации. Сохранение личностной целостности требует внутреннего выбора, поиска аргументации в разрешении внутренних трудностей и межличностных отношений даже тогда, когда поле публичности предельно сужено. Выбор рационализировался, а значит, развивались точки зрения, альтернативные «общему» строю мыслей, лишенному права на противоречия. Иначе говоря, поколения (в социально-историческом, а не демографическом смысле понятия) образуются через раскол социальной среды, возрастной когорты, через переформирование кругов общения, через осознание разности взглядов и судеб не только со старшими или младшими, но и со своими ровесниками.

На этой основе мы хотели бы внести в определение поколения (и в поколенческий анализ) одно существенное дополнение. Образование поколений связано с тем, что возникает некая принципиальная разница между идеалами и ценностями, которые усвоены во время первичной социализации (когда интериоризируются социальные нормы, социальные ценности), и социальной ситуаций, в которой человек проходит вторичную социализацию – определяется со своим профессиональным выбором, семейной траекторией, референтной группой, т.е. становится человеком, ответственным за свой выбор, поведение, свои действия. Именно в случае такой разницы возникает «сшибка» усвоенных идеалов и ценностей, неизбежность выбора.

В рамках такого понимания мы и датируем советские поколения. Первое поколение – те, кого было принято в середине тридцатых называть «ровесники Октября», люди рождения 1917–1922 годов. Их первичная социализация прошла в годы становления советской системы как безальтернативной – в конце 1920-х – начале 1930-х, а вторичная пришлась на войну. Но у тех, кто выжил на войне, была и повторная вторичная социализация – послевоенная ситуация. По этому поколению отчетливо видно, как столкнулись между собой идеалы державности и интернационализма, идейного стоицизма и социального активизма, героизма и гуманизма.

Второе поколение – родившиеся в конце 1920-х – начале 1930-х – принято называть «дети XX съезда», в другой традиции – «шестидесятники». Но для этих самоназваний есть географические ограничения. Лучше сказать, что это поколение «подростков войны»: тех, кто во время войны были не детьми, а подростками, для которых война была уже преодолением, страданием (в отличие от тех, кто родился в конце 30-х). Для них вторичная социализация – это середина 1950-х, когда происходит сшибка социальных норм. Кого-то это приводит к инакомыслию, кого-то к шестидесятичеству, а кого-то – к попытке изменить социальную ситуацию за счет географической мобильности – например, к жизненному выбору великих строек и молодых городов как возможности принципиально новых человеческих отношений.

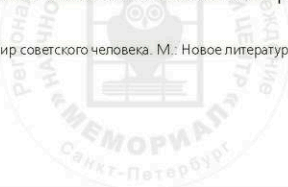
И третье поколение – люди, родившиеся в конце 1940-х – начале 1950-х, для которых ситуация конца 1950-х – 1960-х определяется как «оттепель», время, когда происходило усвоение определенных социальных норм, социальных ожиданий, специфической социальной атмосферы.

Мир шестидесятых описан П. Вайлем и А. Генисом³ как мир взрослых людей: молодежи, покоряющей целину, Сибирь и науку. Лев Аннинский в послесловии к одному из изданий книги передает этот мир формулами «концентрация энергии», «мания восхождения», «опьянение мировой культурой, опьянение мировой революцией», «опьянение соперничеством с главной державой Запада»⁴. К формированию этого мира причастны «шестидесятники» (у Аннинского «идеалисты» практически синоним этого самоназвания) – созданные ими книги, песни, кино, газеты и журналы, в которых они работали. Но к этому миру причастны и те из них, кто были консультантами отделов ЦК КПСС, и зять первого секретаря ЦК. Этот мир был для них завоеванием, полем борьбы, дозволенной мерой свободы, а для подростков шестидесятых это был мир, каким он должен быть – энергичным, восходящим, наполненный романтикой борьбы и освобождением народов, иначе говоря, естественным следствием революции и разгрома фашизма.

«Внуки Октября» – еще более условное название, чем предыдущие, смысл которого лишь в обозначении некоей трансляции пафоса революционного обновления мира, воспринятой поколением, росшим в обстановке десталинизации, романтизации «очищаемых» идеалов. Само разоблачение «культы личности» для них не было событием – даже таким, к которому они «опоздали», оценка Сталина и репрессий не была внутренней проблемой, переосмыслением, а лишь знанием, подтверждавшим естественный ход прогресса. В «очищении идеалов» кроме нравственной реакции было еще и удержание советской идентичности, невозможность отказаться от мессианской роли Советского Союза.

³ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

⁴ Там же. С. 333, 334.

Все признаки мирового лидерства страны – в космосе, искусстве, спорте – были составными элементами некоего советского ренессанса, эпохи, в которой повезло родиться. В «исключительную эпоху», в «исключительной стране». Не случайно полет Гагарина и освоение космоса становятся главным символическим капиталом эпохи на будущие десятилетия, в том числе постсоветские. Признак эпохальности – осуществление «вековой мечты человечества», реализация же этой мечты оказывается возможной благодаря научному первенству советской страны. Гагарин и другие первые космонавты стали еще и символом личного взлета обычного, но целеустремленного человека, а целеустремленная личность также была героем эпохи⁵. Достаточно точным представляется определение, данное этому поколению одним из более младших респондентов с «московско-сибирской» – что важно для нашей темы – биографией: «поколение бескорыстного желания изменить мир».

Обновление идеалов прочитывалось в шестидесятых годах не только в свершениях. Для многих из тех, кто шел в школу или был подростком на рубеже 1950-х – 1960-х, появление отдельных квартир и возможность частного пространства было радикальным улучшением качества жизни. Частью этого качества жизни была и культура «шестидесятников»: книги и кино, которые вели диалог с читателем и зрителем. Тот этап культурной революции, на который перешло название «оттепель», поддерживал аксиоматику общественного прогресса и утверждения гуманистических ценностей в стране.

Пафос самовоспитания снижается – индивидуализация, автономизация личной жизни и такие резкие формулы, как «переделать себя», «настоящий человек», «человек будущего», плохо совмещаются между собой, но испытывать себя трудностями, искать «трудное счастье» – это и право на личный выбор, утверждение чувства достоинства самостоятельного человека, и символический капитал общественной пользы, переднего края преобразования мира.

Впервые показательное выделение этого поколения (к которому принадлежат и сами авторы доклада) возникло при работе над сюжетом, казалось бы, сторонним для поколенческого анализа, – при интерпретации интервью о первых заграничных поездках⁶. Для респондентов, родившихся в пятидесятых, впечатления от первого пересечения границы часто затмевали в памяти сами заграничные впечатления, – прохождение советского пограничного контроля и таможи оказывалось актуализацией внутренних трудностей, знаковой встречей с алогичным и дегуманным государственным началом. Отношение советского к разумному и должному – внутренняя трудность поколения, которая

⁵ П. Вайль и А. Тенис обращают внимание на то, что в начале шестидесятых культовыми советскими персонами стали спортсмены, чья яркая индивидуальность (а не только достижения) активно демонстрировалась. Там же. С. 210–211.

⁶ См. подробнее: Рожанский М. Граница: линия и пространство // Кочующие границы. Сб. статей под ред. О. Бредникова и В. Воронкова. СПб.: ЦНСИ, 1999. С. 69–73.

потом выражалась в антиномиях между советским и гражданским, советским и человеческим, советским и жизненным. Именно эти антиномии были актуализированы в публичном пространстве перестройки.

В 1982 году Евгений Бунимович написал предсказание для своего, в тот момент еще несостоявшегося, поколения:

*В пятидесятых —
рождены,
в шестидесятых —
влюблены,
в семидесятых —
болтуны,
в восьмидесятых —
не нужны.
Ах, драг нах остен,
драг нах остен,
хотят ли русские войны,
не мы ли будем
в девяностых
Отчизны верные сыны...*

Но поколение, к счастью, реализовало себя не в трагическом историческом контексте мировой войны, риск которой был источником аргументации при социальных и идейных компромиссах с системой, не отвечавшей усвоенным в детстве идеалам, а в драматических событиях деконструкции самой системы. В отличие от Москвы, Ленинграда и нескольких республиканских столиц, в большинстве городов страны до середины восьмидесятых практически не было возможности выступить в публичном пространстве с коллективным или индивидуальным «особым мнением» и быть услышанным, и не было никакой возможности выдержать это как линию поведения. В 1988–1989 во многих городах (но далеко не во всех) возникли площадки активных политических дискуссий. Хотя общее информационное поле, дававшее пищу для дискуссий, поддерживалось прессой и телевидением, при этом была значительная разница в повестке дня дискуссий между российскими городами, с одной стороны, и городами в союзных республиках, с другой.

На материале Иркутска и Свердловска мы можем утверждать, что именно представители выделенного нами поколения были организаторами дискуссионных клубов, лидерами народных фронтов⁷. Если обратиться к материалам, собранным в исследовании о социальной активности в Ленинграде вре-

⁷ Первые массовые политические акции в России периода перестройки произошли в 1987 именно в Иркутске (в защиту Байкала) и Свердловске (в поддержку Ельцина).

мен перестройки⁸, они убедительно свидетельствуют, что наиболее активную роль в публичной общественной жизни также играли те, кто родился в конце 1940-х – первой половине 1950-х. Этот вывод подтверждается и свидетельством А. Сунгурова, специально отметившим в своем интервью: «активнее всего были люди немолодые, 35–40 летние»⁹. Перестройка позволила поколению выйти из ловушки социального идеализма в советских условиях, – идеал предполагал действие, активность, а именно активность и была наказуема. Социальный идеализм оборачивался социальным инфантилизмом. В перестроечной активности поколения (также как и поколения шестидесятников) сложно переплелись преодоление социального инфантилизма как разрешение затянувшегося (хронического) внутреннего конфликта и воспроизведение этого инфантилизма в формах политической наивности, в риторических стратегиях (смелость высказывания служила критерием истины), в противопоставлении идеалов и интересов. Другой сферой реализации «бескорыстного желания изменить мир» стало инновационное движение в школах, лидерами которого также стали те, кому в 80-х было от тридцати до сорока лет.

Проводя поколенческую градацию, особенно обозначая конкретные возрастные координаты, надо также иметь в виду социально-историческую географию страны с ее предельной степенью централизации. Этот фактор очень значим даже для первичной социализации представителей поколения, которое мы сделали предметом доклада, поскольку в сроках и характере процессов «оттепели» существенна географическая поправка, связанная с характером информационных ресурсов, доступных подростку и влияющих на его мировоззрение. Принципиально важна и география вторичной социализации рассматриваемого поколения. Если говорить о материалах проекта «Ускользающий мир», то достаточно рельефно проступает разница в ценностях профессиональной самореализации тех, у кого первичная социализация проходила в столицах, кто учился в них, и гуманитариями, первичная социализация которых проходила в провинции, а уже вторичная – в Москве, где они учились и остались работать. Разница, в первую очередь, в понимании профессионализма. У москвичей – линия экспертной самореализации, у бывших провинциалов – выбор социально значимой темы, условно говоря, «мессианство» темы при обосновании выбора.

⁸ Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985–1991: Сб. материалов. СПб., 2009.

⁹ Там же. С. 636.

Виктор Гуревич, Наталья Крук

Иностранные подданные в Гулаге

Виктор Элизарович ГУРЕВИЧ

*Санкт-Петербургский
государственный университет
телекоммуникаций
им. М.А. Бонч-Бруевича*

Наталья Семеновна КРУК

*Научно-информационный центр
«Мемориал» (Санкт-Петербург)*

Во времена «большого террора» вдруг обнаружилось, что звучный букет таких близких по смыслу русских слов, как «инородцы», «иноверцы», «инакомыслящие» – далеко не полный. Чекистская практика массовых репрессий добавила в него новые важные синонимы: «иноподданные», «инонациональность»...

В те годы (1937–1938) предполагалось, что главными врагами СССР в неизбежной мировой войне будут фашистская Германия и ее союзники – другие страны оси. Как вероятный союзник Германии и удобный плацдарм для нападения на СССР, предполагалась Польша. Поэтому, согласно указаниям Сталина¹, все подданные Германии, Японии, Италии, Польши и, конечно, советские граждане соответствующих национальностей считались потенциально враждебными элементами. Так, 20 июля 1937 Политбюро ЦК ВКП(б) постановило:

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938 / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова; под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004. С.647.

Предложить т. Ежову дать немедленно приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах (артиллерийские, снарядные, винтовочно-пулеметные, патронные, пороховые и т. п.) и высылке части арестованных за границу. Копию приказа прислать в ЦК. О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК².

В развитие этого постановления уже через пять дней был издан секретный оперативный приказ № 00439 за подписью наркома внутренних дел Ежова, в котором, в частности, говорилось:

Начиная с 29 июля с.г. приступить к арестам всех установленных Вами германских подданных, работающих на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, железнодорожном транспорте <...>. Всю операцию закончить в пятидневный срок. <...>

На каждого из германских политических эмигрантов, принявшего советское гражданство, представить мне не позже 5 августа 1937 года подробный меморандум с изложением компрометирующих материалов, для решения вопроса об аресте. <...>

Дела арестованных по окончании следствия направлять в НКВД СССР, для последующего рассмотрения их Военной Коллегией или Особым совещанием НКВД. <...>

Ежедневно к 12 часам за истекшие сутки доносить мне телеграфом ход и результаты операции и все добытые следствием материалы.³

Через две недели, 9 августа, Политбюро принимает новое постановление, утверждающее секретный оперативный приказ Наркомвнудела № 00485⁴ о репрессировании, на этот раз уже поляков, в первую очередь – служащих в органах НКВД и в Красной армии. Во исполнение этого приказа было осуждено около 140 тысяч граждан польской национальности. Дальше – больше. Список неугодных и подозрительных неуклонно расширялся. Вот выдержки из постановлений Политбюро от 31 января и 23 марта 1938.

Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн [так!], греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранно-подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД. <...>

Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить [так!] кадры болгар и македонцев, как иностранно-подданных, так и граждан СССР⁵.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. Указ. изд. С. 250–251

³ Там же. С. 271–272.

⁴ Там же. С. 301–303.

⁵ Там же. С. 468–469.

Признать ненормальным, что на предприятиях, в главных управлениях и в центральном аппарате Наркомата оборонной промышленности работает большое количество немцев, поляков, латышей, эстонцев. Поручить т.т. Ежову и Маленкову, совместно с тов. Кагановичем М., очистить оборонную промышленность от лиц указанных национальностей⁶.

Наглядной иллюстрацией успешной борьбы с немцами – германскими и советскими подданными – могут служить действия НКВД на одном из гигантов тяжелой промышленности, Челябинском тракторном заводе (ЧТЗ). На заводе работало много политических беженцев и просто безработных из Германии, решивших помочь собратям по классу в борьбе за лучшее будущее мирового пролетариата. Управление НКВД по Челябинской области не стало медлить.

В списке челябинцев – «врагов народа», представленном 13 ноября 1937 на утверждение членов Политбюро⁷, фигурировали 13 германских подданных (все по *первой категории*, то есть подлежали расстрелу), в том числе врачи: Эрих Баер, Арнольд Вильмер, Пауль Гейман, Юлий Канн, Ганс Левенштерг; рабочие ЧТЗ: электросварщик Вильгельм Бодэ, токарь Альберт Заяк, модельщики Фридрих Зиверт и Вальтер Иленфельд, слесарь-лекальщик Отто Ледер, сменный инспектор моторного цеха Рихард Петрас, фрезеровщик Отто Цимер, наладчик Генрих Ян. Арестованы они были значительно раньше. Из персональных справок, приложенных к расстрельному списку, явствовало, что все они «сознались»: «Мы – агенты гестапо, шпионы и диверсанты».

Есть в этом списке и советские граждане: начальник проектного отдела ЧТЗ Роберт Эмильевич Дитман (немец), начальник техотдела холодноштамповочного цеха Роберт Рихардович Шнейдер (австрийский немец).

Вот отрывок из показаний Роберта Шнейдера на допросе 11 июля 1937:

Меня завербовал... (приводится фамилия заместителя директора ЧТЗ. – В. Г., Н. К.). Агентом германской тайной полиции является Петрас Рихард. Вредительской работой на ЧТЗ занимаются [перечисляется ряд фамилий – В. Г., Н. К.]⁸.

А вот что показал на допросах 7 и 10 сентября 1937 Рихард Петрас:

Я национал-социалист с 1926 г., фиктивно (для маскировки) социал-демократ, сотрудник германской тайной полиции. Мой шеф – руково-

⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. Указ. изд. С. 502.

⁷ Архив Президента РФ. Ф. 3. Т. 4. Оп. 24. Д. 412. Л. 242–261.

⁸ Гуревич В. Э. Челябинская баллада, или Как это делалось тогда. СПб., Петербург–XXI век, 2007. С. 74.

дитель Шарлоттенбургской районной организации НСП⁹ (Берлин) Ганс Вагнер, по линии гестапо – комиссар Бутлер. Я являлся уполномоченным НСП и гестапо по Уралу. Мною завербованы... [следует ряд фамилий руководящих и рядовых работников ЧТЗ, в том числе множества немцев – «агентов гестапо». – В.Г., Н.К.]¹⁰.

В ряде случаев расстрельные приговоры Военной коллегии Верховного суда и «Особых троек» в отношении иноподданных вызывали возражения со стороны Наркоминдела. Так, нарком М.М. Литвинов в своей записке Сталину от 13 января 1937 о 25 иноподданных, в том числе 21-м германском, дипломатично писал:

*Мы всегда стояли на той точке зрения, что иностранные граждане, свободные в отношении нас от гражданских обязанностей и чувства долга перед Родиной, менее отвечают за антигосударственные действия, чем советские граждане*¹¹.

Как это ни удивительно, такие возражения иногда действовали, расстрелы заменялись более «мягким» наказанием – 10-летним лишением свободы. Примерами могут служить записки зам. наркома иностранных дел В.П. Потемкина Сталину от 5 и 17 мая 1937 о германских подданных В. Гейстгуизене и Э. Ронштоке и реакция на них со стороны Политбюро¹².

Одни из репрессированных иностранных граждан были расстреляны, другие отправлены в лагеря, а отдельные специалисты – в «шараги».

Одной из таких «шараг» было опытное конструкторское бюро ОКБ-82, сформированное из заключенных – специалистов по двигателестроению из научно-исследовательских институтов и предприятий автотракторной, авиационной, судостроительной промышленности.

Первое знакомство будущих «коллег по работе» состоялось... в большой камере Бутырской тюрьмы, где из разных концов Союза были собрана группа из 20 или 25 «мотористов». Из тюрьмы их отвезли в Тушино под Москвой и поселили в барак на территории завода № 82, осваивавшего производство дизельных двигателей для гражданских самолетов. Несколько бывших инженеров ЧТЗ, в том числе начальник цеха топливной аппаратуры Михаил Алексеевич Храпко,

⁹ НСП – Национал-социалистическая партия Германии.

¹⁰ Гуревич В.Э. Указ. соч. С. 74–75.

¹¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. Указ. изд. С. 647.

¹² Там же. С. 161, 163–165.

тоже попали в эту группу. М.А. Храпко оставил подробные и очень искренние воспоминания о 17 годах, проведенных им в Гулаге¹³.

ОКБ-82 НКВД СССР насчитывало более 100 человек. Кроме упомянутой технологической группы, в него вошло КБ авиационных поршневых двигателей (основное направление работ – проектирование дизеля мощностью до 2000 л.с.). Главным конструктором ОКБ-82 был заключенный А.Д. Чаромский, его заместителем и руководителем высотной группы – заключенный проф. Б.С. Стечкин¹⁴. Параллельно в ОКБ-82 велась разработка реактивных двигателей, эту группу возглавлял заключенный В.П. Глушко – талантливый ученый, окончивший в 1929 Ленинградский университет. По ходатайству Глушко в его группу позже включили еще одного заключенного – С.П. Королева, будущего Главного конструктора космических кораблей.

В июне 1940 Храпко и другим заключенным «торжественно» объявили приговор, вынесенный заочно Военной коллегией Верховного суда СССР 28 мая 1940: 10 лет тюремного заключения и 5 лет поражения в правах по ст. 58, пп. 7, 8, 11 (вредительство, террор и участие в контрреволюционной организации). Б.С. Стечкин получил такой же срок, А.Д. Чаромскому дали 15 лет тюрьмы и 5 лет поражения в правах. В течение *одного* выездного заседания 28 мая Военная коллегия сумела по-стахановски, заочно, осудить больше 100 заключенных!

Летом того же 1940 года заключенных, работавших в ОКБ-82, в «столыпинском» вагоне отправили в Казань, где разместили на третьем и четвертом этажах заводоуправления строившегося Казанского самолетостроительного завода. Рядом достраивался авиационный моторостроительный завод № 27, получивший заказ на изготовление разработанного в ОКБ-82 приводного центробежного нагнетателя для дизеля мощностью 2000 л.с. Когда началась Великая Отечественная война, завод № 27 объединился с эвакуированным Воронежским авиамоторным заводом № 16 и превратился в завод № 16, поэтому ОКБ-82 стало называться ОКБ-16.

В ОКБ-82 и ОКБ-16 работали не только советские, но и иностранные специалисты: болгарин Дако Иорданович Иорданов, лично знакомый с Георгием Димитровым; Александр Юльевич Винблад – финский подданный, швед по происхождению, всю жизнь проживший в России; швейцарец Ульрих Ульрихович Келлер и другие. Профессор А.Ю. Винблад, виднейший специалист по гидротурбинам, в своей прежней жизни был техническим директором Ленинградского металлического завода (ЛМЗ). У.У. Келлер приехал в СССР как гаран-

¹³ Храпко М.А. Только о том, что знаю, что помню // История людей. Альманах. Вып. 7. – Челябинск: Изд. дом «Губерния», 2007. С.157–350.

¹⁴ А.Д. Чаромский и Б.С. Стечкин – будущие академики. До ареста первый был начальником авиационного отдела Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), второй – заместителем начальника Центрального института авиационного моторостроения (ЦИАМ) по научно-технической части.

тийный механик швейцарской фирмы «Зульцер», поставлявшей в СССР судовые дизельные двигатели.

Очень интересно проследить по документам и воспоминаниям (которых, к сожалению, сохранилось очень мало) судьбу двух последних персонажей.

Александр Юльевич Винблад родился в Санкт-Петербурге в семье ремесленника 1 ноября 1884. После окончания Технологического института (1907) до 1918 работал заведующим КБ паровых турбин на Металлическом заводе, затем (до 1929) директором ЛМЗ. До 1914 много раз выезжал за границу по вопросам, связанным с паротурбостроением¹⁵. С 1919 – по совместительству профессор Технологического, доцент Политехнического и Электротехнического институтов. В 1924 был подвергнут аресту и кратковременному содержанию под стражей. Был вновь арестован 15 октября 1930 по обвинению в принадлежности к вредительской организации в Ленмаштресте и 26 февраля 1932 приговорен Коллегией ОГПУ по ст. 58 п. 7 к 10 годам лишения свободы. Условно-досрочно освобожден 28 июня 1932. Был консультантом на заводе «Красный путиловец», а с конца 1932 работал профессором ВКТИ, затем ЛЭМИ и ЛИИ¹⁶, одновременно главным инженером Котлотурбинного НИИ. В третий раз арестован 7 июня 1937, обвинен в руководстве шпионско-диверсионной и вредительской контрреволюционной организацией и 19 февраля 1940 по ст. 58 пп. 6, 7, 9 и 11 приговорен Особым совещанием НКВД СССР к 8 годам лишения свободы.

М.А. Храпко в своих воспоминаниях пишет:

Профессор Винблад был виднейшим специалистом по гидротурбинам. В голодные военные годы уже в Казани, куда ОКБ-82 было эвакуировано, бывшие ученики Винблада, работавшие на электростанциях, через руководство НКВД вызывали его на консультации и подкидывали ему продукты, чтобы поддержать старика...

Во время войны А.Ю. Винблад был переведен из ОКБ-16 в ОКБ-196, располагавшееся в г. Зеленодольске. Оттуда его и других заключенных в 1946 перевезли на завод № 196 в Ленинграде. «Коллега» Винблада по заключению Г.Д. Ляхов в неприязательных, но выразительных рифмованных строках вспоминает:

¹⁵ См.: Смелов В.А., Старонкин Н.Н. Репрессированные политехники. Кн. 1. СПб., 2008. С.185.

¹⁶ Ленинградский политехнический институт (ЛПИ) им. М.И. Калинина в 1930 был разделен на Всесоюзный котлотурбинный институт (ВКТИ), Ленинградский электромеханический институт (ЛЭМИ) и ряд других самостоятельных институтов. В 1934 большинство из них объединились в единый Ленинградский индустриальный институт (ЛИИ), вновь переименованный в 1940 в ЛПИ им. М.И. Калинина. Ныне это Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (СПбГПУ).

*Профессор был он по турбинам.
Он к аварийным всем машинам
Имел всегда большую ревность
И всесоюзную известность.*

*Он написал хороший труд
О случаях аварий с ними,
Какие действия влекут
Те повреждения турбины.*

*Издать его он все ж не смог,
Ведь он всего простой ээка,
Редакций даже на порог
Попасть не мог никак тогда.*

*Начальство что-то предложило
Но он принять не мог того –
То предложенье, видно, было
Противно совести его.*

*Судьба труда мне не известна
Ее я так и не узнал.
А жаль. Работа вся чудесна
Я это знаю. Я читал.*

*Он в жизни человек был мягкий,
Мог слово острое сказать.
Хоть в мире техники он славный,
Любил и в козлика сыграть.*

Какое же исходящее от начальства предложение не принял А.Ю. Винблад? Обратимся снова к воспоминаниям Храпко:

В 1947 году окончился срок у главного конструктора, швейцарского подданного У.У. Келлера. Его освободили и предложили принять советское подданство. Он отказался и был сослан в Сыктывкар. Там встретил профессора А.Ю. Винблада, сосланного после освобождения по той же причине и прозябавшего, по словам Келлера, в чулане у какой-то милосердной женщины...

Известно, что в 1947 из Сыктывкара Винблад запрашивал справку о своей прошлой работе в ЛПИ в качестве профессора. В Сыктывкаре же он и умер 3 февраля 1949¹⁷. Реабилитирован Александр Юльевич 3 ноября 1992.

¹⁷ Архив СПбГПУ. Ф. 15. Оп. 44. Д. 782; Архивная справка УКГБ по ЛО № 10/28-11978 от 14.06.1989.

Ульрих Ульрихович Келлер родился 20 августа 1899 в городе Винтертуре (Швейцария) в рабочей семье: отец – токарь, мать – домашняя хозяйка. Окончив в 1918 среднюю школу, поступил в федеральную высшую техническую школу в Цюрихе и в 1922 получил звание инженера-механика. В мае того же года начал работать конструктором на заводе фирмы «Зульцер». Занимался проектированием новых корабельных двигателей. Для сдаточных испытаний дизелей в местах постройки судов Келлеру, владевшему немецким, французским, английским языками, приходилось часто выезжать в служебные командировки во Францию, Англию, Бельгию, Голландию, Германию, Италию, Испанию, Португалию, Данию, Литву, Польшу, Австрию.

В конце августа 1936 по требованию Наркомтяжмаша СССР фирма командировала Келлера в г. Николаев для испытаний дизеля, купленного заводом им. Андре Марти, а 30 октября 1936 У.У. Келлер был там арестован. Военный трибунал Киевского ВО 6 сентября 1937 приговорил Келлера по ст. 56 п.4 ч.1 УК УССР к 6 годам тюремного заключения с конфискацией имущества «за разведывательную деятельность в пользу иностранного государства»¹⁸. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 октября 1937 кассационная жалоба Келлера была отклонена, приговор остался в силе.

Срок наказания Келлера закончился 30 октября 1942, но в соответствии с директивами НКВД СССР и Прокурора СССР освобождение его из-под стражи было задержано до особого распоряжения. Прошло еще почти 5 лет. 8 марта 1947 решением ОС МГБ СССР У.У. Келлер, как «социально-опасный элемент», был приговорен к 5 годам ссылки в Коми АССР. Однако другим постановлением ОС, от 28 июня 1948, это постановление было отменено, из ссылки он был освобожден, с разрешением на проживание в Ленинграде и работу в Особом конструкторском бюро № 30 Спецотдела МВД СССР.

Эти сухие официальные данные дополняются воспоминаниями М.А. Храпко:

В 1938 году в Тушино Московской области на заводе №82 было организовано ОКБ НКВД, позже оно стало называться ОКБ-82. Основным направлением работ ОКБ было проектирование авиационного поршневого дизельного двигателя мощностью до 2000 л.с. Параллельно в ОКБ-82 велась разработка реактивных двигателей. В ОКБ-82 работал швейцарец Ульрих Ульрихович Келлер. <...>

Келлер приехал в СССР как гарантийный механик швейцарской фирмы «Зульцер», поставлявшей судовые дизельные двигатели. Был арестован, попал в лагерь, заболел там цингой и научился материться по-русски – других слов там не слышал. Его привезли в Тушино опухшего, с красными ногами, изголодавшегося. Первое время за обедом все делились

¹⁸ Справка Управления Службы безопасности Украины в Николаевской области № 64/20-5918 от 07.12.2009.

с ним вторым блюдом. Вскоре он пришел в себя, но от русского мата так и не отучился. <...>

Келлер был замечательным конструктором, хорошо рисовал, обладал музыкальными способностями. Когда ему поручили самостоятельное проектирование двигателей, он всех поразил тем, что за одну ночь, когда его никто не отвлекал, на огромной чертежной доске вычертил общий вид двигателя с соответствующими разрезами. Все гайки и болты он рисовал от руки, но совершенно точно. <...>

Первой его работой в ОКБ была муфта сцепления для подводной лодки. Существующие муфты сцепления не отключали полностью винт от двигателя, и лодка с выключенной муфтой двигалась даже на холостом ходу двигателя. При выключении муфты, разработанной Келлером, лодка не двигалась. <...>

9 мая 1945 года к нам в ОКБ-16 приехал какой-то высокий тюремный начальник, поздравил заключенных с Победой, уклончивыми словами выразил надежду на улучшение их судьбы. Однако никаких изменений не произошло, за исключением того, что народ разбили на 2 группы: одна во главе с Келлером отправлялась на танковый завод № 800 в Ленинграде для создания там ОКБ по дизелям, другая – на авиамоторостроительный завод в Рыбинске. Вновь созданное КБ в Ленинграде получило название ОКБ-30. Его задачей была помощь заводу в организации технологического процесса, проектирование и наладка серийного производства дизельных двигателей для транспортных машин и кораблей Военно-морского флота. <...>

После завершения работ по трелевочному трактору ОКБ-30 поручили разработать проект танкового двигателя. Главным конструктором проекта был У.У. Келлер. В 1947 году срок его заключения окончился. Его освободили и предложили принять советское подданство. Он отказался и был сослан в Сыктывкар, столицу Коми АССР. Вскоре свое решение изменил, советское подданство принял и стал «чистым» советским гражданином. С него даже сняли судимость – принимать в советское подданство человека, лишённого гражданских прав, было неудобно. Решили, что он совершал свои «преступления», когда еще был швейцарским подданным.

Решение – воистину соломонино!

В личной карточке из архива ОАО «Центральный научно-исследовательский и конструкторский институт топливной аппаратуры двигателей» (ЦНИТА) записано: с ноября 1936 по июль 1947 У.У. Келлер – руководитель проекта спецбюро; с июля 1947 по 8 мая 1953 – главный конструктор ОКБ-30 при заводе № 800 (Ленинград); затем перешел в ОКБ-800, только что организованное при этом

заводе, был там с 20 августа 1953 по 11 октября 1958 руководителем проекта, главным конструктором, ведущим конструктором, начальником отдела.

В советское гражданство У.У. Келлер был принят, по его просьбе, в мае 1948 решением Президиума Верховного Совета РСФСР. В августе того же года он женился на Ольге Александровне Николаевой, сотруднице завода, 1908 года рождения, взявшей после регистрации его фамилию. Вместе с женой воспитывал ее дочь от первого брака.

Став вольнонаемным работником КБ, Келлер разрабатывал различные двигатели, в том числе судовые. При составлении чертежей обходился без ластика и обязательно в те годы для инженера инструмента – логарифмической линейки. Его сопровождали от кульмана к кульману две девушки и подрисовывали его наброски.

Особенностью судового двигателя, над проектом которого работал Келлер, является необходимость реверса: корабль, в отличие от самолета, должен иметь возможность двигаться не только вперед, но и назад. Проект был оригинальным и смелым. Была создана принципиально новая, первая в стране бездисковая реверсивная муфта для форсированного дизеля М50Ф (1200 л.с.).

13 октября 1958 У.У. Келлер был переведен с завода № 800 на должность начальника дизельной лаборатории Ленинградского филиала НАМИ Главниипроекта при Госплане СССР (15 февраля 1960 этот филиал был переименован в ЦНИТА). С 3 января 1961 Келлер – начальник сектора спецконструкций, со 2 февраля 1966 – и.о. начальника 12-й лаборатории.

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 28 января 1957 приговор ВТ КиевВО от 6 сентября 1937 и определение ВК ВС СССР от 2 октября 1937 были отменены и дело Келлера производством прекращено за отсутствием состава преступления.

В 1965 У.У. Келлер защитил (по совокупности работ) кандидатскую диссертацию. Защита прошла в закрытом порядке. Решением ВАК от 2 февраля 1966 ему был выдан диплом кандидата технических наук.

Архивные материалы ЦНИТА свидетельствуют, что У.У. Келлер являлся виднейшим работником советского двигателестроения. Под его научным руководством и при его участии разработаны проекты газогенераторных двигателей и сверхмощных муфт с оригинальной системой управления, ряд унифицированных топливных насосов, семейство распределительных насосов типа НД, малогабаритная топливная аппаратура и ряд малолитражных высокооборотных агрегатов с воздушным и водяным охлаждением. Два его изобретения в области оборонной техники защищены авторскими свидетельствами СССР.

Из производственной характеристики начальника конструкторского сектора дизельной топливной аппаратуры ЦНИТА У.У. Келлера:

За время работы проявил себя дисциплинированным и исполнительным руководителем. Имея большой опыт конструкторской работы и знания

в области дизелестроения, Келлер разработал оригинальные конструкции топливных насосов типа РДН и другие узлы топливоподающей системы. Разработанные им распределительные насосы НД21А выгодно отличаются от аналогов своими габаритами и металлоемкостью.

Приказом № 149 директора филиала НАМИ от 20 августа 1959 в связи с 60-летием начальнику дизельной лаборатории У.У. Келлеру за плодотворную работу и добросовестное отношение к служебным обязанностям была объявлена благодарность. Портрет Келлера был помещен на Доску почета Фрунзенского района Ленинграда.

В заключении конкурсной комиссии при утверждении Келлера 3 декабря 1959 на должность начальника сектора дизельной топливной аппаратуры говорится:

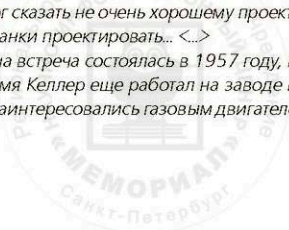
Келлер У.У. разработал оригинальную конструкцию реверсивной муфты, осуществленную, доведенную и успешно работающую на ряде объектов Военно-морского флота. Им разработаны и исследованы двухтактные дизели с продувкой под высоким давлением. Для лесного хозяйства разработан весьма экономный и мощный газогенераторный двигатель с высоким показателем $P_e = 0,3 \text{ кг/см}^2$. Выполнена конструкция мощного танкового дизеля, экономичного и эффективного. <...>

Для танковых войск разработан, осуществлен и испытан малогабаритный компрессор высокого давления с высокотемпературным охлаждением, что позволило заметно уменьшить габариты охладителя. Разработана конструкция насосов распределительного типа для автотракторных и автомобильных двигателей, которые успешно проходят испытания.

Ближайший коллега Келлера, главный конструктор и заведующий отделом ЦНИТА А.Н. Ледохович, в интервью, которое мы у него взяли, интересно и содержательно характеризует Ульриха Ульриховича. Вот что он рассказывает.

Многогранная и оригинальная личность. Умный, честный, порядочный человек, настоящий профессионал. Обладал большими способностями в технических и многих других областях. Представительный, интеллигентный мужчина. Пользовался успехом у женщин. Был полноват. Очень аккуратный. Любил хорошо одеваться. Часто говорил, что ничего невозможного в проектировании нет, нерешаемых проблем не существует. Бывал резок. Мог сказать не очень хорошему проектировщику: – Вам только консервные банки проектировать... <...>

Первая наша встреча состоялась в 1957 году, в ЦКБ топливной аппаратуры. В то время Келлер еще работал на заводе №800. В Лесотехнической академии заинтересовались газовым двигателем, который сконструировал

ровал Келлер. Обратились к нему с вопросом: можно ли сделать из этого двигателя дизель и использовать его для трелевочных тракторов. Келлер стал работать над этой проблемой и успешно решил ее. А потом перешел в ЦКБ топливной аппаратуры. Первые годы часто ездил в командировки. Он жил работой.

Келлер был широкой натурой. Как-то мы с ним поехали в командировку в г. Барнаул. В день его рождения оказались в Москве, и времени до вылета в Барнаул было еще много. Келлер повел меня в ресторан, заказал обильный стол и с удовольствием угощал, не позволяя мне внести свою лепту. Вообще был хлебосольным хозяином. Когда приглашал к себе в гости, организовывал шикарный стол. Всегда на столе была самая разная рыба, но сам он к ней никогда не притрагивался. Его все спрашивали: – Почему? Он отвечал: – Когда я испытывал двигатели на норвежских рыболовных судах, провел в море шесть суток. Шторм, качка, и только рыба – единственная пища.... После этого рыбу есть не могу! <...>

Мы часто бывали в командировках в селе Касавьеровка, Киевской области, на Украинской машиноиспытательной станции. Там проходили испытания тракторного двигателя. Жили в этом селе, кормили нас в открытой столовой. Набиралось много народу, все стояли в очереди. Келлер никогда не пытался пройти без очереди, хотя имел на это право. Стоял в своем белоснежном летнем костюме среди рабочих, одетых в замасленные комбинезоны.

Когда мы приезжали в какой-нибудь город, шли в гостиницу. А там, конечно, мест нет, приходилось ночевать под пальмой в холле. Келлер ругался: – Черт побери! Вот когда я раньше, в Европе, ездил в командировки, мой шеф давал мне два конверта с деньгами. За один конверт я должен был отчитаться: билеты на проезд, проживание в гостинице и т.п. Никаких проблем! А за другой конверт отчитываться не нужно было. Как говорил шеф, – «это на что хотите: на рестораны, на девочек и т.д.» А тут тебе дают командировочные по 2 рубля 60 копеек в сутки! <...>

Русскому языку он так и не научился. Говорил, конечно, по-русски, но очень неправильно. Например, молодых женщин, девушек называл «молодая человека». Обладал хорошим чувством юмора, в очереди за мясом мог сказать: – Без мяса нет любви! <...>

Келлер рассказывал, что в Швейцарии, и вообще в Европе, очень уважительно относились к эксперименту, который проходил в России, в СССР. Но... с единственной оговоркой: – Нам такого не надо... Он же, когда лучше познакомился с советской системой, с советской действительностью, очень сокрушался: считал, что имидж СССР, который к тому времени сформировался в Европе, совсем не соответствовал реальности. <...>

Келлер говорил: – В шарашках, конечно, жилось неплохо. Особенно, если сравнивать с лесоповалом и другими лагерными работами. Спали на кроватях с простынями, стол был хороший. Но чтобы господа заключенные инженеры не забывались, для отрезвления, нет-нет да и пошлют кого-нибудь на месяц, другой, третий на лесоповал или еще куда-нибудь в глубинку. <...>

В шараге главным было то, говорил Келлер, что работа была очень интересная. Рассказывал, что встречался там и с Туполевым, и с Королевым.

По моему мнению, Келлера арестовали в связи с тем, что был он хорошим специалистом, хотели заставить его работать на СССР. Видимо, на тяжелых работах он пробыл не слишком длительное время, а потом его направили в шарагу.

По словам Келлера (из автобиографии, хранящейся в ЦНИТА), он никогда не принадлежал к каким-либо партиям или другим политическим организациям. А во время праздничных демонстраций при движении на Дворцовую площадь, рассказывают его бывшие сотрудники по ОКБ-30, стоял в кузове грузовика и громко, на весь проспект Обуховской обороны, распевал тирольские песни...

Когда сослуживцы спрашивали Ульриха Ульриховича, не хочет ли он вернуться в Швейцарию, он отвечал: «Нет, ведь я для них мертвый...». По некоторым сведениям, у него там оставались (первая) жена и два сына. Но когда одна из сотрудниц ЦНИТА, приехав в Швейцарию в 1990-х, нашла родственников Келлера и пыталась рассказать им о его судьбе, они даже не захотели ее слушать...

Ушел из жизни Ульрих Ульрихович на 72-м году жизни, 10 марта 1971. Вот что рассказывает об этом А.Н. Ледохович:

Полез Ульрих Ульрихович в неисправный телевизор, ударило его током. Заболела рука, пошел к участковому врачу. Врач ничего серьезного не нашла, назначила витаминные уколы. Рука продолжала болеть, Ульрих Ульрихович снова пошел к врачу. Послали на рентген, но на снимке врачи районной поликлиники ничего не увидели. Пришлось обратиться в 1-й Медицинский институт, а там обнаружили на руке саркому. Болезнь развивалась быстро...

Авторы благодарны зав. отделом управления персоналом ЦНИТА К.В. Чигриной и А.Н. Ледоховичу за содействие, оказанное при подготовке настоящей работы.

Ольга Бессмертная

Как рассказать биографию негодяя?

(«Мусульманский Азеф», или Ровесник Ленина)

Ольга БЕССМЕРТНАЯ

РГГУ (Москва)

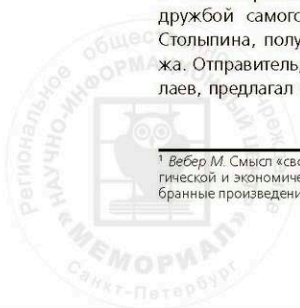
«Все понять» отнюдь не означает «все простить», и вообще понимание чужой точки зрения совсем не обязательно ведет к ее оправданию.

Макс Вебер¹

11 мая 1909 г. Сергей Николаевич Сыромятников, влиятельный сотрудник редакции официозной газеты «Россия», известный также под псевдонимами Сигма и Сергей Норманский, писатель, немало размышлявший о том, где стране, что дала название газете, следовало искать свой истинный дом – в Европе или Азии, немало и поездивший по Востоку с разного рода миссиями, а к тому же имевший связи столь же разного свойства в министерствах и пользовавшийся дружбой самого Петра Аркадьевича Столыпина, получил письмо из Парижа. Отправитель, некий Ахмет-Бек Аллаев, предлагал присылать в «Россию»

olgabessm@gmail.com

¹ Вебер М. Смысл «свободы» от оценки // в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.561.

свои статьи, разоблачающие деятельность «русских освободителей», обосновавшихся в Париже: речь шла о всяческих «товарищах Азефа» – эсерах и не только...

Так я начала – в поисках стиля и жанра письма – статью, посвященную вовсе не Сыромятникову, но его корреспонденту, человеку, позже получившему среди мусульман прозвище «мусульманский Азеф»². Я стремилась с самого начала показать, какими путями этот человек обманывал Сыромятникова, да и многих других. Дело в том, что в продолжении переписки Аллаев ходатайствовал о помощи своему другу, Магомет-Беку Хаджетлаше, в издании журнала «Мусульманин», крайне важного, как считал Аллаев, для разрешения тогдашней сложной политической ситуации на Кавказе. И он такой помощи добился. Впрочем, в архивах мне удалось выяснить, что Аллаев и Хаджетлаше – одно и то же лицо, сам Хаджетлаше. Он придумал Аллаева как свое альтер эго, чтобы успешнее воздействовать на Сыромятникова, да и для решения многих других задач. Не знаю, выяснил ли это в итоге Сыромятников. Но эта переписка сыграла решающую роль в предоставлении правительственной субсидии журналу, который одновременно претендовал на принадлежность к оппозиционной мусульманской прессе.

Однако здесь я буду говорить не о самом Хаджетлаше и не о ситуациях, складывавшихся вокруг него, но об опыте моей «охоты» за ним, и главное – о способах осмысления и репрезентации результатов. Речь, иными словами, пойдет о жанре, в котором может быть представлено такое исследование, о задачах, возможностях и пределах этого жанра, в частности – пределах его восприятия в исторической профессии. Процитированное начало моего повествования – пролог получившейся биографии – и служит здесь примером, пусть не самого жанра, но его стилистики. Отмечу, что это первая моя попытка относительно развернутого изложения в письменной форме нижеследующих размышлений, скорее постановка вопроса, чем завершенная статья.

Предварю вопрос о жанре, чтобы сделать исследовательскую ситуацию яснее, лишь краткими сведениями. Мой персонаж, Григорий Этингер (или Эттингер, ок. 1870–1929), скорее всего, был по происхождению евреем, вместе с семьей крещеным. Он придумал себя черкесом и мусульманином и в этом качестве занялся писательством и журналистикой. Он сменил и немалое число имен, среди которых, помимо Хаджетлаше, наиболее известно имя Юрий Казибек (Ахметуков). На одном из этапов своей карьеры он стал правительственным агентом в среде мусульманской оппозиции (впрочем, нельзя исключить, что поначалу он стремился работать для оппозиции на деньги правительства). Он вообще

² Бессмертная О. Мусульманский Азеф, или «Игра в Другого»: метаморфозы Магомет-Бека Хаджетлаше (Почти роман) // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 9 (В печати). Статья была написана в 2007, и хотя этот выпуск «Казуса» по техническим причинам задержался в печати, у меня была возможность обсудить ее в некоторых ученых кружках. Эти дискуссии стали одним из стимулов для предлагаемых здесь размышлений.

пересек все «горячие точки» эпохи. В революцию 1905–1907 претендовал быть эсером-максималистом, являя собой пример «революционного хулиганства» (если использовать термины, принятые революционерами³), или «шантажиста на революционной почве» (в терминах полиции⁴). А в конце пути оказался в стокгольмской тюрьме, где и умер: его арестовали в Швеции в 1919 за убийства в целях наживы. Сам он, однако, утверждал, что во главе организованной им «Лиги за восстановление Империи» вел войну с агентами большевиков; высказывались, впрочем, подозрения, что он и был большевистским агентом⁵. Этому шведскому эпизоду, замечу, А. Толстой посвятил неудачный роман «Эмигранты» (в первой редакции «Черное золото», 1931), разоблачающий демонического Хаджетлаше и белоэмигрантскую среду, которая его породила.

Рассматривая в подробностях действия и писания Хаджетлаше, с одной стороны, и реакции его окружения – с другой, я интерпретировала его стратегию как «торговлю» изобретенной им себе кавказско-мусульманской идентичностью, которую ему удалось превратить в свой «символический капитал». Я назвала эту стратегию «„игрой“ в Другого» и стремилась показать, сколь значимым в ее осуществлении и ее успехе был принцип «разделяй и властвуй» и сколь прочно она основывалась на создании образа врага (так что ожидать, чтобы мой герой непременно служил в каждой из ситуаций какой-то одной стороне – либо оппозиции, либо правительству; либо большевикам, либо белым – оказывалось слишком оптимистичным). Одновременно это позволяло судить и о более широком контексте, об ожиданиях и представлениях других людей: например – о сформированных ориентализмом «зеркалах», в которых отражались друг для друга и правительство, и мусульмане. Или, шире, – о самой «конспиративной» атмосфере того времени, созданной противостоянием политических лагерей, основываясь на котором вел свою «игру» Хаджетлаше, и которое, во многом, как раз и позволяло этой игре быть успешной (эта общность «почвы», а не само по себе совпадение года рождения и побудила меня вспомнить о Ленине). В целом же я строила исследование в русле подходов «новой имперской истории»⁶: речь шла о том, как пересекал Хаджетлаше

³ Борисов С. Революция и революционное хулиганство. Письмо с Северного Кавказа // Знамя труда. 1908. № 9, янв. С. 11–12.

⁴ ГАРФ ДП ОО. 1907. Д. 297.

⁵ Такие подозрения продолжаютя. Помимо работ Р.Х. Хашхожевой, романтизирующей этот персонаж вплоть до замалчивания данных источников (Хашхожева Р.Х. Кази-Бек Ахметуков: жизнь и творчество // Кази-Бек Ахметуков. Избранные произведения / Вст. ст. и подготовка текстов к изданию Р.Х. Хашхожевой. Нальчик, 1993. С. 5–78; Она же. Одиссея Кази-Бека Ахметукова // Литературная Кабардино-Балкария. 2001. № 1. С. 161–176), см.: Фролов В.Н. «Лига убийц» и ее руководитель Магомед-Бек Хаджетлаше. Новые материалы // Из глубины времен. 2005. № 13. Специальное исследование: Lundberg S. Ryssligan: Flyktningarna från öst och morden i Bollstanäs 1919. Lund, 2004.

⁶ На русском языке см. особенно: Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004; Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005; журнал *Ab Imperio* (Казань) в целом.

разного рода социальные границы (этнические, конфессиональные, политические, культурные), как эти границы мыслились его окружением и перестраивались в ответ на столкновение окружающих с ним, и сколь взаимосвязанным оказывалось имперское пространство поверх таких границ. Но исследование строилось не только в этом русле.

Вернусь к вопросу о жанре. В выбранном мною начале повествования, претендующего принадлежать истории как академической дисциплине, по сегодняшним меркам нет ничего неожиданного. Стремление сделать академическое историческое повествование «живым» уже привычно и аргументировано учеными дискуссиями, в нашей стране шедшими в конце 1990-х – начале 2000-х. Они были связаны с обоснованием подходов, стремящихся «схватить» жизнь «снизу», в ее подвижности и многоплановости: микроистории, прагматического поворота, истории повседневности – особенно того их направления, которое ориентировано на исследование отдельной ситуации или случая (казуса)⁷. Рост интереса к биографии как жанру исторического исследования (и мой собственный интерес к моему герою в частности) лежит, конечно, в том же русле⁸. С одной стороны, складывание таких подходов связывают с изменением самих форм исторической мысли: это уход больших объясняющих схем, «больших нарративов», кризис общих исторических понятий, ставших «немыми» – неспособными «схватить» и передать значимое содержание⁹. Отсюда – стремление вернуть субъекта в историю и интерес к индивиду как таковому. С другой стороны, мы видим массовый рост интереса к истории вообще. Тем самым, и к биографии (и автобиографии) – вписывающей индивида в Историю, а Историю в индивида. У нас же все это еще усугублено и сменой политического режима, и утратой национальной идентичности¹⁰.

⁷ Эти дискуссии отражены особенно в альманахе «Казус: Индивидуальное и уникальное в истории» за 1996, 1999 и 2000 гг. См. также: Историк в поиске: Микро- и макроподходы к изучению прошлого. Доклады и выступления на конференции. 5–6 окт. 1998 г. М., 1999.

⁸ *Леви Дж.* Биография и история // *Современные методы преподавания новейшей истории.* М., 1996. С. 191–206; *Релина Л.П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // *Казус – 1999.* С. 76–100 (позднейшая версия: От «истории одной жизни» к «персональной истории» // *История через личность. Историческая биография сегодня* / Под ред. Л.П. Релиной. М., 2005. С. 55–76); *Ле Гофф Ж.* О биографии исторического персонажа (Людвик Святой). Казус – 1999. С. 101–116.

⁹ На русском языке см. особенно: *Леви Дж.* К вопросу о микроистории // *Современные методы...* С. 167–190; *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы. М., 2004. С. 287–320; *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // *Одиссей. Человек в истории.* 1996. С. 110–127 (две последние работы в худшем переводе опубликованы также в: *Современные методы...*). Примеры более поздних размышлений: *Гинзбург К.* Моя микроистория // *Казус – 2005.* С. 343–353; *Черутти С.* Микроистория: Социальные отношения против культурных моделей? // *Там же.* С. 354–375.

¹⁰ О формах вписывания индивида в Историю в постнеперестроечных автобиографиях см.: *Paperno I.* Personal Accounts of the Soviet Experience // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2002 (Fall), 3(4). P. 577–610.

В этом контексте удовлетворить просьбу Петра Ивановича Бобчинского – сообщить миру, что он жил, «воскресить» его, – было увидено даже как «основной инстинкт историка»¹¹. Биография как жанр более не нуждается в оправдании: право на имя обрел и всякий «маленький», «ординарный» человек, вообще – всякий. Отсюда две основные проблемы – проблемы, относящиеся к ключевым вопросам историописания, каковые обращение к биографии особенно заостряет.

Одна из них остро обсуждалась в тех же дискуссиях: как от индивидуального перейти к общему, как выговорить то универсальное – или скорее то историческое, – что есть в Бобчинском, сделать его действительно говорящим историку о чем-то, кроме как о самом факте своего существования (и не только тому историку, который им почему-то заинтересовался, но еще и коллегам по профессии). И при таком обобщении не утратить тем не менее видения индивидуального, даже уникального, не разрушить его – т. е. не превратить персонаж в простой пример, иллюстрацию общих процессов, в «представителя» тех или иных тенденций. Попросту говоря, речь в этих дискуссиях шла о том, можно ли представить мир в капле воды средствами академической истории, в рамках ее дискурса. Так что задачи биографий Бобчинских все же отличаются от тех видов биографий, которые пишутся исключительно ради своего героя, – если таковые бывают (относится ли к ним, например, литературная биография?). Как и обращение к казусу вообще, такие биографии стремятся представить изучаемый случай как некий сложный «пучок», скрещение разного рода социальных связей, культурных представлений, индивидуальных возможностей и предпочтений¹². Так они помещают себя на грани двунаправленного интереса: к миру и к индивиду¹³. Но тут они зачастую попадают в прежний тупик: ограниченность языка исторической науки для решения такой задачи¹⁴. Это ведет к тому, что

¹¹ Уваров П. Ю. Апокатастис, или Основной инстинкт историка // Казус – 2000. С. 15–32. См. полемику, касающуюся прежде всего проблемы обобщения: Баткин Л. М. Заметки о современном историческом разуме // Там же. С. 62–96, (особ. С. 82–86); Уваров П. Ю. О невозможном и плодотворном // Там же. С. 118–124.

¹² Ревель Ж. Микроанализ... Он же. Возвращение к событию: пути историописания // Homo Historicus. К 80-летию со дня рожд. Ю. Л. Бессмертного. М., 2003. Т. 1. С. 238–254; Passeron J.-C., Revel J. Penser par cas. Raisonner à partir de singularités // Enquête. 2005 (Paris). № 4. P. 9–44. Несколько иной подход к «схватыванию» единичного: Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы... С. 189–241.

¹³ Тем самым стремления этого подхода сложнее, чем ситуация, рассмотренная А. Алексеевым, когда изучение «случая» в общественных науках нацелено на выявление типичного и закономерного в нем. Алексеев А. Тезисы о биографии и со-бытии человека // Право на имя. Биографика 20 века. Седьмые чтения памяти В. Иофе. СПб., 2010. С. 142–145.

¹⁴ Копосов Н. Е. О невозможности микроистории // Казус – 2000. С. 33–51 (здесь речь идет об исторических понятиях); Bourdieu P. L'illusion biographique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986 (juin). Vol. 62–63. P. 69–72 (здесь показано, что описание «истории одной жизни» зависит от предшествующего ему видения иерархии социальных институтов).

на практике исследователь казуса нередко возвращается либо к иллюстрированию общего, либо к замыканию в индивидуальном.

Другая проблема в тех дискуссиях обсуждалась меньше, чем проблема генерализации. Это отношение биографа к своему персонажу. Чаще всего биографии пишутся, когда персонаж видится исследователем в одной из двух ипостасей. Это либо Герой или гений, некий возвышающий образец для подражания, либо жертва Истории, чья индивидуальная история сопереживается эмоционально и тоже несет в себе дидактическое содержание¹⁵. Во всяком случае, так часто происходит в литературной биографии. Когда же речь идет о биографии, предпринятой профессиональным историком, ее героем нередко оказывается этический Никто – или, скорее, таково стремление профессионального историка. Исключение порой составляют «великие злодеи», оказавшие влияние на судьбы всего человечества и уже признанные таковыми, например, Сталин, Гитлер или, хотя бы, прообраз прозвища моего персонажа, Евно Азеф, – однако и в этих случаях в академических исследованиях сейчас преобладает тенденция уйти от оценок¹⁶. Но признать, что некий неизвестный дотопе Бобчинский – среди тех многих Бобчинных, которым, в результате сказанного, открылись двери в большую Историю, – был негодяем, считается вовсе неприличным.

Это неслучайно и во многом оправданно. Подобного рода оценки лежат за рамками языка академических дисциплин. Отказ от оценочных суждений в историческом исследовании стал, кажется, не только осознанным принципом, но и самым первым «основным инстинктом историка»: такие суждения рассматриваются как заслон объективности и противоположность пониманию – самой цели историка. Эта позиция числит среди своих авторитетов Макса Вебера, ее подробно обосновавшего, и Марка Блока, противопоставившего историю судящую истории понимающей и жестко выбравшего второе в альтернативе «судить или понимать». Однако, превратившись в банальную практику, видение проблемы авторитетами утратило свою сложность и тонкость.

Биографический порыв исследователя, наверное, всегда рождается от увлечения обнаруженным им персонажем. Увлеченность зачастую ведет к идеализации героя (какого-нибудь авантюриста, например¹⁷), притом нередко спонтанной и неосознанной – чему игнорирование этического измерения лишь способствует. Более того, само обращение исследователя к некоему персонажу, согласно принятым конвенциям, как будто предполагает, что биограф вскроет его – этого персонажа – правду, а тем самым и оправдание всякой его

¹⁵ Ср.: Paperno I. *Op. cit.*

¹⁶ Service R. *Stalin: A Biography*. Harvard UP, 2005 (одна из лучших и наиболее влиятельных биографий Сталина последних лет).

¹⁷ Черкасов П.П. *Русский агент во Франции*. М., 2008.

деятельности. Так взгляд историка возвращается к балансированию между теми же двумя ипостасями персонажа: «Героя» (когда в исследовании акцент делается на индивидуальное, на активность персонажа) и «жертвы» Истории (когда исследовательский интерес направлен более на обусловленность изучаемой индивидуальной деятельности историческим контекстом, культурой, представителем которой персонаж выступает)¹⁸. Подобное происходит, по существу вещей, даже тогда, когда историк обращается к своему персонажу с вполне современным вопросником, рассматривая, например, как человек «конструирует» себя (или как его «конструируют» – скажем, в ходе «социального инжиниринга»)¹⁹. Нейтральный «этический Никто» на самом деле превращается в «Кого-то» – но, обычно, кого-то позитивного. А и правда, зачем изучать кого-то, если этот кто-то – попросту «злодей»? (Впрочем, на этот частый аргумент можно возразить тем же: зачем изучать кого-то, если этот кто-то попросту «Герой»? – тем более, что «зло» обычно устроено сложнее, чем «добро».)

Так и мой персонаж. Историки, видящие в нем злого провокатора и человека, лишённого принципов (более всего это характерно для татарской историографии²⁰), вовсе и не заняты им как индивидом, он нужен им для характеристики политики государства в отношении мусульман (преимущественно – для разоблачения ее репрессивного характера). Зато в адыгском литературоведении в нем видят национального писателя и Героя, а потому стремятся восстановить весь его жизненный путь – и идеализируют совершенно²¹. И то и другое не только упрощает, а то и фальсифицирует факты, но вообще неинтересно для историка, скучно. Свести исследование к оценке, исследовать ради оценки, чтобы попросту сказать, что персонаж – «злодей» (или «Герой»), – предприятие, действительно, бессмысленное.

¹⁸ За этим – вопрос о присутствии в сегодняшнем релятивистском историческом дискурсе романтического языка.

¹⁹ Reiss T. *The Orientalist: Solving the Mystery of a Strange and Dangerous Life*. N.Y., 2005 (с тенденцией к превращению героя в героя); Murav H. *Identity Theft: The Jew in Imperial Russia and the Case of Avraam Uri Kovner*. Stanford, 2003 (с тенденцией к превращению героя в «жертву» Истории); особенно интересен подход в исследованиях по истории советской субъективности, где представлена активность «жертвы» в ответ на государственную политику социального инжиниринга: Hellbeck J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Harvard UP, 2006.

²⁰ Хайруллин Р. «Мир ислама»: из истории создания журнала // Мир ислама. 1999, № 1. С. 3–20; Ямаева Л.А. «Мусульманский Азиф», или Миф о российском панисламизме в свете архивных материалов // Археология Южного Урала: Исторические источники и современные методы. Уфа, 2001. С. 192–201; Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 47–48. За пределами национальной историографии см.: Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XIII – начало XX вв.). М., 2004. С. 11–12, 16, 197, 231.

²¹ Помимо цитированных выше работ Р.Х. Хашхожевой, см.: Агержанкова С.Р. Художественное осмысление жизни адыгов в творчестве адыгских просветителей конца XIX – начала XX вв. Майкоп, 2003; Курашинов Б.М. Яркая звезда // Он же. В кругу друзей. О русско-кабардино-балкарских литературных связях. Нальчик, 1973. С. 137–152.

И я, сообразно принципам нашей дисциплины, отнюдь не стремилась прибегать к моральным суждениям, а находила задачу в том, чтобы поместить деятельность моего персонажа и самое создание им себя в социальный и литературный контекст эпохи. Я видела в нем «трикстера», «самозванца», «авантюриста» – т. е. то, что, в соответствии с профессиональными конвенциями, презумпциями и интуициями, дозволено и потребно видеть историку. Это, впрочем, не означало, что я перестала относиться к моему герою как к негодю. Более того, самый комплекс вопросов, структурировавший исследование, как раз тот вопросник, который, как я надеюсь, позволял мне поместить Хаджет-лаше на грань между миром и индивидом (о чем подробнее – ниже), не мог бы быть сформулирован, если бы я не заметила в моем герое «принципиального» обманщика: я рассматривала то, почему другие ему верили, почему они же переставали ему верить и как он их обманывал. Но возможно ли относиться к обманщику (готовому к тому же жертвовать людьми) этически нейтрально, не заключена ли оценка уже в самом этом понятии? И нужно ли к нему нейтрально относиться, всегда заменяя это понятие понятием «трикстер»?

Здесь стоит вспомнить, что, ведя диспут, по содержанию обсуждавшихся вопросов очень близкий к тем, что идут в связи с этической позицией историка сегодня (но ведя его до Холокоста и Гулага), Вебер отнюдь не призывал вовсе отказаться от вынесения оценочных суждений: он настаивал лишь на том, что они должны быть выведены за рамки эмпирического исторического исследования²². Оно только и может обеспечить то объясняющее понимание чужих (и своих) ценностей, относительно которого осмысленно вырабатываются такие суждения (оно и может только это: само по себе такое исследование не способно служить аргументом в ценностном споре, ведь одни и те же факты оцениваются разными людьми по-разному в зависимости от их личных взглядов)²³. Но сегодня, когда субъективное воздействие исследователя на его труд видится еще большим, приходится спросить, возможно ли вполне «изъять» оценку из эмпирического исследования?

Ведь то или иное отношение биографа к его персонажу формируется, видимо, на самых ранних стадиях их знакомства – в тот самый момент, когда биограф «удивляется» персонажу. Конечно, такое отношение недопустимо превратить в неподвижную презумпцию. Почти наверняка, «негодяями» не рождаются, ими становятся (и историку интересно, как и почему). Чаще всего,

²² «Требование „свободы от оценочных суждений“ в эмпирическом исследовании отнюдь не означает, что дискуссии на эту тему объявляются бесплодными или даже бессмысленными; напротив понимание их подлинного смысла (смысла ценностных позиций сторон. – О.Б.) служит предпосылкой всех полезных обсуждений такого рода». – Вебер М. Цит. соч. С 561.

²³ Там же. Впрочем, «эмпирические факты также часто вызывают горячие споры, и мнение, следует ли данного человека считать подлецом, оказывается в ряде случаев значительно более единодушным, чем согласие (именно специалистов) по поводу толкования испорченной рукописи». – Там же. С 559.

«негодьями» бывают не все время (человек меняется на протяжении жизни) и не целиком (и в «негодяе» бывают добрые и привлекательные стороны)²⁴. Разумеется, не всякий обман тут же превращает человека в «негодяя»²⁵. Более того, та или иная оценка, несомненно, – черта отношений именно этого биографа с этим персонажем, другие исследователи могут увидеть в том же человеке иное. Я говорю лишь о правомерности вопроса, о неизбежности (и даже необходимости) присутствия этического измерения в отношении биографа к персонажу – и о сложности «взаимодействия» биографа с таким его собственным отношением к его герою. Фактически такое отношение подобно исследовательскому подходу (методу): не бывает исследования без подхода, он лишь может остаться не осознанным. В лучшем случае это отношение подобно рабочей гипотезе: она требует коррекции в ходе исследования, но оказывает существенное влияние на сам этот ход. Получается нечто подобное герменевтическому кругу²⁶, «этический круг»: оценка основывается на фактах (в том смысле, что нужны хотя бы какие-то факты для вынесения суждения), но отбор и прочтение фактов исследователем неизбежно зависят от его оценки.

Наверное, в истории существуют более и менее этически (и политически) значимые для нас сегодня сюжеты; их значимость особенно остра в недавней истории (хотя и не ограничена ею), тем более в истории XX века. И Вебер, и, особенно, Блок говорили преимущественно о «больших» процессах и широких явлениях, культурах. Самый призыв Блока отказаться от истории судящей ради истории понимающей был связан с критикой событийной истории и отказом от нее²⁷. Теперь же, когда отдельное событие – и отдельная биография – реабилитированы на новых основаниях микроисторией и прагматическим поворотом, встает вопрос, не адресованы ли эти направления, по самой своей сути, к таким этически наиболее острым сюжетам: разве не провоцирует исследователя всякий казус, и биография тем более, на соучастие – этическое,

²⁴ Бурдые подчеркивает, сколь сложно уловить изменчивость персонажа в каждый данный момент времени и в каждой ситуации, что, согласно его системе взглядов, можно, однако, обобщить в понятии «хабитус». См.: Bourdieu P. Op. cit. Вот и я сейчас веду речь о чем-то, подобном хабитусу «негодяй».

²⁵ С. Шишкова-Шипунова отмечает аналогичное обилие внешних свидетельств в книге А. Варламова – одновременно как достоинство и недостаток, помешавший автору выразить собственное отношение к его персонажу. (Там же.)

²⁶ Об историческом романе как альтернативе истории казусов (и академической истории вообще) см.: Колосов Н.Е. Эпистемология доверия, или Девиантная совокупность // Одиссей. Человек в истории. 2007. С. 485–486. А. Алексеев также рассматривает интерес художника (тем самым и романиста) к биографии как направленный на индивидуальное, в отличие от интереса обществоведа (Алексеев А. Цит. соч.). О пронизанности академической истории литературными приемами написаны тома. Один из поворотов проблемы – об оправданном присутствии элементов художественного вымысла (или скорее доммысла) в историческом исследовании, и в биографии в особенности, см.: Ginzburg C. Checking the Evidence...

²⁷ На сноски как отличие исторического исследования от романа указывает А. Эткнд в интервью Д. Хапаевой: Хапаева Д.Р. Герцоги республики в эпоху переводов. М., 2005. С. 179.

в частности (если, конечно, у исследователя вообще есть этическое чувство)? Невозможно «судить» культуры, вряд ли можно остаться равнодушным к некоторым из их порождений.

Что же делать с этой неустранимой включенностью этического чувства в наше разглядывание фигур, подобных Хаджетлаше? В принципе, очевидно, то же, что подобает делать со всеми прочими нашими субъективными включенностями. Если Вебер «элементарным долгом самоконтроля ученого» в ситуации, когда тот «не может отказаться от оценочного суждения», полагал «резкое разделение» между рассмотрением действительности и оценочным суждением о ней, то нам остается, видимо, лишь осознать и эксплицировать такое суждение, отвечая требованию этого выдающегося ученого не «уклоняться от ответственности за него»²⁸. Невсеприятие в практике историка кажется тем более важным, что его высказывания не нейтральны, они сказываются на состоянии умов современников. Однако и возврат к истории судящей исключен. На этом полюсе – опасность «огульного охаивания» (или «огульного восхваления»), подобного советской критике «реакционеров», среди которых и Хаджетлаше²⁹; все те опасности, о которых и говорили авторитеты, – утрата нацеленности на понимание и на объективность (да и угроза самой свободе науки). Но признание (самому себе и читателям) в характере своей оценки – единственный способ осознать ее воздействие на собственное исследование и соотнести ее с возможными другими трактовками³⁰.

«Элементарный долг самоконтроля ученого», коррекция гипотез и оценок в ходе исследования, получается, тесно связаны с обоюдоострым недоверием: недоверием биографа к себе и к своему персонажу. Последнее часто вызывает неприятие. В недоверии к своему герою упрекает, например, А. Варламова,

²⁸ Приведу цитату полностью: «Если Шлоссер, следуя принципам рационализма, применял не знающие изменения этические масштабы, то современный, воспитанный в духе релятивизма историк, стремясь, с одной стороны, понять изучаемую эпоху «изнутри», а с другой – вынести свое «суждение» о ней, испытывает потребность в том, чтобы вывести масштабы своего суждения из «материала», то есть в том, чтобы «идея» в значении идеала выросла из «идеи» в значении «идеального типа». Эстетическая притягательность подобного способа приводит к тому, что граница между этими двумя сферами постоянно стирается, в результате чего возникает половинчатое решение, при котором историк не может отказаться от оценочного суждения и одновременно пытается уклониться от ответственности за него. В такой ситуации элементарным долгом самоконтроля ученого и единственным средством предотвратить подобные недоразумения является резкое разделение между сопоставительным сопоставлением действительности с идеальными типами в логическом смысле слова и оценочным суждением о действительности, которое отправляется от идеалов». – Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избр. произвед. С 398–399 (курсив orig.). О возможностях развития понятия «идеального типа» в связи с проблемой исторического обобщения см.: Колосов Н. Е. Цит. соч.; Passeron J.-C., Revel J. Op. cit.

²⁹ Климович Л. И. Ислам в царской России. М., 1936. С 233–267.

³⁰ Мое признание в том, что я считаю Хаджетлаше негодяем, вызвало шок в одном американском семинаре «Как бы изменились ваши выводы, если бы вы так не считали?» – спросили меня. Я отвечала, что стремилась понять героя как вопреки моему отношению к нему, так и используя его, но что от такого (или любого иного) отношения невозможно попросту освободиться; оно может лишь измениться и в нем можно лишь – и обязательно нужно – признаться.

автора биографии А.Толстого, С.Шишкова-Шипунова: она считает, что варламковский Толстой оказался слишком амбивалентным, а потому непонятым³¹. Мне же такое недоверие кажется спасительным.

В исследовании поступков и слов Хаджетлаше верить было нельзя ничему. Собственные свидетельства этого человека о себе всегда зависели от политической ситуации и вкусов людей, с которыми он в данный момент общался. Он предложил им и несколько своих разных автобиографий. Одна из них, ранняя, рисовала его потомком воспетого Лермонтовым князя Ахмет-бей Булата и сыном эмигранта в Турцию (это нужно было, в частности, для того, чтобы показать, как сын, теперь лояльный России, выплавил в себе эту лояльность ценой большой внутренней работы, искупая трагическую вину отца). Другая автобиография, видимо, последняя, созданная в стокгольмской тюрьме, когда автор совершенно разочаровался в «буржуазной Европе», и предназначавшаяся его детям, представляла его потомком индийского сподвижника пророка Мухаммада. Число таких автобиографий двумя не ограничивалось. Он скрывался от исследователя так же, как скрывал свое прошлое от своих современников (и будто нарочно «ломал» копируемые машины в архивах, когда что-то удавалось найти). Тем самым резко повышалась роль внешних источников, реакций на его деятельность окружающих. И роль деталей, только и позволявших рассмотреть, как строилось его поведение, что стояло за ним и как в тот или иной момент относились к нему другие люди.

Так отчасти спонтанно, но целенаправленно родился жанр повествования, о задачах и свойствах которого я веду сейчас речь. Его задачи уже ясны: поискать ответ на два названных всеохватных вопроса (историческое обобщение, оценочное суждение) применительно к создаваемой мною конкретной биографии или, точнее, поискать способ «маневрирования» между полюсами каждой из этих двух дилемм. Какие же свойства обнаруживаются у этого жанра? Здесь получилась «поломанная» хронология: рассказ начинался не с начала жизни героя, а с создания журнала «Мусульманин» – где Хаджетлаше и особенно связь его деятельности с общими процессами в Империи наиболее выпукло проявились. Здесь получилось, как уже сказано, обилие деталей и внешних свидетельств³². Здесь рисовались отношения героя с очень разными кругами людей и отношения внутри самих этих кругов, им спровоцированные. Мой тройной вопрос, уже упомянутый (почему ему верили, почему переставали верить, какими способами он обманывал), служил и выходу «в мир» – к представлениям окружающих о мире и обнаружению индивидуальных «ресурсов»

³¹ Шишкова-Шипунова С. «Своя своих не познаша»: Зачем пишутся литературные биографии // Знамя 2008. № 8. Сказанное не означает, что все упреки рецензента кажутся мне несправедливыми.

³² С.Шишкова-Шипунова отмечает аналогичное обилие внешних свидетельств в книге А.Варламова – одновременно как достоинство и недостаток, помешавший автору выразить собственное отношение к его персонажу. (Там же.)

героя, какими он пользовался для достижения успеха. Так в рассказ включалась двойная интрига – проблемная (строившаяся вокруг вопросов, поставленных изучением российской модерности) и одновременно сюжетная (происхождение и похождения героя). В ее центре стоял мой герой, от которого к разным другим персонажам и в разные планы действительности тянулись нити. И статья превратилась в 150-страничный текст, чем-то напоминающий роман. Меня вела, отчасти, сама сюжетная загадка, но более всего – недоверие к герою и попытка все-таки увидеть мир в капле воды.

Иными словами, речь идет о несколько ином способе обобщения, чем те, что стандартно приняты в академической истории, – близком к художественным приемам обобщения, погружающем автора исследования и его читателя в самую ткань «материала»³³. Такой способ, как кажется, меньше разрушает индивидуальное и вместе с тем открыт общему; самый рассказ становится средством анализа. Уже потому, что такой способ позволяет несколько иначе обобщать, он одновременно оказывается и средством выражения оценочного суждения, и средством достижения его рациональности и коррекции: ведь взаимоотношения автора биографии и героя тем самым усложняются. С одной стороны, герой обретает некоторую «самостоятельность». С другой – исследователь вынужден постоянно поверять свое отношение к герою как такой его «самостоятельностью» («что он еще выкинет?»), так и разнородностью рассмотренных ситуаций и многоголосьем персонажей, отношением к герою других людей и своим, исследовательским отношением к этому их отношению – то сокращая, то увеличивая исследовательскую дистанцию.

Но я не хотела быть романистом, а предпочитала оставаться историком: это предполагает несколько иной, чем у романиста, тип воображения, эксплицитность выводов, да и сноски как способ аргументации³⁴. А потому я стремилась анализировать смысл рассматривавшихся ситуаций и в терминах истории как дисциплины, размышляя об исторических процессах, какими они представляли сквозь призму этих ситуаций. Иными словами, я попыталась переплести два пути обобщения – «романный» и «академический», наложить их друг на друга. Так что это повествование не стало ни собственно романом, ни «историей одной жизни», ни академической исторической биографией в чистом виде.

³³ Об историческом романе как альтернативе истории казусов (и академической истории вообще) см.: Колосов Н.Е. Эпистемология доверия, или Девиантная совокупность // Одиссей. Человек в истории. 2007. С. 485–486. А. Алексеев также рассматривает интерес художника (тем самым и романиста) к биографии как направленный на индивидуальное, в отличие от интереса обществоведа (Алексеев А. Цит. соч.). О пронизанности академической истории литературными приемами написаны тома. Один из поворотов проблемы – об оправданном присутствии элементов художественного вымысла (или скорее домысла) в историческом исследовании, и в биографии в особенности, см.: Ginzburg C. Checking the Evidence...

³⁴ На сноски как отличие исторического исследования от романа указывает А. Эткнд в интервью Д. Хапаевой. Хапаева Д.Р. Герцоги республики в эпоху переводов. М., 2005. С. 179.

Разумеется (подчеркну это еще раз), я не первая, кто встал на этот путь. Близкими дорогами шли, например, прославленные медиевисты: К. Гинзбург, Н.З. Дэвис, Ж. Ле Гофф, по трудам которых я училась³⁵. Однако некоторым моим читателям-историкам такое повествование по-прежнему представляется избыточным и непоследовательным, лежащим за пределами профессии, требующей привычного обобщенного смысла и привычной логики развития рассказа («Почему я должен тратить время на то, чтобы читать о каком-то Сыромятникове с самого начала? Объясните мне его значение...») И действительно, об отсутствии времени на «детали» писал еще Л.Февр³⁶. За этим, возможно, — не только навыки, переданные профессиональным образованием, но самые рамки сегодняшней академической истории: такого рода повествование, кажется, грозит их разрушить. Или расширить?

Нарративные средства, использование которых я пытаюсь здесь обосновать, выбор жанра повествования вряд ли снимают проблему исторического обобщения как таковую и не служат безусловным выходом из кружения между опасными полюсами оценочного суждения (так и в собственно художественной сфере: роман А. Толстого, не удержавшегося от «огульного охаивания» нашего героя, тому пример; важно, однако, что «огульность» в литературе обычно оказывается особенно очевидной, ибо это обычно плохая литература³⁷). Но такие нарративные средства, как мне кажется, представляют один из вариантов осознанной работы историка с этими проблемами, некий сознательный «обходной маневр». Эта полуакадемическая-полуроманная форма — назову ее романической историей — вмещает в себя, помимо «аналитического» подхода «классической» истории, еще и иное по типу знание, знание «приближенное», «включенное», «тактильное». Не оказывается ли она и одним из путей рассматривать «зло» как зло? Не только в том смысле, чтобы исследовать, как соотносилось поведение героя, например, Хаджетлаше, с этическими представлениями и моральными нормами его современников, какое воздействие он оказывал на эти представления и нормы, как они изменялись и во что вылились сегодня, но и чтобы понять — в этом

³⁵ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000 (ориг. — 1976); Davis N.Z. The Return of Martin Guerre. Harvard UP, 1983; *idem*. Trickster Travels: A Sixteenth-Century Muslim Between Worlds. N.Y., 2006; Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001 (ориг. — 1998).

³⁶ «...Но если спросить их, в чем же смысл всей этой работы, они в лучшем случае ответят вам словами старика Ранке: „В том, чтобы узнать, как все это происходило“. Во всех подробностях, разумеется. У нас нет больше ни времени, ни права всем этим заниматься» — Февр Л. Лицом к ветру. Манифест „новых Анналов“ // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С.45. Тогда «подробности» как черта событийной истории виделись антиподом истории проблемной.

³⁷ «Плохая литература» к тому же заставляет думать о внелитературных побуждениях талантливого писателя, приведших его к этому качеству письма, а значит, еще более ставит под вопрос его оценочные суждения. См.: Варламов А. Алексей Толстой. М., 2008. С.427–430.

постоянном «выяснении отношений» с героем, – каково наше сегодняшнее отношение (и мое специально) к тем представлениям, к герою и к тому, что происходит сегодня.

Рассматривая в таком русле влияние Хаджетлаше на окружающих, я обнаруживала, что он, подобно многим другим появившимся тогда «специалистам» по пересечению разного рода социальных границ, и политических в особенности, предлагал современникам этически не признанную большинством и никогда им самим вслух не признаваемую поведенческую практику. Отвергаемая, она тем не менее начинала осознаться современниками как практика, становясь элементом кризиса этики, созданной эпохой Просвещения. Можно сказать, что мой герой был подобен «бомбе»: Бомба бесследно утратила политическую физиономию. Теперь, после каждого динамитного взрыва обеим сторонам приходится спрашивать друг друга: *где ваши? где наши?* (так, в связи с делом другого политического двурушника, А. Петрова, писал Л. Троцкий³⁸). За этой «утратой физиономии», помимо прочего, – прагматизация и релятивизация морали, принцип «цель оправдывает средства», в конечном счете – принцип «все дозволено». Но такие герои (такие «бомбы») оказывались крайним, экстремальным случаем – и провозвестниками – более широкого, чем этот принцип, явления: прорастания в повседневность этического релятивизма. Того двуликого по своей ценности релятивизма, в котором мы и живем сегодня. Сегодня Хаджетлаше, даже разоблаченный, вряд ли был бы столь жестко отвергнут: скорее он предстал бы «ловким малым», да и предстает – «талантливым авантюристом»³⁹. Назвать нас сегодняшних «прямыми наследниками» Хаджетлаше было бы, конечно, слишком прямолинейно. Но не оказывается ли, что «этический псевдо-Никто» историков весьма способствует такому *странному* релятивизму?⁴⁰

* * *

Итак, три тезиса. Взгляды на проблему исторического обобщения и проблему оценочного суждения оказываются тесно связанными друг с другом. Оценочное суждение в историческом исследовании – микроистории и биографии в особенности – неустранимо, а рациональное высказывание его необходимо; игнорировать его не менее опасно, чем абсолютизировать:

³⁸ Цит. по: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: Идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С.203 (курсив мой – О.Б.). В 1910 А.А. Петров, эсер и агент полиции, взорвал у себя на квартире своего полицейского шефа.

³⁹ Характеристика, данная Кази-Беку на форуме avigdor-eskin.com.

⁴⁰ Продолжая мысль, вынесенную мною в эпиграф, Вебер писал. «Если „этическое“ воззрение теряет свою силу вследствие психологического „понимания“ других ценностей, то оно *стоит* не более, чем религиозные представления, устранимые развитием научного знания, что нам нередко приходится наблюдать» (Вебер М. Смысл «свободы от оценки»... С.562; курсив ориг.). «Странность» релятивизма, о которой я говорю, как раз и заключена в нередко наблюдаемой тенденции к утрате силы этических воззрений.

за таким игнорированием – неосознанность исследовательских презумпций, а в конечном счете оно ведет как раз к тому, что отказался признать М.Вебер, – принципу «все дозволено». Сознательное использование историком литературных приемов – «романическая история» – может послужить средством «обработки» обеих названных проблем.

«Этика – часть метода, а не добавка к нему», – сказал при обсуждении поставленных здесь вопросов М. Рожанский. Я признательна ему за лаконичную формулировку.

Валентина Корзун

Биография ученого в интерьере профессорской культуры:

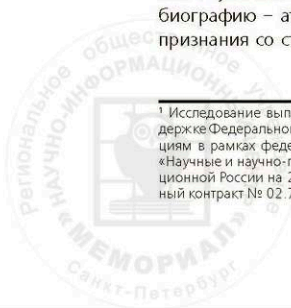
Случай И.А. Лаппо-Данилевского¹

Валентина КОРЗУН

Омский государственный университет

Иван Александрович Лаппо-Данилевский (1896–1931) – математик с мировым именем, член-корреспондент АН СССР, его выдающимся достижением было решение уравнения Риманна-Пуанкаре и разработка теории дифференциальных уравнений. Он стремительно ворвался в мировую науку, его труды печатались в Москве, в Ленинграде, Париже, Гиссене, Берлине. Признанием заслуг И.А. Лаппо-Данилевского стало присуждение ему в 1930 Рокфеллеровской премии-стипендии (стажировка в Германии), приглашение от Жака Соломона Адамара прочесть лекции в Collège de France, предложения о сотрудничестве от ряда известных немецких математиков. И уже в силу этого он «заслужил» биографию – атрибутивного признака признания со стороны научного сообщ-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

щества². Память научного сообщества, впрочем как и любого другого сообщества, изменчива и дискретна, проявляется по-разному на различных уровнях. В случае И.А. Лапо-Данилевского «долгая память» наблюдается на уровне профессиональных историко-научных исследований, в то же время на уровне энциклопедическом биографический очерк о нем первый и единственный раз появился в 1937. Мемориальные и историко-научные публикации, посвященные И.А. Лапо-Данилевскому носят по преимуществу характер «библиографической биографии» (анализ трудов и методологии автора) с некоторыми элементами биографии профессиональной.

Но интеллектуальная биография, как показано Дональдом Уокером, – понятие более сложное, включающее: 1) биографию личности, 2) профессиональную биографию (о позициях учёного в академической системе, его профессиональной деятельности и отношениях внутри научного сообщества); 3) библиографическую биографию (анализ трудов автора, истории их создания, источниковой базы, техники и методологии исследования, понятийного аппарата и междисциплинарных связей); 4) ситуационную биографию, или биографию среды (события и условия социально-экономической и политической жизни общества и эпохи, в которой жил и работал учёный). Таким образом, совокупность факторов личностного, профессионального, ситуационного и библиографического характера образуют то, что можно назвать научной биографией.

Такой биографии у И.А. Лапо-Данилевского не сложилось. Причины этого, мне видятся в том, что у него не было научной школы (в силу уникальности личности и, увы, кратковременности его исключительно плодотворной научной деятельности), а следовательно, не было прямых учеников. Наконец, в рамках господствующей презентистской историко-научной модели, существенно важным признается лишь «сухой остаток», конечный результат жизни и профессиональной деятельности ученого, в качестве такового рассматривается приращение научного знания³. Сторонники такого подхода, именуемые утилитаристами или реалистами, полагают, что биография не нужна, как и вообще не нужна по большому счету глубокая история идей – нужны лишь определенные выжимки, стусок идей, от которых человек отталкивается в науке и идет дальше. «Кульг героя, – как отмечает современный историк науки М.Хагнер, – не полезен для самостоятельного развития и профессионализации науки»⁴.

² А.С. Лапо-Данилевский // БСЭ. М., 1937. Т.31. С.757; Федоров Л. Памяти И.А. Лапо-Данилевского // Природа. 1931. № 9. С.927; Иван Александрович Лапо-Данилевский (1896–1931). Некролог / Сост. Н.Н. Лузиным // Известия АН СССР. 1931. №6. С.730–731.

³ Полетаев А. Классика в общественных науках // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С.20–21.

⁴ Хагнер М. История науки // Наука и научность в исторической перспективе. Европейский университет в Санкт-Петербурге. СПб.: Алетейя, 2007. С.13.

Иная точка зрения, которая мне ближе, заключается в том, что принципиально понять эти идеи можно только в контексте биографии их создателя, его личной ментальной истории. Подтверждением тому, применительно к нашей теме, является уникальный источник «Материалы к биографии И.А. Лаппо-Данилевского», составленные его матерью, Еленой Дмитриевной Лаппо-Данилевской, пролежавший в архиве с конца 1930-х и лишь недавно введенный в научный оборот⁵. Это своего рода источник в источнике, первая часть которого представляет биографический очерк И.А. Лаппо-Данилевского, во второй размещены в хронологическом порядке выписки из писем самого Ивана Александровича и его близких, составляющих семейный круг. Мать выступает, по существу, первым биографом своего сына. Особенностью рассматриваемого документа является пронзительный личностный характер (мать, выстраивающая биографию тяжело больного сына, находившегося в ситуации постоянной угрозы и трагически рано ушедшего из жизни). Сознание человеческой и научной незаурядности Ивана Александровича («Вани») и нависшей над ним смертельной угрозы определяют характер документа (научная биография и вместе с тем человеческая трагедия). «Русский гений издавна венчает тех, которые мало живут».

Елена Дмитриевна, не являясь профессиональным ученым, при составлении биографии исходила из ценностных установок профессорской культуры, этоса науки, – биограф открывает в человеке и его мире лишь то, против чего, вероятно, не стал бы возражать и сам человек. Этот принцип в современной биоисториографии рассматривается как основополагающее ценностно-этическое требование⁶. Для Елены Дмитриевны – жены выдающегося историка Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского и матери выдающегося математика Ивана Александровича, профессорская культура не была внешним атрибутом её жизни, диктовавшим лишь определенные нормы поведения.

«Материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского» Елена Дмитриевна передала в Архив Академии наук в октябре 1938. Оригиналы писем и часть рукописей Ивана Александровича оставались у его вдовы Ольги Алексеевны в Берлине⁷. Аналогичный текст, также написанный её рукой,

⁵ Корзун В.П. «Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды...» (Материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, подготовленные его матерью Еленой Дмитриевной) // Мир историка: историографический сборник / Под ред. С.П. Бычкова, А.В. Свешникова, А.В. Якуба. Вып. 4. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С.455–499; Материалы к биографии И.А. Лаппо-Данилевского (Продолжение) // Мир историка: Историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С.316–353.

⁶ Бельский И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 5. Спец. вып. Историческая биография и персональная история. М., 2001. С.45.

⁷ Как явствует из отчета ученого архивиста И.С. Лосевой, Ольга Алексеевна присылала из Берлина копии писем и рукописей члену-корреспонденту АН СССР В.И. Смирнову (АРАН. Ф.113. Дело фонда. Л.5).

был передан в Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина другом семьи А.М. Нечаевым в 1947, уже после смерти Е.Д. Лаппо-Данилевской⁸.

Общий объем рукописи (две тетради в коленкоровом переплете) составляет 146 л. За этим текстом (переписанным дважды) стоит титаническая работа не только и не столько копииста, а автора/составителя материалов и интерпретатора истории жизни сына и его научного открытия: она перечитывает всю семейную переписку, обращается к бумагам своего скончавшегося в 1934 брата – Дмитрия Дмитриевича Бекарюкова⁹ и других родственников, чтобы максимально расширить круг адресатов Ивана Александровича, и тем самым полнее представить стремительный бег его мысли, не упустить многослойный и напряженный контекст её развития. Перед нами безусловно субъективная выборка писем и отрывков из них. Эта субъективность сознательно задается автором, Е.Д. Лаппо-Данилевская выступает как историк науки и видит свою задачу в том, чтобы показать путь ученого к научному открытию в повседневной жизни, изумительную работу мысли, эмоции, сопровождающие «этот трепетный труд: озарения, колебания, торжество новой, упорной проверки»¹⁰. Но она уже знает цену напряженного интеллектуального взлета и всемирного признания И.А. Лаппо-Данилевского – смерть на тридцать пятом году жизни... Перечитывая письма и отзывы на работу И.А., она, очевидно, ещё раз проживает вместе с сыном ту часть жизни, на которую пришелся расцвет его творчества.

Иван Александрович получил хорошее домашнее образование в атмосфере пиетета перед наукой, блестяще окончил гимназию Л.Д. Лентовской. В его аттестате зрелости об окончании гимназии мы находим следующие оценки: Закон Божий – отлично, русский язык и словесность – хорошо, философская пропедевтика – отлично, латинский язык – хорошо, законоведение – отлично, математика – отлично, математическая география – отлично, физика – отлично, история – отлично, география с природоведением – отлично, французский язык – отлично, немецкий язык – отлично¹¹. Именно в гимназии стремительно

⁸ ОР РНБ. Ф.419. Оп.1 Д.5. Л.1. В заявлении А.М. Нечаева на имя директора Публичной библиотеки указывалось, что он исполняет волю покойной вдовы академика А.С. Лаппо-Данилевского и передает в дар: «1) альбом академика А.С. Лаппо-Данилевского, 2) дневник сестры Елены Дмитриевны, матери покойного А.А. Гизетти и 3) две тетради копий писем покойного члена-корреспондента Академии наук СССР И.А. Лаппо-Данилевского».

⁹ Бекарюков Дмитрий Дмитриевич (1861–1934) – родной дядя И.А. Лаппо-Данилевского (брат Елены Дмитриевны Лаппо-Данилевской). В 1886 окончил медицинский факультет Казанского университета. С 1898 в Москве, редактор отдела гигиены журнала «Вестник воспитания». Секретарь (с 1901) и председатель (с 1907) московской комиссии школьных врачей. После Октябрьской революции до 1931 заведовал московским школьно-санитарным бюро, затем работал в Институте гигиены им. Ф.Ф. Эрисмана. После Октябрьской революции работал в комиссиях Наркомпроса РСФСР и Московского отдела народного образования, один из создателей детского здравоохранения. (См.: Российская педагогическая энциклопедия / Под ред. В.В. Давыдова. В 2 т. Т.1. М.: РПЭ, 1993. С.75–76).

¹⁰ ОР РНБ. Ф.419. Оп.1. Д.2. Л.8.

¹¹ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.7. Д.1370. Л.19.

расцветает его математическое дарование, к ее окончанию, по воспоминаниям матери, им был полностью пройден университетский курс математики. В 1914 И.А. Лаппо-Данилевский поступает в Петербургский университет на физико-математический факультет, правда, не без колебания (музыка или математика?). И в том же году, как пишет Елена Дмитриевна, последовало отчисление из университета.

Вернулся он в университет почти после десятилетнего перерыва и вскоре занял пьедестал классика на научном Олимпе. Сам феномен возврата в науку вызывал удивление, что нашло отражение как в некрологах и первом биографическом опыте, так и в «теплой» материнской биографии. Но именно это десятилетие, предшествующее стремительному вхождению в науку, осталось наименее проясненным в жизненном мире будущего ученого. И мои усилия как исследователя были направлены на то, чтобы осмыслить этот уникальный случай и восполнить биографическую лакуну.

Имеющиеся в моем распоряжении документы не позволяют прояснить до конца ни обстоятельства отчисления, ни «взаимоотношения» Ивана Александровича с университетом в 1914–1915. Приходится довольствоваться его собственной формулировкой, которую он воспроизводит в одном из своих многочисленных заявлений на имя ректора о восстановлении в университете: был «отвлечен от занятий». В качестве причин «отвлечения» он называет сначала военную службу, затем «советскую работу»¹².

Собственно на военной службе И.А. Лаппо-Данилевский пребывал с 1 февраля по 17 октября 1916 в качестве пажа Пажеского Его Императорского Величества корпуса, что и зафиксировано в свидетельстве о выполнении воинской повинности за № 6394¹³. Как следует из документа по освидетельствованию, проведенному 15 сентября 1916 комиссией при Клиническом военном госпитале, Иван Александрович признан подлежащим увольнению навсегда от военной службы «как совершенно к ней не способный без зачисления в ополчение второго разряда»¹⁴. Диагноз – итеро-неврастения в сильной степени развития.

Призыв студенчества в армию связан с постановлением Совета министров империи от 30 сентября 1914, но мобилизация студентов, и особенно студентов университетов, долгое время носила весьма ограниченный характер. Как полагают современные исследователи, ситуация начала постепенно меняться только весной 1916. «Особенно ярко это проявилось в Петроградском университете, – отмечает Е.А. Ростовцев. – Если до апреля 1916 на военную службу было призвано всего несколько десятков студентов (главным образом те, кто

¹² ЦГА СПб. Ф. 7240. Д. 1370. Л. 36.

¹³ Там же. Л. 14–14об.

¹⁴ Там же.

по возрасту не имел права на отсрочку), то в течение апреля-октября 1916 в действующую армию или военные училища было призвано около половины обучающихся в университете»¹⁵.

Как видим, Иван Александрович попал в те «несколько десятков студентов», мобилизованных на службу буквально накануне массового призыва. К этому времени он должен был быть уже студентом второго курса. Но, как следует из материалов личного дела студента И.А. Лаппо-Данилевского, дальше первого курса он в этот период не уходит, именно на этом курсе его восстанавливают в 1917 и уже в советский период – в 1923. Очевидно, главная причина его практического ухода из университета в другом – не военная служба, а болезнь и глубокий личностный кризис.

«Новая университетская жизнь, обычно такая долгожданная и много обещающая, – как замечает Елена Дмитриевна, – не увлекла Ивана Александровича. Подорванный болезнью и душевными переживаниями организм»¹⁶ его не выдержал, и началось длительное нервное заболевание, при котором всякая умственная работа была ему запрещена. Да и сам он не рвался к ней тогда, как впоследствии в таких случаях, когда напрасны бывали все угрозы докторов»¹⁷. Наступил длительный, почти десятилетний период, в течение которого Иван Александрович если и думал о математике и интересовался ею, то, во всяком случае, был чрезвычайно далек от ученья вообще и от планомерных занятий математикой в частности. Н.Н. Платонова – супруга известного историка С.Ф. Платонова в своем дневнике, ссылаясь на слухи, сообщает о его работе в Покровской гимназии в качестве преподавателя истории и заведующего хозяйственной частью, с возмущением пишет о его большевистских позициях и приводит якобы слова московского свойственника А.С. Лаппо-Данилевского, что оба его сына никчемные. Эта запись сделана в конце апреля 1919¹⁸. А буквально через несколько лет И.А. Лаппо-Данилевский предстанет как математическая звезда не только российского, но и мирового уровня.

Известный мне корпус источников не позволяет подтвердить или опровергнуть свидетельства Платоновой о занятиях и политических взглядах Ивана Александровича в данный период. Во всяком случае, в опросном листе при восстановлении в Петроградском университете он упоминает о своей

¹⁵ Ростовцев Е.А. Университет столичного города (1905–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т.Маурер и А.Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 314.

¹⁶ В подготовленных Е.Д. Лаппо-Данилевской «Материалах к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского» сообщается о двух обстоятельствах, приведших к нервному срыву сына – перенесенном заболевании (стрептококковая ангина) и тяжелом осложнении на сердце и неудачей своих собственных математических исследований (некорректность доказательства, не замеченная его именитыми консультантами – акад. В.А. Стекловым и проф. Г.М. Фихтенгольцем, и обнаруженная несколько позже им самим.) См.: ОР РНБ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2. Л. 50б.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Там же. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5699. Л. 46–46 об.

деятельности лишь с 1920. Так, он сообщает, что с 1 сентября 1920 по 15 августа 1921 работал заместителем заведующего губернским П/Д [Подотделом] Записей Актов Гражданского состояния Отдела Управления Петрогубисполкома. С 15 августа 1921 он инвалид 2-й группы. По поводу партийности имеется запись – «беспартийный». В графе «Общественный стаж» он сообщает, что «с 1 ноября 1922 г. является Председателем правления Жилищного товарищества (домоуправом/ Дома № 5, по 6-ой линии В[асильевского] О[строва]»¹⁹.

Что касается перипетий восстановления в университете в советскую эпоху, то отметим, что в личном деле студента А.С. Лаппо-Данилевского имеются заявления о восстановлении за 1923 и 1924. В деле также имеется матрикул за 1919, в котором зафиксирован лишь один сданный экзамен. Длительное время Иван Александрович занимает позицию как бы на «входе» в университет: заявления о восстановлении подаются, но практически не реализуются.

Документы свидетельствуют, что И.А. Лаппо-Данилевский был восстановлен в университете в 1923, но вследствие неяви на регистрацию по оплате обучения, был вычеркнут из числа студентов в начале 1924 (т.е. в 1923/1924 учебном году). Обратим внимание на немаловажную деталь: на заявлении начертана резолюция Президиума физмата о поддержке этого ходатайства «старого студента» с просьбой восстановить И.А. Лаппо-Данилевского на второй триместр первого курса. На этом же заявлении в левом углу содержится короткое резюме профессора Г.М. Фихтенгольца²⁰, который отмечал значимость научной работы студента (!) И.А. Лаппо-Данилевского²¹. В 1924/1925 учебном году он вновь обращается с просьбой о восстановлении его в списках студентов, просит провести дополнительную регистрацию об оплате, ссылаясь на то, что в текущем году им проявлена значительная академическая активность: «за время с 25 мая 1924 по 14 апреля 1925 г. сдано 19 зачетов, благодаря чему, будучи в качестве «старого студента» 1914 года, в январе 1924 года восстановлен на I-й курс, в настоящее время я состою на III-м). До окончания курса ЛГУ мне остается сдать всего лишь три зачета»²².

О чем говорят эти факты? Почему такой трудный путь восстановления с последующим отчислением (если на каждом из заявлений стоит резолюция «зачислить»)? За всем этим стоит совершенно иной, чем у отца, уровень житейской повседневности. В 1923 Ивану Александровичу – 27 лет, он уже женат и имеет дочь, в семье живет мать, получающая как вдова академика

¹⁹ ЦГА СПб. Ф.7240. Д.1370. Л.7.

²⁰ Фихтенгольц Григорий Михайлович (1888–1959) – русский и советский математик, автор всемирно известного учебника «Курс дифференциального и интегрального исчисления» в трёх томах.

²¹ ЦГА СПб. Ф.7240. Д.1370. Л.5.

²² Там же. Л.1.

небольшую пенсию. Его заработок управляющего домом мизерен – 40 рублей в месяц. Очевидно, что в таких житейских условиях оплата за обучение становилась проблематичной. Весьма показательны строки писем этого периода: «Два или три дня в ближайшее время займут неотложные домовые дела: обход всех квартир в связи с установлением новой платы, смета на ремонт, общее собрание, заем в коммунальном банке...»²³. В жизни семьи складывались и такие ситуации, которые зафиксировала его жена: «Утром в субботу мы обнаружили, что имеем десять пирожков, немного сахара и чая, дров на одну печку и 70 коп. денег»²⁴. Но именно на это время пришлось возобновление его систематической работы над теорией дифференциальных уравнений. Он параллельно сдает огромное количество зачетов и оформляет свое открытие в виде «ноты № 1» (это краткое заявление-тезис, за которым следует мемуар – развернутое доказательство).

Фихтенгольц, как пишет в одном из своих писем Иван Александрович, торопит с предложением об окончании университета и говорит, «что я выдал математике крупнейший вексель, по которому никак нельзя отстрочить уплату... Григорий Михайлович очень одобряет окончание университета, так как, по его мнению, ученый с вполне определенной научной индивидуальностью в роли студента производит комичное впечатление»²⁵.

Напряженнейшая работа этого периода с вечными бессонницей и болезнями, с хлопотами по преодолению «домовых пакостей» нашла отражение в письмах Ивана Александровича к жене и дяде. Формулы и планы исследования перемежаются расчетами доходов, в том числе и ожидаемыми, – в связи, например, с устройством на работу в Морской техникум (хотя это случится чуть позже – в 1925). Так, в одном из писем своему дяде – Д.Д. Бекарякову он сообщает: «Имеем $100+80+40=220$ руб.»²⁶. В этом подсчете учтена и пенсия матери и виртуальная зарплата, которую он, быть может, получит, если его зачислят в штат Морского техникума. Денег постоянно не хватает, уже накопился большой долг по дому, а болезни и необходимость в связи с этим усиленного питания ввергают семью в уныние. Лишь помощь московского родственника, родного брата Елены Дмитриевны, помогает хоть как-то преодолевать эти кризисы.

Борьба за выживание, занимавшая столь значительное место в жизни Ивана Александровича, не была знакома его отцу вплоть до периода с октября 1917 до 1919 (года его смерти). По формулярным спискам о службе, копии которых представлялись по месту обучения его сыновей, мы можем проследить материальное положение А.С. Лаппо-Данилевского на 1909 и 1914.

²³ ОР РНБ. Ф.419. Оп.1 Д.3. Л.14.

²⁴ Там же. Л.51об.

²⁵ Там же. Д.2. Л.35.

²⁶ Там же. Л.43.

В 1909 его совокупный доход составлял 3600 руб., ему предоставлялась также казенная квартира, он был собственником родового имения в Екатеринославской губернии. К 1914, при том же недвижимом имуществе и казенной квартире, его жалование увеличилось до 5700 руб.: добавились столовые деньги и выплаты за выслугу лет. При этом профессорское жалование, по данным Н.Н. Никс, составляло в то время от 3500 до 4500 в год²⁷. Как видим, уровень жизни семьи старшего Лаппо-Данилевского был достаточно высоким, и та же Н.Н. Платонова в своем дневнике называла его «вполне обеспеченным» среди столичной профессуры вплоть до последнего времени²⁸.

Что же заставило Ивана Александровича вернуться в науку в таких жестких средовых условиях? Этому феномену трудно дать исчерпывающее объяснение. Мы можем лишь предложить свою гипотетическую версию. Генетическая одаренность нашего героя, его принадлежность к определенному типу профессорской культуры помогли, как представляется, компенсировать воздействие социальной среды и преодолеть личностный и творческий кризис. В выборе «жизненного сценария» Ивана Александровича, присущего ему устойчивого поведенческого текста, решающую роль сыграли именно усвоенные с детства (если не с молоком матери, то благодаря урокам отца) ценностные ориентации, приобретенный и позволяющий держаться «на плаву» в житейском море уровень культуры. Культурные потоки, или, лучше сказать, «культурный капитал», идущий от ближайшего, прежде всего семейного окружения, возобладал над социальными шумами. По воспоминаниям Елены Дмитриевны, исключительна была в этом плане роль ее мужа – Александра Сергеевича. «Детство и юность обоих братьев, – вспоминает она, – прошли под большим умственным и нравственным влиянием их отца... В те немногие свободные минуты, которые А[лександр] С[ергеевич] мог посвятить своим детям, он отдавал им изумительно много двигающего ум и душу». Наиболее значимыми, запоминающимися моментами этого культурного воздействия были произведения Гомера («сказки Гомера», по своеобразному определению Елены Дмитриевны), изображения великих памятников искусства по большой коллекции художественных фотографий и, в особенности, «вдохновенная игра на рояле». Иван Александрович, по свидетельству матери, «еще в 8–9 лет <...> не мог заснуть от волнения, когда отец играл Вагнера». Любовь к Вагнеру – «нашему маэстро» Иван Александрович сохранил на всю оставшуюся жизнь, и «вагнеризм» мы с достаточным основанием можем рассматривать как одну из характеристик его жизненного мира.

И.М. Гревс определял своего друга Лаппо-Данилевского-старшего как «зиждителя», и несомненное тому подтверждение – роль, которую сыграл

²⁷ Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект. М., 2008. С. 36.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5698. Л. 83.

выдающийся историк в формировании жизненного мира своего сына – гениального математика, в становлении феномена «продленной гениальности». Именно под его влиянием, как свидетельствует Елена Дмитриевна, «постоянный научный интерес у Ивана Александровича пробудился очень рано». Более того, указывает она, именно отцом, который считал математику самой совершенной наукой и систематически ею занимался для всестороннего обоснования своих философских построений, прививается сыну первоначальный интерес к этой дисциплине, и именно он, в силу своего статуса в Академии, а также своего постоянного устремления к междисциплинарности, фокусирует на себе несколько интеллектуальных сетей и очень рано вводит сына в круг знаковых математических фигур.

Наконец, под влиянием отца Иван Александрович «стал увлекаться чтением книг по философии, положившим начало его широкому философскому образованию»²⁹. Различные грани зиждательной роли отца по отношению к жизненному миру сына могут быть определены следующим образом – любящий учитель и воспитатель, старший друг и, в определенной степени, коллега, вводящий молодого ученого в курс научных проблем, помогающий в выборе «стиля жизни»³⁰. Итак, речь идет о «культурном капитале», который циркулирует в пространстве профессорской семьи, пронизывая ее. Профессорская культура в известном смысле структурирует стиль жизни. Естественно возникает вопрос: каким образом этот «культурный капитал» преобразуется в эмоциональную энергию, в творческую одержимость?

Попытаемся посмотреть на данный феномен с точки зрения современной психологии и культурологического подхода. В психологии рассматриваются различные варианты взаимодействия генотипа и среды. Один из них предполагает, что средовые условия оказывают разное влияние на человека в зависимости от его генотипа. Второй – основывается на том, что между генотипическими и средовыми факторами есть корреляция³¹. Намечается и третий подход, в рамках которого предпринимается попытка синтеза, хотя и подчеркивается его сложность. О генотип-средовой корреляции говорят в тех случаях, когда есть совпадение некоторых способностей, «дисперсии которых предположительно генетически обусловлены, со средовыми условиями их реализации». При этом обращается внимание на ситуацию личностного выбора средовых условий. В зависимости от активности ребенка в этом процессе выделяется три вида генотип-средовой корреляции – пассивная,

²⁹ ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5698. Л.8.

³⁰ Под стилем жизни понимается «сравнительно устоявшийся тип решений, принимаемый индивидами или группами, делающими выбор из предлагаемых им обществом вариантов поведения» (См.: Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. 2000. С.106).

³¹ Егорова М.С. Психология индивидуальных различий. М., 1997. С.229.

реактивная и активная. «Примером пассивной генотип-средовой корреляции служат такие ситуации, когда родители создают ребенку средовые условия, коррелирующие с генотипами родителей. Допустим, интеллект родителей – характеристика, которая связана с генотипом, – определяет их интересы. Это, в свою очередь, накладывает отпечаток на то, как родители и дети проводят свободное время, какие книги читают, поскольку дети и родители имеют общие гены, получается, что среда ребенка, коррелируя с генотипом родителей, одновременно коррелирует и с его генотипом»³². Следующий вид – реактивная генотип-средовая корреляция – «описывает ситуации, когда различные генотипы вызывают различную реакцию окружающих». В качестве примера психологи приводят ситуацию с так называемыми «трудными детьми»: «например, к старательным и внимательным первоклассникам учителя относятся более благожелательно, чем к несобранным детям или к детям, имеющим недостаточные коммуникативные навыки. Ответная реакция на поведение детей подкрепляет определенные типы поведения ребенка и в большей степени (или, наоборот, в меньшей) способствует их дальнейшему развитию. Если эти типы поведения имеют связь с генотипом, то можно говорить о реактивной генотип-средовой корреляции»³³. Третий вид – активная генотип-средовая корреляция – связан «с направленным отбором индивидом собственных средовых условий. Ориентация человека на то, что его больше интересует, что у него лучше получается, рассматривается в рамках данной схемы как влияние на деятельность человека генетической предрасположенности к тому или иному роду занятий»³⁴. Некоторые из психологов подчеркивают, что влияние среды на развитие значимо только при экстремальных значениях средовых характеристик.

Роли каждого из трех названных видов генотип-средовой корреляции изменчивы. Пассивная – в процессе взросления становится все менее и менее важной в детерминации поведения человека, а активная – наоборот, становится определяющей.

Случай Лаппо-Данилевского не укладывается в какой-то один чистый вид генотип-средовой корреляции. Совершенно очевидно, что роль пассивного вида генотип-средовой корреляции в его жизни была очень значительна. Но пассивная генотип-средовая корреляция может быть как положительной, так и отрицательной. Представляется, что такое прекрасное образование и накопленный «культурный капитал» имели и негативные последствия (оборотная сторона медали): молодой гимназист, уже ознакомившийся с университетским курсом математики, поступив в университет и став студентом, приглашался начать все сначала. Это не вызывало энтузиазма и никак не походило на праздник

³² Егорова М. С. Указ. соч. С. 232.

³³ Там же. С. 233.

³⁴ Там же.

научного творчества, к которому он был приобщен с детства. Очевидно, имела место и реактивная генотип-средовая корреляция. Маститые профессора-эксперты его первых научных опытов не заметили ошибку, которую он позже обнаружил сам. Что за этим стоит? Отсутствие задатков ученого-математика или полное равнодушие и заниженные ожидания к нему как личности или, быть может, полная некомпетентность «высокой профессуры»? Вполне возможно, так мог размышлять/переживать над своей неудачей Иван Александрович.

Роль активной генотип-средовой корреляции проявилась гораздо позже. Как уже отмечалось, почти десять лет спустя после того, как он бросил учебу в университете, он возвращается в науку. Иван Александрович, у которого одаренность была буквально в генах, в этот период начинает активно работать над отбором средовых условий ее реализации. Он вырабатывает в себе навыки абстрагироваться от социальных шумов – «за письменным столом от всего этого отвлекаюсь». В качестве таковых им воспринимаются не только «домовые пакости» (работа домоуправом ради элементарного выживания), но и необходимость следования идеологическим правилам игры, которые он иронически принимает. В письме к «дорогим друзьям», отправленном из традиционного семейного места отдыха – дачи родителей Ольги Алексеевны в подмосковной Благуше, он сообщает: «несколько свободных дней, выпавших на мою долю, придется посвятить весьма «безвкусному» занятию: на 2-ую половину сентября назначены испытания для аспирантов по «марксистскому минимуму» и для подготовки к ним следует прочесть 6 соответствующих «классических произведений»». Ивану Александровичу остается утешаться самому и утешать своих адресатов тем, что естественно-позитивно для их жизненного мира – своими научными достижениями и ожидаемыми «общими радостями» наслаждения музыкой. «Будем надеяться, – пишет он, – что осенью мы снова откроем наш «сезон», займем наши традиционные места и будем слушать «нашего маэстро»³⁵. В период своего научного подъема и поглощенности занятиями наукой Иван Александрович с полным основанием пишет: «С внешним миром, за исключением деловых отношений, не имею почти никакого общения»³⁶.

Для прояснения контекста актуализации активного типа генотип-средовой корреляции важен культурологический ракурс исследования, предполагающий учет метафизики – «Духа Места» и «Духа Времени». Становление И.А. Лаппо-Данилевского как ученого приходится на период грандиозных социокультурных трансформаций – прощания со «старым миром», старым Петербургом (стык Петербурга и Ленинграда, по выражению С. Волкова)³⁷, старой профессорской культурой и «строительства» иного, нового интеллектуального ландшафта.

³⁵ ОР РНБ Ф.419. Оп.1. Д.7. Л.1–2об.

³⁶ Там же. Д.2. Л.38.

³⁷ Волков С. История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней. М., 2003. С.478.

В воздухе Петербурга носились идеи обновления и перемен, соединяясь со стремлением «длить» и защищать исчезающую культуру. «Наша воля к творчеству универсальна, она перехлестывает все виды искусства и врывается в жизнь, охватывая её со всех сторон»³⁸, – так выразили свое умонастроение участники «Объединения реального искусства», центральной фигурой которого был 22-летний Даниил Хармс. Мне представляется, что в этих словах манифеста группы ОБЭРИУ выражена психологическая доминанта молодых интеллектуалов (не только литераторов) 1920-х – **воля к творчеству**, то, что, на мой взгляд, помогло И.А. Лаппо-Данилевскому преодолеть психологический кризис и вернуться в науку в невероятно сложных жизненных условиях.

³⁸ Цит. по: Волков С. Указ. соч. С. 479.

Елена Цыпилева

С.И. Соболевский: портрет вместо биографии

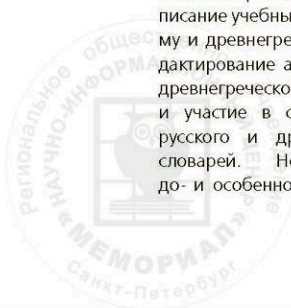
Елена Сергеевна ЦЫПИЛЕВА

МГУ имени М.В.Ломоносова (Москва)

Филолог-классик Сергей Иванович Соболевский (1864–1963) на протяжении всей своей жизни был, с одной стороны, на виду и всем известен, а с другой стороны, – всегда находился в тени. При встрече с такой биографией историк сталкивается с определенными трудностями, которыми я и хотела бы поделиться.

С.И. Соболевскому посчастливилось прожить долгую жизнь. Несмотря на кардинальные изменения в социальной и в культурной жизни в России в XX веке, он остался в профессии. Ни одно важное начинание в области классической филологии 1930-х – 1950-х не обходилось без его участия. Тут и создание отделения классической филологии в МИФЛИ, и написание учебных пособий по латинскому и древнегреческому языкам, и редактирование академических историй древнегреческой и римской литературы, и участие в составлении латинско-русского и древнегреческо-русского словарей. Несколько поколений до- и особенно послереволюционных

etsypilova@yandex.ru

филологов-классиков учились у него или по созданным им учебникам, до сих пор пользуются словарями, которые Соболевский редактировал. Но что мы знаем об этом человеке?

Самыми подробными и взаимодополняющими очерками жизни и творчества С.И. Соболевского являются:

– анонимная статья «С.И. Соболевский» в сборнике «Вопросы античной литературы и классической филологии» (1966)¹; скорее всего, написанная его учеником и почитателем – В.Ф. Беляевым;

– статья-воспоминание ученицы Соболевского Клары Петровны Полонской «Сергей Иванович Соболевский – ученый-филолог, переводчик, педагог». Она вышла как приложение к переизданию перевода сократических сочинений Ксенофонта, выполненных С.И. (1993)².

В обеих статьях подробнее всего рассказано о дореволюционной жизни Соболевского (в анонимной статье она расписана чуть ли не по годам). Можно сказать, что в это время он ведет совершенно обычную для ученого жизнь – много преподает и публикуется (важно отметить, что в списке печатных трудов Соболевского, опубликованном в том же сборнике «Вопросы античной литературы и классической филологии», его дореволюционные работы составляют больше половины – 65 названий из 101).

Интереснее всего в обеих биографических справках – обойденные вопросы. Например, отношения со старшим и более знаменитым братом – выдающимся филологом-славистом Алексеем Ивановичем Соболевским.

С революцией, естественно, все меняется. Но как С.И. переживает это сложное время смены власти, голодные годы Гражданской войны, разрухи – неизвестно. Авторы названных статей обходят этот вопрос молчанием, более того, описывая жизнь Соболевского после революции, они избегают хронологической последовательности. Факты подаются суше и как бы вне последовательной связи.

До 1921 С.И. преподавал древние языки на историко-филологическом факультете Московского университета. Потом (1924–1928) он преподавал языки в литературной студии при Всероссийском союзе поэтов и на Московских курсах профессионального образования.

В начале 1928 Соболевский был избран членом-корреспондентом АН СССР по отделению гуманитарных наук.

Осенью 1934 он был вновь назначен профессором Московского университета по историческому факультету (оставался в этой должности до 1941),

¹ Сергей Иванович Соболевский // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С.3–8.

² Полонская К.П. Сергей Иванович Соболевский – ученый-филолог, переводчик, педагог // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993. С.365–375.

а также профессором МИФЛИ по литературному факультету. С преобразованием во время войны факультетов МИФЛИ в факультеты МГУ Соболевский становится профессором классического отделения филологического факультета МГУ.

С осени 1937 Соболевский начал работать в ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. В 1948 он станет заведующим сектора античной литературы и проработает в этой должности до конца жизни.

С осени 1941 до 1951 был профессором на кафедре всеобщей литературы Московского городского педагогического института имени В.П. Потемкина. По свидетельству К.П. Полонской, Соболевский вынужден был оставить преподавательскую деятельность сначала в МГПИ им. В.П. Потемкина, а потом и в МГУ в связи с публикацией в 1949 в газете «За педагогические кадры» касающейся его статьи «Выкорчевать до конца буржуазный объективизм и космополитизм»³.

Упомянутая Полонской статья, направленная против Соболевского, – это единственный известный случай его официальных гонений со стороны советской власти: Соболевского никогда не арестовывали, не выселяли и не «уплотняли» – всю свою жизнь он прожил один в шестикомнатной квартире в центре Москвы.

Основные составляющие биографии – долголетие и верность (насколько это было возможно) греческой и латинской грамматике – оказываются и теми качествами, которые лучше всего запомнили в Соболевском его ученики и которые парадоксальным образом затушевывают в этой биографии «белые пятна».

Благодаря наблюдаемому на рубеже XX и XXI вв. мемуарному буму и возросшему интересу к недавней истории своей науки в среде филологов-классиков, только недавно появилось несколько новых свидетельств о последних десятилетиях жизни С.И., начиная со времени создания МИФЛИ (1934). Картина, правда, далека от полноты. Нет, например, воспоминаний историков или студентов МГПИ им. В.П. Потемкина, или участников литературной студии при Всесоюзном союзе поэтов, изучавших под руководством С.И. древние языки. К тому же речь идет не о вновь открытых архивных документах: анализируемые воспоминания были написаны (записаны) много десятилетий спустя после смерти Соболевского.

Попробуем рассмотреть эти свидетельства в соответствии с хронологическим порядком ученичества или знакомства их авторов с Соболевским.

³ В этой, а также в последовавшей за ней статье «Улучшить работу кафедры всеобщей литературы», С.И. критиковали за идеологически ошибочную характеристику Сократа в статье «Аристофан и Сократ». В целом обе газетные статьи – лишь часть кампании, проводившейся в институте в рамках «борьбы с космополитизмом» и направленной против заведующего кафедрой всеобщей литературы А.А. Исбаха и доцента той же кафедры Е.Я. Домбровской. Оба они были уволены из института, а А.А. Исбах был арестован.

К.П. Полонская и ее однокашницы, пожалуй, единственные, кто в советское время в течение всех 5 лет изучали древнегреческий язык под руководством С.И. Соболевского, он научил их азам будущей профессии.

В очерке Полонской С.И. Соболевский представлен прежде всего как автор особого метода преподавания древних языков, заключавшегося в чтении, даже на самых ранних этапах, лишь оригинальных текстов. На занятиях Соболевский не ограничивался лишь грамматическим разбором текстов античных авторов. Он советовал своим ученицам остерегаться необоснованных гипотез, которые могут повести науку по ложному пути, и происходило это, как отмечает сама Полонская, «в 30-е годы, время расцвета вульгарной социологии»⁴. Приобщая к миру античности, С.И. учил не терять ощущения преемственности культурного развития, однако использовал, скорее, приемы эстетического внушения, чем критический разбор истории восприятия античности.

Для Полонской Соболевский – тот, благодаря кому осуществилась хотя бы частичная преемственность поколений и оказалась возможной непрерывность традиции.

Валентина Дмитриевна Савукова была соученицей К.П. Полонской. Интервью с Валентиной Дмитриевной⁵ было записано в июне 2006. К этому времени уже были опубликованы воспоминания М.Л. Гаспарова, В.Н. Ярхо и С.К. Апта, и неудивительно, что рассказ Савуковой полемичен по отношению ко всем трем мемуаристам. Савукова испытывает потребность оправдать Соболевского, это желание сильнее той иронии, что слышится в ее словах о патриархе отечественной науки. Первое, что она говорит про С.И. Соболевского, – это то, что он «был старенький», ведь именно этим проще всего объяснить все особенности, быть может, чудачества, вроде ворчания, когда он отпускал студентов на обед, или непонимания оперы. Важным, с точки зрения дискурса «оправдания», является пассаж о встрече Савуковой и Соболевского в первые дни войны:

А в 41 году, когда только началась война, <...> Сергей Иванович мне сказал: «Валя, не оставайтесь в стороне! Страна в таком положении, что нуждается в медсестрах. Идите, помогайте!» Хотя и ругают иногда Сергея Ивановича за консерватизм, но он болел за родину, болел за Россию. И даже меня напутствовал вот этими словами.

Из повествования Савуковой, однако, не совсем понятно, почему «консерватизм» Соболевского противопоставлен здесь «патриотизму», а также где и кто «иногда ругает» С.И. Ответ на первый из поставленных вопросов можно найти в воспоминаниях другого студента МИФЛИ, Андрея Чеславовича Козаржевского.

⁴ Полонская К.П. Указ. соч. С. 368.

⁵ См.: <http://librius.narod.ru/sova/vdsav.htm>

Вспоминая годы учебы⁶, А.Ч. Козаржевский сетует на непродуманность учебного плана отделения классической филологии, выпускники которого оказывались «недоучками». Преподаватели были людьми немолодыми, привыкшими работать с гимназистами, а не со студентами. Однако эти знатоки античности «подкупали своей бескорыстной, часто наивной преданностью классической древности», и именно поэтому имена своих учителей Козаржевский называет «с чувством благоговейного уважения». Соболевский занимает среди них особое место: он – «патриарх московских филологов-классиков», он смел («у него в комнате висели иконы с лампадками») и способен на необычные признания:

Однажды на очередном своем юбилее он сказал: «Вот говорят, я тружусь для Родины. Родина тут ни при чем. Пьяница привык к водке, а я привык к работе».

Возможно, именно с этими словами полемизировала Савукова. Конечно, их можно толковать по-разному, но главное в них – противопоставление официальной глупости и простой, суровой повседневности, благодаря чему они, наверное, и запомнились Андрею Чеславовичу.

Соболевского – преподавателя МИФЛИ запомнили не только студенты-классики, непосредственно учившиеся у него, но и студенты других отделений. Борис Ефимович Галанов, учившийся в МИФЛИ на отделении русской литературы, запомнил, как с напутственными словами к ним обращался Соболевский: он, «прослезившись, пообещал, что отныне в ИФЛИ латынь зазвучит как равная, наряду с другими языками, и пожелал будущим латинистам успеха: „Per aspera ad astra“ – через тернии к звездам!»⁷.

В памяти Николая Ивановича Балашова, студента отделения западной литературы МИФЛИ, сохранился такой забавный эпизод, связанный с Соболевским:

Чтобы как-то компенсировать урон школьного образования, комсомольский комитет обратился к Соболевскому с просьбой выбрать несколько древних изречений для укрепления боевого духа юношества. Педагог составил большой список и для понимания каждым комсомольцем греческих изречений дал латинский перевод.⁸

⁶ См. в кн.: Шарапов Ю.П. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г.Чернышевского (1931–1941 гг.). М., 1995. С.55.

⁷ Галанов Б. Дорога через Сокольники (Из книги воспоминаний) // В том далеком ИФЛИ. Воспоминания, документы, письма, стихи, фотографии / Сост. А.Коран, С.Красильщик, В.Мальт, Г.Соловьев. М., 1999. С.56

⁸ См.: <http://www.independent-academy.net/science/library/balashov/samoe.htm>.

Виктор Ноевич Ярхо учился у Соболевского на пятом курсе, вернувшись с войны. Виктор Ноевич очень высоко ценит С.И. как педагога и ученого («Оба древних языка знал как родные»), называет образцовыми его занятия или, точнее, «работу над комедией Аристофана „Плутос“ под руководством... Соболевского»⁹. Однако Ярхо – первый из мемуаристов, кто не только восторгается, но и критикует. Слабым местом в научном методе своего учителя Ярхо называет почти сознательную самоизоляцию от смежных дисциплин (древней истории, философии и даже языкознания) и сосредоточенность исключительно на том, что может пригодиться для правильного понимания и перевода античного текста¹⁰.

Ярхо обратил внимание на нежелание Соболевского пользоваться услугами Книжного отдела АН. В начале 1955 Ярхо «получил из уст С.И. такое объяснение: „Вы ошибаетесь, друг мой, в моих возможностях. Если такие господа, как Малёнков, слетают, то я для них ровно ничего не значу“ (он так и сказал: Малёнков, с ударением на ё)»¹¹. Этими словами Соболевский дает понять своему ученику, что действует вполне осознанно; на мой взгляд, он признается, что просто не хочет лишний раз напоминать властям о своем существовании. Ярхо же как будто не хочет этого слышать, и в своей книге просто, но в то же время убийственно констатирует: «очевидно, что новейшую литературу он игнорировал».

Соломон Константинович Апт никогда не учился у Соболевского. Но первая их встреча состоялась именно в студенческие годы Апта, точнее, зимой 1945 года, когда их группу направили для знакомства в гости к «патриарху классической филологии».

Соболевский поразил тогда студента признанием, что главной радостью от труда филолога-классика была благодарность его ученика – графа. В дальнейшем, уже будучи выпускником университета и нуждаясь в заработке, Апт помогал Соболевскому в составлении латинско-русского словаря к очередному учебнику. Оплачивая труд своего помощника, С.И. выдал ему дополнительную пятидесятирублевую купюру со словами «А это на расходы!», чем привел Апта в недоумение:

Какие расходы имел он в виду? Мою бумагу, мои чернила или пятаки на метро? Я не стал спрашивать. Я подумал, что С.И. стар, что он, естествен-но, отстал от времени (шел 1952 год) и не может знать, что почем.¹²

⁹ Ярхо В.Н. Внутри и вне Садового кольца. Воспоминания обычного заведующего кафедрой. М.: Лабиринт, 2003. С. 130–131.

¹⁰ Там же. С. 130.

¹¹ Там же. С. 133–134.

¹² Апт С. Классическая филология // Иностранная литература. 2005. №1. С. 266.

Далее Апт вспоминает о поминках С.И. Соболевского:

Не было на моей памяти более жизнеутверждающих поминок, чем те, куда затащил меня после похорон Соболевского мой учитель <...> Федор Александрович Петровский <...> никогда, ни прежде, ни после, не видел [я] поминок без хотя бы тени трагедии.¹³

Долголетие и уединенный образ жизни сыграли с Соболевским злую шутку – на его поминках не было близких ему людей, тех, кто искренне мог бы скорбеть о его уходе, потому они и оказались столь «жизнеутверждающими». Апт вспоминает о Соболевском из чувства благодарности – все-таки тот помог ему немного заработать, когда Апт оказался жертвой «борьбы с космополитизмом». Главное же, что больше запомнилось Апту в Соболевском, – это его старость.

...Сергей Иванович был всего на четыре года моложе Чехова. Я застал его в роли первосвященника классической филологии уже в том возрасте, когда эта роль могла быть не каждодневно играемой, а только почетной.¹⁴

Вспоминая Соболевского в ряду своих учителей и коллег по кафедре классической филологии МГУ известный московский латинист Николай Алексеевич Федоров опирается на два источника: свои собственные воспоминания о единственной врезавшейся в память сцене, когда С.И. ввели под руки в экзаменационную аудиторию, и некую выжимку из преданий о Соболевском. В отличие от других мемуаристов, Федоров подчеркивает контраст между старческим помутнением и сохранностью академического сегмента личности Соболевского:

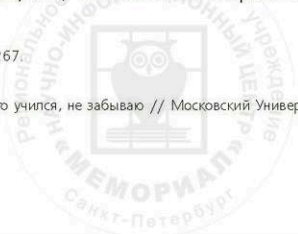
В последние годы, конечно, сознание у него мутилось, и смешивались сон и реальность, прошлое и будущее, но ничего подобного не происходило, когда речь заходила о филологии. Ясность научной мысли и фантастические знания у него сохранились до последнего дня.¹⁵

В рассказе Федорова Соболевский – не столько живой человек, сколько мифологический персонаж, «чистейший филолог», наделенный необычными способностями: долголетием, уникальными знаниями, невероятной памятью, «огромнейшей эрудицией», возможностью сохранять здравость ума лишь

¹³ Апт С. Указ. соч. С.266–267.

¹⁴ Там же. С.264.

¹⁵ Федоров Н.А. Тех, у кого учился, не забываю // Московский Университет. 2003. Октябрь. №36 (4054). С.6.

по отношению к филологии. Даже недостатки Соболевского – «лингвистику почти „презирал“», «не оставил после себя никаких теоретических произведений» – представлены скорее как достоинства. Федоров сам частично находится во власти этого мифологического образа, описывая появление С.И. на экзамене, он отмечает: «Отношение к нему было трепетное, ведь вели не человека, а какое-то высшее божество».

Павел Александрович Гринцер впервые увидел С.И. во время защиты диссертации коллеги-латиниста, построившего свою работу на критике философии Сенеки с позиций марксизма-ленинизма. Соболевский произвел тогда впечатление на своего будущего ученика как несовременным внешним видом – старец в сюртуке, – так и необычным поведением. Как будто бы не понимая политической и идеологической подоплеку защищаемой диссертации, он начал свое выступление оппонента со слов:

Меня удивило... что диссертант выбрал темой своего труда человека, который ему так не нравится. Мне кажется, что диссертации надо писать о том, что нравится и что тебе по сердцу, а не вот такого типа...¹⁶

В целом рассказ П.А.Гринцера – иронично-аналитический. К Соболевскому, у которого он учился на третьем курсе, Гринцер относится с явной симпатией, иронизируя и слегка подшучивая над своим учителем.

Он жил вне этого времени, во вражде с этим временем... были все мы сначала заведомо ему чуждые. Это были люди, которых он, так сказать, не принимал. Но постепенно, уже будучи преподавателем, как-то общаясь с нами, он становился более расположенным и ко мне... и как-то мы с ним перешли уже на какие-то более близкие отношения... Но свою принципиальную установку на то, что ничего не произошло после 17 года, что заслуживало бы его внимания, он твердо сохранял.

Таким образом, то, что одному мемуаристу (В.Д. Савукова) кажется консерватизмом, другому (В.Н. Ярхо) – ретроградством, третий (П.А. Гринцер) истолковывает как культурно-политический эскапизм. С еще большей теплотой вспоминает Соболевского ученый, для которого актуальнее всего был именно последний модус отношения к античности.

Подводя «итоги классической филологии в советские времена» в рамках дискуссии, организованной журналом «Знамя», Симон Перецович Маркиш, отмечает, что стал филологом-классиком случайно:

¹⁶ См.: <http://libriarius.narod.ru/sova/pagri.htm>

Я был студентом романо-германского отделения московского филфака, когда в январе 1949 года арестовали моего отца (чтобы убить его три с половиной года спустя). За сутки обыска я потерял вкус к тому, что называлось у нас гуманитарными знаниями <...> Единственное, что оставалось, – это нейтрализовать, деидеологизировать слово, чтобы оно не несло никакой нагрузки, кроме грамматической – род, падеж, число, залог и т.п., – и ни под каким видом не участвовало в классовой борьбе или борьбе за мир. Латынь <...> и еще совсем неведомый греческий чудились искомым «укрывищем» (да простит мне Солженицын этот плагиат), – и я не просчитался.¹⁷

Среди тех, кто поддержал сына расстрелянного поэта, своим собственным примером подсказав, как же жить дальше, оказался Соболевский, которого Маркиш называет своим учителем, «последним из великих». Сведение всей научной деятельности почти исключительно к изучению грамматики латинского и древнегреческого языков, то есть к тому, за что нередко упрекают С.И., это для Маркиша то, что позволило его учителю и ему самому спрятаться от советской действительности.

Вспоминая С.И., Полонская писала, что он учил не терять ощущения непрерывности культурного развития. Маркиш, вероятно, его же относил к числу тех, «которые благоразумно помалкивали, но неопустительно хранили и, главное, передали детям глубокое и глубоко осознанное уважение к основам и опорам своей культуры – к античности...»¹⁸.

Статья Маркиша, несмотря на ее краткость, единственный текст, в котором фигура Соболевского, пусть и очень бегло, помещена в более общий контекст истории взаимоотношения «советской власти» и «античности». Маркиш показывает, до какой степени случайно «спасение» Соболевского как одного из немногих специалистов только по грамматике и литературе, абсолютно лишенного каких бы то ни было амбиций в области идеологии, философии или истории. В итоге этого глубокого мемуара получается парадокс: автор и понимает степень идейного ничтожества, в которое искусственно были помещены исторические персонажи (в том числе Соболевский), и испытывает теплое чувство, вспоминая античников старшего поколения как хранителей тепла и человечности культуры в варварском (советском) окружении.

Михаил Леонович Гаспаров познакомился с Соболевским уже будучи взрослым и сформировавшимся человеком, когда после окончания университета стал работать под его началом в античном секторе ИМЛИ. Близких

¹⁷ Маркиш С. Советская античность. Из опыта участника // Знания. 2001. №4. С.189.

¹⁸ Там же. С.188.

отношений, которые возникали в процессе общения учителя и учеников и о которых говорит в своих воспоминаниях П.А. Гринцер, между ними не было.

Портрет Соболевского, созданный Гаспаровым, больше напоминает лаконочную карикатуру.

Он был медленный, мягкий, как мешок, с близорукими глазками; рука при пожатии – как ватная.

Античных авторов он читал, чтобы знать древние языки, а древние языки знал, чтобы читать античных авторов. Когда нужен был комментарий о чем-то кроме языка, он писал в примечании к Аристофану: «Удод – такая птица».¹⁹

В центре внимания Гаспарова, таким образом, не Соболевский, а персонаж анекдота:

Он жил неженатым. Уверяли, будто он собирался жениться, но невеста перед свадьбой сказала: «Надели бы вы, С.И., чистую рубашку», а он ответил: «Я, Машенька, меняю рубашки не по вторникам, а по четвергам», и свадьба разладилась.²⁰

Почему же Соболевский Гаспарова оказывается столь непохожим на Соболевского других мемуаристов? Объяснений может быть несколько. Прежде всего, Гаспаров – самый молодой из авторов рассмотренных воспоминаний, а когда он познакомился с С.И., тот был действительно очень стар (ему было около 90). Во-вторых, Соболевский и считался, и был довольно закрытым человеком и настороженно относился ко всему новому и малознакомому. С Гаспаровым же они общались, вероятнее всего, лишь во время заседаний античного сектора, то есть почти исключительно в официальной обстановке. В-третьих, Гаспаров наверняка понимал, что отгороженность Соболевского от внешнего мира была не только вынужденной (из-за возраста и особенностей характера), но и осознанной. Он и сам в определенный период своей жизни придерживался подобной стратегии поведения: «Античность <...> была щелью, чтобы спрятаться от современности...»²¹. Но потом Гаспаров отказался от «прятанья» в занятиях античностью, от «переупаковки» чужих знаний, и занялся стиховедением и собственными исследованиями. Возможно, он несколько утрирует черты реального Соболевского, чтобы через неприглядный портрет показать непродуктивность самой стратегии «прятанья» и «выживания».

¹⁹ Гаспаров М. Записи и выписки. М., 2001. С.255.

²⁰ Там же. С.256.

²¹ Там же. С.314.

Итак, все вспоминающие о Соболевском говорят о его оторванности от времени, а точнее – о стремлении жить, симулируя эту оторванность. Однако это было не старческое чужаство, а искусственно и искусно выстроенная линия поведения. Якобы не зная и не понимая того, что происходило в советском государстве, Соболевский мог позволить себе в 30-е годы, время не просто расцвета, например, вульгарной социологии, но и тяжелейших репрессий, обрушившихся на ученых и деятелей культуры, говорить на занятиях о недопустимости необоснованных гипотез или о важности понимания непрерывности исторического процесса. Своим личным примером он показывал, что можно спрятаться в изучение грамматики древних языков и, возможно, именно таким образом не стать объектом идеологических проработок и избежать репрессий. Впрочем, была и обратная сторона у сознательного эскапизма – стремясь минимизировать все контакты с советской властью, Соболевский самоизолировал себя в науке XIX века, в результате чего после 1917 не написал ни одного по-настоящему научного исследования. Более того, с возрастом у него становилось все меньше возможностей (и, вероятно, желания) общаться с окружающими, заводить с ними какие-то тесные отношения, и потому большинство из тех, кто познакомился с Соболевским в последние годы его жизни, запомнили его лишь как чудаковатого старика, а, скажем, в воспоминаниях Федорова и Гаспарова он и вовсе предстает скорее не как реальный человек, а как мифологическая фигура или персонаж из анекдотов.

Михаил Роцин

Рихард Зорге: в поисках биографии разведчика

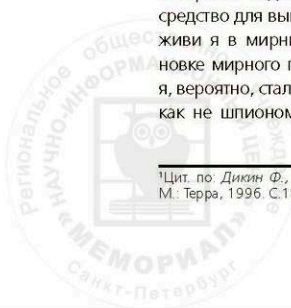
Михаил Юрьевич РОЦИН

Институт востоковедения РАН

Несмотря на то, что Рихарду Зорге, пожалуй, наиболее известному разведчику предвоенного и раннего военного времени посвящено немало исследований, всего биографии по-прежнему много загадок, и когда-то поставленный вопрос: «Кто вы, доктор Зорге?» остается актуальным. Сам он был человеком научного, аналитического склада мышления, о чем свидетельствуют его статьи для немецких газет и журналов, которые и сегодня представляют интерес. В своем признании, сделанном после ареста во время следствия, Зорге отмечал: «Моим личным желанием и радостью было узнавать что-то новое о тех местах, где я пребывал, – факт особенно верный в отношении Японии и Китая. Я никогда не рассматривал подобное изучение лишь как средство для выполнения своей миссии; живи я в мирных условиях и в обстановке мирного политического развития, я, вероятно, стал бы ученым – но уж никак не шпионом»¹.

mrochtchine@yahoo.fr

¹Цит. по: Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. М.: Терра, 1996. С.183–184.

К 1941 его разведывательная группа добилась максимальных успехов, а сам Зорге и его ключевой помощник Одзаки Ходзуми стали постепенно играть роль не только разведчиков, но и так называемых агентов влияния, то есть оказывать определенное воздействие на формирование политики. Одзаки влиял на мнения, складывавшиеся в окружении принца Коноэ, бывшего в то время премьер-министром Японии, а сам Зорге – на мнения германского посольства в Токио и, прежде всего, германского посла Эйгена Отта. Вопрос о том, насколько значительным было подобное влияние, особенно в случае Одзаки, остается, конечно, открытым, но также очевидно, что оно имело место. Часто говорят о том, что Зорге сообщил в Москву точную дату нападения Германии на СССР в 1941. Это не вполне точно, хотя в своих радиограммах он отмечал, что такое нападение вовсю готовится, и указывал, когда оно примерно произойдет (вторая половина июня). К сожалению, его донесения не были приняты во внимание Сталиным. Однако намного важнее та информация, которую Зорге отправлял в Москву об участии Японии в войне и о том, готова она или нет, начать войну против Советского Союза. Именно эта информация, в конце концов, позволила Сталину осенью 1941 перебросить под Москву сибирские дивизии с Дальнего Востока, которые помогли остановить, казалось, неудержимое немецкое наступление. И хотя Сталин относился с весьма смешанным чувством к деятельности группы и самому Зорге, сохранилось косвенное свидетельство о признании его заслуг. Начальник Разведуправления И.И. Ильичев позднее рассказывал, что «И.В. Сталин как-то в присутствии маршала А.М. Василевского сказал, что в Японии военная разведка имеет разведчика, цена которого равна корпусу и даже армии»².

Анализ того, что произошло и не произошло в 1941 на Дальнем Востоке, заслуживает более пристального внимания, чем это обычно принято, так как позволяет лучше понять, насколько прочным был Тройственный пакт и насколько близкими союзниками в действительности были в то время Германия и Япония. Одновременно этот анализ дает возможность полноценно оценить масштаб деятельности группы Зорге и его самого.

Прежде чем перейти к этому анализу, необходимо сказать о том, кем был Одзаки Ходзуми (1901–1944). Это был известный и влиятельный журналист, придерживавшийся левых марксистских взглядов, работавший в крупной газете «Асахи». Кроме того, он был большим знатоком Китая и автором ряда книг о Китае, некоторые из которых переиздаются в Японии до сих пор³. Со второй половины 1930-х Одзуми активно общался с двумя секретарями принца Коноэ

² Цит. по: Гаврилов В., Горбунов Е. «Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С.447.

³ См. полную библиографию его трудов в книге: Johnson Ch. An Instance of Treason: Ozaki Hotsumi and the Sorge Spy Ring. Stanford, Stanford University Press, 1990. P.299–305.

Ушибой Томохико, который был к тому же школьным товарищем Одзаки, и Казами Акирой, главным секретарем кабинета Коноэ. Именно Казами летом 1938 года пригласил Одзаки стать временным консультантом Кабинета («шокута-ки») – специалистом-экспертом или временным сотрудником, не получающим регулярной платы в организации, которой он служит. Термин этот имеет весьма расплывчатое толкование. Он может обозначать и человека, чьих советов ищут очень редко и лишь по весьма специфическим вопросам. Это также могло подразумевать и должность ассистента-исследователя... Как пишет сам Одзаки, на-стоящей его работой было «помогать Казами – и более ничего определенного... Я изложил Казами свои взгляды на Китай... Все, что я делал – это давал конкретные советы по конкретным вопросам, одновременно получая точную и ценную информацию. Нет нужды говорить, что информацию, полученную в Кабинете, я передавал Зорге. У меня был свободный доступ к документам в офисе главы секретариата (Казами) и других секретариатов»⁴. Отсюда ясно видно, что наиболее ценные и конфиденциальные сведения Зорге получал от Одзаки. Он умело этим пользовался и отправлял их не только в Москву, но и частично делился своим знанием в германском посольстве, в котором его уважали как знатока Японии. При этом надо иметь в виду, что немцы, как и другие европейцы и иностранцы, жили в Токио в определенной изоляции. В этой связи часто возникает вопрос: был ли Зорге двойным агентом? Как пишет в своих мемуарах тогдашний глава германской службы безопасности Вальтер Шелленберг, Зорге действительно отправлял разведывательные отчеты в Берлин. Он отмечает: «Письма Зорге были, по существу, обобщающими подробными докладами, действительно полезными и по характеру своему не содержали дезинформацию. Зорге предсказывал, что «пакт трех держав» не будет иметь для Германии большого значения (военного главным образом) и уже после того, как начнется война с Россией, Япония не денонсирует договор с Советским Союзом. Сам пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 года был для Берлина большой неожиданностью»⁵.

Для меня совершенно очевидно, что Зорге работал прежде всего и главным образом на Москву, но я думаю, что в ту сложную игру, которую он начинает вести незадолго до подписания советско-японского пакта о ненападении, определенное сотрудничество с немецкой разведкой входило составной и органичной частью. Его жизненный опыт сформировался еще в период работы в Коминтерне,

⁴ Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. С. 201–202.

⁵ Цит. по: Голяков С., Ильинский М. Зорге: Подвиг и трагедия разведчика. М.: Вече, 2001. С. 29. Кроме того, как отмечают в своем исследовании Ф. Дикин и Г. Стори, «среди бумаг Франца Губерта, предшественника Мейзингера на посту полицейского атташе в Токио, Мейзингер нашел чек, подписанный Зорге, на получение определенной суммы. Этот факт можно объяснить тем, что для Зорге, возможно, было и удобно, и выгодно выполнять отдельные услуги разведывательного характера для Губера...» (Указ. соч. С. 362).

и в Четвертое управление Красной Армии (будущее Главное разведывательное управление – ГРУ, то есть военную разведку) он пришел как убежденный коммунист, и примерно то же самое можно сказать о других членах его группы. Все они, включая Зорге и Одзаки, работали в основном на энтузиазме и идеологической убежденности в правоте советского дела. «Сначала в Четвертом управлении сказали Зорге, что он не должен тратить более тысячи долларов в месяц на расходы группы. И эта скудная сумма тратилась главным образом на оплату жилья и текущие расходы основных членов группы. Одзаки не получал никакой платы, кроме как на поездки. Небольшие суммы необходимо было тратить на покупку запчастей к радиопередатчику, а также на случайные выплаты второстепенным информаторам, работавшим на Одзаки и Мияги⁶. Зорге, Вукелич⁷ и Одзаки жили на свои журналистские заработки, Мияги зарабатывал как художник, Клаузен⁸ – как бизнесмен. Зорге никогда не располагал значительными суммами денег из Москвы, чтобы оплатить малейшие непредвиденные траты. Когда после развода супруги Вукелич решили отправить Эдит в Австралию, сумма в четыреста долларов была специально согласована с Москвой...»⁹

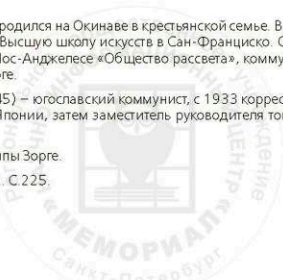
Подписание пакта о ненападении между СССР и Японией 13 апреля 1941 стало важной развилкой Второй мировой войны, которая показала, что реального взаимопонимания между Японией и Германией не существует. 29 марта 1941 министр иностранных дел Японии Мацуока встретился со своим коллегой Риббентропом. В этот момент Германия активно готовилась к войне с Советским Союзом, но Японию решила об этом не информировать. В результате Мацуока на обратном пути домой подписал в Москве пакт о ненападении и тем самым недвусмысленно показал, что Япония не собирается воевать с Советским Союзом. Насчет этого пакта существуют разные точки зрения. Свой печальный отсвет на него бросает пакт Молотова–Риббентропа, но факты – упрямая вещь, а они говорят о том, что Япония до конца выполняла положения пакта, и нарушен он был в конце войны не Японией, а Советским Союзом. Именно действие пакта, в значительной степени, спасло Советский Союз от окончательного разгрома во Второй мировой войне, поэтому рядом специалистов справедливо считается, что просчеты Гитлера, сделанные им во время визита Мацуоки в Европу, оказались для него решающими.

⁶ Мияги Ётоку (1903–1943) родился на Окинаве в крестьянской семье. Вместе с семьей переехал в Калифорнию. В 1925 окончил Высшую школу искусств в Сан-Франциско. Один из основателей объединения левых художников в Лос-Анджелесе «Общество рассвета», коммунист. В 1933 вернулся в Японию для работы в группе Зорге.

⁷ Бранко Вукелич (1904–1945) – югославский коммунист, с 1933 корреспондент французского агентства печати Гавас (Havas) в Японии, затем заместитель руководителя того же агентства в Токио, член группы Зорге.

⁸ Макс Клаузен – радист группы Зорге.

⁹ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 225.

Одзаки очень радовался подписанию пакта. Он видел в этом реальный результат своего влияния на формирование позиции японского кабинета министров¹⁰. Вот отрывок из памятной записки Четвертого управления, составленной на основе телеграмм Зорге: «Сообщает, что Отто (псевдоним Одзаки. – *М.Р.*) посетил Коноэ как раз в тот момент, когда Коноэ получил от Мацуоки телеграмму о заключении пакта о нейтралитете. Коноэ и все присутствовавшие были чрезвычайно рады заключению пакта»¹¹. Далее в той же записке говорится: «Рамзай (псевдоним Зорге. – *М.Р.*) просит директив. Отто (Одзаки) имеет некоторое влияние на Коноэ и других лиц и может поднимать вопрос о Сингапуре как острую проблему. Поэтому он запрашивает о том, заинтересованы ли мы, чтобы толкать Японию на выступление против Сингапура. Далее сообщает, что он (Зорге) имеет некоторое влияние на германского посла Отта и может подталкивать или сдерживать его от оказания давления на Японию в вопросе выступления против Сингапура»¹². Из Центра был послан ответ: «Вашей основной задачей является своевременно и достоверно сообщать о всех конкретных мероприятиях японского правительства и командования в связи с заключением пакта с СССР, что конкретно ими делается по передислокации войск, откуда и какие части переводятся и куда сосредотачиваются. Влиять и подталкивать Коноэ и других влиятельных лиц в Вашу задачу не входит, и заниматься этим не следует». Но поскольку сообщения пересылались в переводе на английский, то текст был отправлен в сильно смягченном варианте: «To influence and encourage Konoe or other politicians is not your job and to do that is not necessary», – а это в обратном переводе на русский звучит так: «Влиять и подталкивать Коноэ или других политиков не является вашей работой, и делать это нет необходимости». Судя по всему, эта переписка была чрезвычайно важна для Зорге. Неслучайно он вспоминает ее в своих тюремных записках: «Мой запрос был сделан в самой общей форме, чтобы сохранить возможности для активных действий Одзаки и других членов группы (и, прежде всего, самого себя. – *М.Р.*), но ответ Москвы был отрицательным. Правда, в нем прямо не запрещались подобные действия, но указывалось, что в них просто нет необходимости. После начала войны Германии с СССР в 1941 году обстановка становилась все более напряженной. В этой ситуации я подумал, что, даже не истолковывая ответ Москвы как необязательно категорический, ничто не мешает действовать в рамках моей компетенции. А рассматривая формулировку „нет необходимости“ в более широком смысле, я посчитал, что нам определенно не запрещено заниматься указанной деятельностью. Поэтому я не препятствовал активным действиям Одзаки в группе Коноэ. Более того, я сам решительно взялся за работу среди

¹⁰ Гаврилов В., Горбунов Е. Указ. соч. С. 316.

¹¹ Там же. С. 317.

¹² Там же. С. 318.

немцев, учитывая, что моя позиция по этим вопросам оставалась неизменной в течение нескольких последних лет»¹³.

Сюжет о возможности разведгруппы активно влиять на политику весьма любопытен, и сам по себе свидетельствует о том, что группа Зорге представляла собой своеобразный феномен и была ярким созвездием замечательных личностей¹⁴. Но даже в этом случае реальная возможность влияния на процессы, в которых задействованы крупные социальные силы, не вполне очевидна. Ясно одно, что желание Японии идти на юг Азии, а не на север – в Сибирь навстречу германскому союзнику было преобладающим, и решение об этом было принято уже 2 июля 1941 на Имперском собрании. На нем был представлен документ «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки». Благодаря Одзаки, Зорге смог практически сразу известить об этом Москву: «По информации из японских правительственных кругов. Вскоре будут закончены приготовления к операциям на юге, после чего сразу же начнется наступление в этом направлении по следующему плану: посылка войск в южную часть Индокитая, оказание военной помощи Таи и далее – наступление на Сингапур. Использовать все, чтобы избежать войны с США. Если этого не удастся избежать – добиться своей цели, даже воюя с США. Политика в отношении СССР пока определяется следующими факторами: недавно заключен договор о нейтралитете, разрыв которого вызовет возмущение населения, не закончены приготовления для похода на север; вследствие этого Япония должна занять позицию нейтралитета»¹⁵. Таким образом, основные линии Второй мировой войны определились к июлю 1941: Германия только что ворвалась на территорию СССР, где ей еще предстояло завязнуть и проиграть, а Япония примерно то же самое собиралась сделать на юге. Германия и Япония были союзниками в большей мере на словах, чем на деле.

11–18 октября 1941 члены группы Зорге были арестованы. Зорге взял последним ввиду его тесных связей с германским посольством. Сначала Зорге держался твердо и настаивал на том, что работал на германского посла, а не на русских, и добивался свидания с Эйгеном Оттом. Есть все основания полагать, что только эта линия оставляла Зорге определенные шансы на спасение. К тому же 16 октября подал в отставку принц Коноэ, а новым премьер-министром стал представитель военных кругов генерал Тодзио. Однако, судя по всему, за несколько часов до встречи с Оттом, которая состоялась 23 октября, Зорге сдался и сделал признание. Допрос велся в буддийской молельне тюрьмы Сугамо следователем из полиции Охаси Хидео. «Неожиданно Зорге

¹³ Гаврилов В., Горбунов Е. Указ. соч. С. 318–320.

¹⁴ Неслучайно некоторые исследователи сравнивали Рихарда Зорге с Лоуренсом Аравийским. См., например: Johnson Ch. Op. cit. P.13.

¹⁵ Гаврилов В., Горбунов Е. Указ. соч. С. 393–394.

попросил бумагу и карандаш. Он написал по-немецки: «Я был членом Коминтерна с 1925 года». Потом скатал бумагу в шарик и швырнул его через комнату. Вскочил на ноги и стал ходить по комнате. И вдруг разрыдался. «Я побежден, – кричал он. – Впервые в жизни я побежден»¹⁶. Позднее, когда он в тот же день встретился с Оттом, говорить уже было не о чем. Прокурор Йосикава, ведший дело Зорге, вспоминал об этом так:

Во время встречи Зорге выглядел совершенно опустошенным, и лицо его выражало лишь необычайную скорбь и серьезность, и потому, как только Отт взглянул на него, он сразу оценил серьезность ситуации. Отт сказал: «Ну как Вы себя чувствуете?» Зорге ответил: «Все в порядке». Отт: «Как Вас кормят?». Зорге: «Удовлетворительно». Отт: «Вам что-нибудь нужно?» – «Нет, благодарю Вас». Потом Зорге сказал: «Это наша последняя встреча». После чего Отт, казалось, был явно тронут. Он был в форме и, по-солдатски отдав Зорге честь в прусском стиле, вышел из комнаты.¹⁷

Почему Зорге сломался так быстро и пошел на сотрудничество со следствием, до сих пор остается неясным. Прокурор Йосикава впоследствии отрицал, что Зорге пытали, но признавал, что в первое время допросы велись в практически непрерывном режиме. Возможно, что после многих лет напряженной и опасной работы, оказавшись в тюрьме, Зорге растерялся¹⁸. Вероятно, сказалось и то, что он был регулярно и сильно пьющим человеком. Князь Альбрехт фон Урах, корреспондент нацистской партийной газеты «Фелькишер беобахтер» в Японии, бывший постоянным собеседником Зорге, позднее вспоминал немецкий пивной зал в Токио «Фледермаус», «прокуренный, непривлекательный бар», где Рихард часто напивался, «проходя все возможные фазы опьянения: поднятие духа, слезливую жалость, агрессивность, манию преследования, манию величия, горячку, полубессознательное состояние и, наконец, мрачное, унылое состояние одинокого похмелья, от которого можно было избавиться лишь с помощью еще большого количества алкоголя»¹⁹. Выпивки позволяли Зорге преодолевать постоянный стресс, сопровождавший его деятельность, а тюремная реальность выбила его из привычной жизненной колеи, к чему он не был готов.

¹⁶ Дикин Ф., *Стори Г. Указ. соч.* С. 287.

¹⁷ Там же. С. 286. Эйген Отт – в 1934–1938 полковник, военный атташе в Токио, в 1935–1938 одновременно и атташе ВВС, в 1937 генерал-майор, с апреля 1938 по ноябрь 1942 посол Германии в Японии.

¹⁸ Случаи упорного сопротивления безжалостному следствию встречаются не часто. В качестве примера твердого сопротивления насилию следствия я бы привел поведение Марии Спиридоновой в 1937, когда из-за отказа ею признать придуманные обвинения развился показательный процесс против партии левых эсеров. См. об этом: Лавров В.М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. М.: Археографический центр. 1996. С. 220–263.

¹⁹ Дикин Ф., *Стори Г. Указ. соч.* С. 147.

В тюрьме Зорге написал документ, получивший название «Тюремных записок», в котором он рассказал о себе и деятельности своей группы²⁰. Вероятно, вначале он надеялся, что советское руководство постарается спасти его и членов его группы, как оно это сделало в 1931, когда спасло Хилари Ноуленса, агента Коминтерна в Шанхае, на что, кстати говоря, обращает внимание сам Зорге в своих «Записках»²¹. Но если мы вспомним, что в 1931 в СССР было, в общем-то, еще отчасти другое руководство, и вело оно себя иначе в отношении своих людей, то увидим те большие изменения, которые произошли в СССР за 10 лет. После репрессий второй половины 1930-х Сталин, казалось, забыл и никогда не вспоминал о Зорге. Наверное, ему было неприятно вспоминать о человеке, который старался его предупредить о начале германской агрессии. По мнению британских исследователей Ф. Дикина и Г. Стори, была и чисто политическая причина, по которой Советский Союз молчал в годы войны о деле Зорге: «И советские, и японские власти были заинтересованы в том, чтобы постараться скрыть связи Зорге с Москвой, дабы не подвергать опасности продолжавшиеся переговоры между двумя странами, направленные на поддержание нейтрального статус-кво на границах Манчжурии и Сибири»²².

Из всего этого ясно, что надежды на помощь Москвы у Зорге довольно быстро испарились, и он решил оставить свое завещание и написать о работе своей группы. На сегодняшний день именно «Тюремные записки» являются основным источником, рассказывающим о нем самом и его ближайших сподвижниках.

Зорге и Одзак были повешены 7 ноября 1944, в день двадцать седьмой годовщины Октябрьского переворота. А уже в 1948 в Японии было создано «Общество по раскрытию фактов по делу Одзак-Зорге», которое активно подержал один из уцелевших членов группы – Каваи Текиши.

4 сентября 1942 в Москве была арестована русская жена Зорге Екатерина Максимова. Ее обвинили в шпионских связях с Вилли Штале, немцем

²⁰ Немецкий оригинал не сохранился, так как погиб во время бомбёжки американской авиацией Токио. Русский перевод был сделан с японского перевода «Записок» и сегодня широко доступен в Интернете. См., например: http://lib.druzya.org/mem-biogr/war-men/razvedka/view-zorge_rihard_tyuremnyie_zapiski_riharda_zorge.txt.full.html

²¹ В «Тюремных записках» Зорге писал: «Я впервые узнал, что Ноулэнс выполнял секретную миссию в Шанхае, только когда он был арестован. Его арест вызвал большую сенсацию среди иностранцев, проживавших в Шанхае. Арест произвела полиция Шанхайского иностранного поселения по требованию Нанкинского правительства и передала его этому правительству. Нанкинское правительство арестовало руководителей КПК (Коммунистической партии Китая. – М.Р.), и из их показаний узнало о существовании и деятельности Ноулэнса, а в довершение всего и о местах, где Ноулэнс встречался с представителями партии. Ноулэнс и его семья были арестованы у себя в доме, где были обнаружены и конфискованы в качестве важных улик весьма секретные документы. Ноулэнс утверждал, что он швейцарец, но швейцарские власти упорно это отрицали. Он был приговорен к длительному сроку тюремного заключения, но вскоре, благодаря вмешательству Советского Союза, был выслан за границу». Цит. по: http://www.fictionbook.ru/author/zorge_rihard/tyuremnyie_zapiski_riharda_zorge/read_online.html?page=6

²² Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 374.

антифашистом и другом Зорге, расстрелянным в 1938. Именно Шталь познакомил Катю с Рихардом. 24 или 25 мая 1943 Максимову отправили в ссылку в Большую Мурту (Красноярский край). Катя не знала о том, что Зорге арестован. Перед отправкой в ссылку она писала сестре: «Милая сестричка! Вот и опять наслаждаюсь небом, воздухом и полной свободой. Случилось это на днях – мое возрождение. Правда, меня клонит к земле от слабости, как былинку. Буду жить и работать в районе 120 км от Красноярска. От Ики (так звали Зорге его близкие. – М.Р.) я буду получать, как и раньше, у него все в порядке»²³. Почти сразу после приезда в Большую Мурту, 29 мая, ее доставили в больницу с тяжелым химическим ожогом. Катя так и не поправилась и скончалась в больнице 3 июля 1943²⁴.

Гражданская жена Зорге в Японии Ханако Исии умерла совсем недавно – в 2000. После войны она разыскала останки Зорге и перезахоронила их на кладбище Тама рядом с останками Одзаки и Мияги. Позже она написала мемуары о Рихарде, которые до сих пор не переведены ни на один из европейских языков. День, когда она нашла в ноябре 1949 останки Зорге, Ханаки вспоминала так:

Я взяла в руки две очень длинные и крепкие кости и внимательно осмотрела их. На одной из них была вертикальная трещина в центре и неровный шов. Та часть, где находился шов, была больше и крепче, чем остальная. Кость эта была на сантиметр короче другой.

– Он был ранен? – тихо спросил молодой человек, стоявший рядом со мной.

*– Да, я слышала, что был. Я думаю, что эта рана осталась еще с Первой мировой войны.*²⁵

²³ Черняк М. Жена шпиона // Огонёк. 1998. 2 февраля. №5.

²⁴ Там же.

²⁵ Цит. по: Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С.353.

Ольга Розенблюм

«Бывшее», «история» и другие способы выделения прошлого в стихах Булата Окуджавы об Арбате

Ольга Михайловна РОЗЕНБЛЮМ

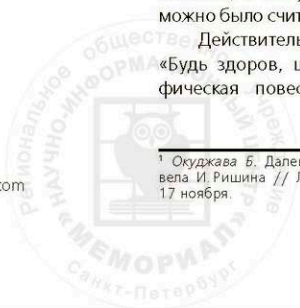
*Кандидат филологических наук,
РГГУ (Москва)*

В интервью 1976 года Окуджава так ответил на вопрос, почему он пишет исторические романы: «...есть литераторы, которые могут описывать только то, что пережили сами; есть такие, которые, напротив, наиболее удачливы в своих работах, рожденных из пены фантазий и вымысла; есть литераторы, для пера которых вчерашний день теряет свою привлекательность, и только торопясь по свежим следам событий, они создают свои произведения... Я много лет проработал в газете, но ушел из нее, ибо самым трудным для меня было описание того, что вижу в данный момент. Мой первый опыт в прозе (повесть „Будь здоров, школяр“) родился через восемнадцать лет после самих событий, и его уже в известной мере можно было считать историческим»¹.

Действительно, в 1961 выходит «Будь здоров, школяр», автобиографическая повесть, построенная по

olga.rosenblum@gmail.com

¹ Окуджава Б. Далекое и близкое / Интервью вела И. Ришина // Литературная газета. 1976. 17 ноября.

всем законам мастерства, с кольцевой композицией, продуманной системой персонажей, произведение, бесспорно, идущее по разряду художественной литературы, а никак не мемуаров – но автобиографическое, причем посвященное тем сторонам жизни, для которых не было языка описания в литературе 1940–1950-х годов. Следом за ней, в 1962-м, – еще одна повесть, уже про калужский период («Новенький как с иголочки»), и уже в 1970-е, когда на необходимое расстояние отошли и Тбилиси, и Калуга, и первые московские песни, Окуджава пишет один за другим рассказы, и потом еще раз, в третий раз, выплеснет накопившееся в 1980-е. Здесь уже и имена героев, и их география очевидно указывают на то, что эти тексты – про него. Конечно, что-то заштриховано. Конечно, что-то не названо. А что-то отточено, поставлено в ряд с чем-то еще и увидено откуда-то со стороны именно так, именно под этим углом, потому что именно так увиделись закономерности пути, своя история.

И другой ряд, с конца 1960-х – романы, как их принято называть, «исторические». О Пестеле, а точнее о писаре, стенографировавшем его допросы («Глоток свободы или Бедный Авросимов», 1965–1968). О Толстом, – а точнее о сыщике, к нему приставленном («Похождения Шипова, или Старинный водевиль», 1969–1970). А потом ракурс меняется – Окуджава пишет уже не о «маленьком человеке», простом, неглубоком, но оказавшемся рядом с непростыми и яркими, с людьми «первого ряда», а именно о том, как рефлексивный человек живет свою частную, приватную жизнь, стараясь оградить ее от постороннего вмешательства («Путешествие дилетантов», 1971–1977), как он соотносит с себя с тем, что происходит вокруг, с тем, в чем участвовал или считает нужным участвовать («Свидание с Бонапартом», 1979–1983). И последний роман («Упраздненный театр», 1989–1993) – завершающая точка, в которой сошлись оба ряда: про себя, пережившего именно это, и про время, то ли создавшее, то ли востребовавшее, то ли поглотившее именно таких нас.

Эти оценки менялись в его текстах разных лет. Внимание к «мы», к общности, к поколению и его истории, описание, выстраивание себя через принадлежность к чему-то или же, наоборот, непринадлежность, – обо всем этом позволяют рассуждать стихи Окуджавы, все это в них есть. Как он выстраивал свое прошлое, свою историю, можно проследить по его автобиографической прозе. Как вообще выстраивал духовную эволюцию, движение личности, можно посмотреть по его романам. Отдельная тема – значения «прошлого», «прошедшего», «минувшего», «бывшего», «былого» (все эти слова многожды встречаются в его стихах разных лет).

Окуджава очевидно рефлексивен, устремлен в прошлое, и свое, и историческое. Это его материал, его интерес, его способ говорить о себе и понимать себя. Две ключевые темы, с которыми ассоциируется Окуджава, –

Арбат и война – это постоянное возвращение к двум моментам собственного прошлого и постоянная попытка понять его, переопределить, изжить.

40 лет Окуджаву писал об Арбате, вроде бы, об одном и том же, вроде бы, всегда с ностальгической интонацией, но, если всмотреться в эти стихи повнимательней, видно, что менялись и содержание, и интонации – менялся образ «прошлого», которое связано с началом, с Арбатом, менялось его значение, то, как оно соотносилось с настоящим (прошлое, обозначенное как таковое хронологически или же наполненное какими-то своими значениями, какими именно, и т.д.).

В этой статье – попытка ответить на вопрос о том, как задается, конструируется в лирике Окуджавы (и прежде всего в стихах, посвященных Арбату) «прошлое». Этот вопрос тесно связан с другим – как в его текстах эволюционирует образ индивидуального пути, биографии, индивидуальной истории², о том, как и когда он обращается к категории «поколения», выстраивая историю своего пути как характерную для времени³: вопрос о том, как человек выстраивает свое прошлое, через что он его описывает, – и есть, собственно, основной вопрос биографического исследования⁴.

* * *

*...А годы проходят, как песни.
Иначе на мир я гляжу.
Во двореке этом мне тесно,
и я из него ухожу.*

*Ни почестей и ни богатства
для дальних дорог не прошу,
но маленький дворик арбатский
с собой уношу, уношу.⁵*

Стихотворение написано вскоре после возвращения Окуджавы в Москву (1956) после почти 20 грузинских и калужских лет, когда он постоянно думал о том, как бы в Москву вернуться, и периодически пытался это осуществить. Если знать эту предысторию, стихотворение прочитывается так: вот оно, то,

² Об этом (на материале стихов Окуджавы о войне) см.: Розенблюм О. Конструирование биографического текста как коммуникация // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии. СПб., 2007. С. 135–155.

³ Об этом см.: Розенблюм О. Вариации поколенческой самоидентификации в текстах Булата Окуджавы (в печати).

⁴ В этом смысле данная статья есть продолжение именно биографического исследования: Розенблюм О.М. Раннее творчество Булата Окуджавы (опыт реконструкции биографии). Дисс. канд. филол. наук. М., 2005.

⁵ Окуджава Б.Ш. Чаепитие на Арбате. М., 1996. С. 80.

что виделось издалека, столько изменилось, а что осталось? Арбат, уцелевший как «мое», когда разрушилось то и пришлось переоценить это.

Круг действительно был пройден. Он вернулся в Москву. Вернулась мама. И очевидно начало нового, причем нового, кажется, хорошего, хотя и требующего разобраться со старым: обретение своего места, своей среды, своего языка, своей проблематики, огромные перемены в стране, – если вспомнить все эти обстоятельства, и общие, и личные, становится понятным это наблюдение над текстом, над стихами Окуджавы об Арбате конца 1950-х: в них появилась, стала значимой категория «прошлого».

Тема Арбата, появившаяся в стихах Окуджавы после возвращения в Москву, вполне закономерно появляется именно как тема прошлого, поскольку ощущение рубежа, отделившегося и оставшегося где-то там куса жизни, возникает, когда закрылась какая-то важная страница, когда круг пройден, – тогда, когда начинает ощущаться отрыв от себя когдатого: «иначе на мир я гляжу».

Из того же стихотворения:

*Сильнее я с ним и добрее.
Что нужно еще? Ничего.
Я руки озябшие грею
о теплые камни его.⁶*

Арбат – прошлое, но прошлое, не оторванное от сегодня, а сохранившееся в нем, в нем снова обретенное.

Арбат – то, что было, что есть, что дало старт и к чему постоянно возвращаешься:

*Ты течешь, как река. Странное название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат, ты – мое призвание.
Ты – и радость моя, и моя беда.

Пешеходы твои – люди не великие,
каблучками стучат – по делам спешат.
Ах, Арбат, мой Арбат, ты – моя религия,
мостовые твои подо мной лежат.⁷*

⁶ Окуджава Б.Ш. Чаепитие на Арбате. Указ. изд. С. 80

⁷ Там же. С. 82.

Арбат – что-то, вбирающее в себя пространство и время, соединяющее сегодняшний день с XIX веком, с «классикой», с «историей», это что-то, позволяющее увидеть русскую культуру цельной и себя в этом ряду⁸:

*Когда затихают оркестры Земли
и все музыканты ложатся в постели,
по Сивцеву Вражку проходит шарманка –
смешной, отставной, одноногий солдат.⁹*

Или уже не про вневременную Землю, а про конкретную эпоху именно русской культуры:

*Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем,
у каждой эпохи свои подрастают леса...
А всё-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеем
поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа.
<...>
Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу.
И вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот
извозчик стоит, Александр Сергееч прогуливается...
Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдет.¹⁰*

Другая «эпоха», но это «былое» продолжается сегодня, мы к чему-то причастны, мы откуда-то произрастаем.

Отделение, выделение прошлого, но и его присутствие в сегодня – вот что можно увидеть в стихах Окуджавы об Арбате конца 1950-х – середины 1960-х. Это прошлое не описано еще, не охарактеризовано какими-то деталями, событиями, позволяющими его как-то интерпретировать, оно просто – «было».

«Вневременное», «бывшее раньше», «уцелевшее сегодня» постепенно заменяется на «другое, не такое, как сейчас». Это есть уже в «Былое нельзя

⁸ Об Арбате как культурном пространстве, о его значении для поколения Окуджавы см.: Кнабе Г.С. Арбатская цивилизация и арбатский миф // Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. ст. / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1998. С.137–197. Об ощущении прерванности культуры у тех, кто пришел в литературу на рубеже 1950–1960-х, можно найти высказывания разных авторов, см. Нобелевскую лекцию Бродского, ту ее часть, где он, до тех пор настойчиво отказывавшийся от причисления его к какой-либо когорте, вдруг начинает говорить о себе как о представителе поколения: «Это поколение – поколение, родившееся именно тогда, когда крематории Аушвица работали на полную мощность, когда Сталин пребывал в зените богоподобной, абсолютной, самой природой, казалось, санкционированной власти, явился в мир, судя по всему, чтобы продолжить то, что теоретически должно было прерваться в этих крематориях и в безымянных общих могилах сталинского архипелага. Тот факт, что не все прервалось, – по крайней мере в России, – есть в немалой мере заслуга моего поколения, и я горд своей к нему принадлежностью не в меньшей мере, чем тем, что я стою здесь сегодня». Цит. по: <http://lib.ru/BRODSKI/lect.txt>

⁹ Окуджава Б.Ш. Указ. соч. С.121.

¹⁰ Там же. С.167–168.

воротить...», где все стихотворение, вроде бы, об этом «нельзя воротить» (было так – а теперь иначе), но потом вдруг противоречие снимается, и опять «прошлое» – «вневременное». В другом стихотворении второй половины 1960-х, сильно выделяющемся среди более ранних именно этим образом пройденного круга (который, как часто у Окуджавы, попадает в стихи с некоторым запозданием, с некоторым отрывом от того, что произошло), этот круг как раз и означает сразу дистанцию и обретение старого в каком-то новом ключе:

*Бывали дни такие – гулял я молодой,
глаза глядели в небо голубое,
еще был не разменян мой первый золотой,
пылали розы, гордые собою.*

<...>

*Не мучьтесь понапрасну: всему своя пора.
Траву взрастите – к осени сомнется.
Вы начали прогулку с арбатского двора,
к нему-то всё, как видно, и вернется.¹¹*

В стихах 1970-х – первой половины 1980-х прошлое находится именно в оппозиции с настоящим, но это противопоставление в пользу прошлого – Золотой, утраченный век:

*Ильинку с Божedomкою, конечно,
не в наших нравах предавать поспешно,
и Усачевку, и Охотный ряд...
Мы с ними слиты чисто и безгрешно,
как с нашим детством – сорок лет подряд;
мы с детства их пророки... Но Арбат!*

*Минувшее тревожно забывая,
на долголетье втайне уповая,
всё медленней живем, всё тяжелей...
Но песня тридцать первого трамвая
с последней остановкой у Филей
звучит в ушах, от нас не отставая.¹²*

Тема забвения и памяти, как и «сорок лет», отчетливо отделяет прошлое от настоящего. Несколько стихотворений, прямо противопоставляющих детство и сегодняшний день:

¹¹ Окуджава Б.Ш. Указ. соч. С.253–254.

¹² Там же. С.261–262.

*У Спаса на Кружке забыто наше детство.
Что видится теперь в раскрытое окно?
Всё меньше мест в Москве, где можно нам погреться,
всё больше мест в Москве, где пусто и темно.*

*Мечтали зло унять и новый мир построить,
построить новый мир, иную жизнь начать.
Всё меньше мест в Москве, где есть о чем поспорить,
всё больше мест в Москве, где есть о чем молчать.¹³*

Арбат уничтожили, Арбата нет, то время, когда он был, – золотое, утраченное прошлое:

*Была пора, что входит в кровь, и помнится, и снится.
Звенел за Сретенкой трамвай, светало на Мясницкой.
Еще пожар не отгудел, да я отвоёвал
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.¹⁴*

Другой вариант, появляющийся чуть позже, хотя и здесь уже есть это «входит в кровь»: Арбата нет, но Арбат растворился в крови:

*Не плачь, Мария, радуйся, живи,
по-прежнему встречай гостей у входа...
Арбатство, растворенное в крови,
неистребимо, как сама природа.¹⁵*

Он есть как начало индивидуальной истории, как старт, причем не хронологический, но проблемный:

*Упрямо я твержу с давнишних пор:
меня воспитывал арбатский двор,
всё в нем, от подлого до золотого.
А если иногда я кружева
накручиваю на свои слова,
так это от любви. Что в том дурного?

Он лепит, обстоятелен и тих,
меня, надежды, сверстников моих,
Отечество... И мы на всё готовы.¹⁶*

¹³ Окуджава Б.Ш. Указ. соч. С.346

¹⁴ Там же. С.365.

¹⁵ Там же. С.375.

¹⁶ Там же. С.443–444.

Арбат – это старт, определивший «нас»: «двор» таким «воспитал», так «меня» и «сверстников» «слепили». Старт подразумевает продолжение, развитие, историю, произрастание, причем произрастание из Арбата означает произрастание из чего-то противоречивого, неоднозначного: длительность («вневременное», «сохранившееся среди не сохранившегося») превращается в историю, которая есть эволюция, развитие корней, сюжетов. Прошлое становится предметом аналитики, как объект аналитики появляется категория поколения (обращение к сыну в стихотворении «Арбатское вдохновение» («Упрямо я твержу с давнишних пор...»¹⁷)).

Еще одно стихотворение о том разнородном сплаве, из которого «мы вышли, возникли»:

*Я унижен тобою, разлука,
и в изменника сан возведен,
и уже укоризны поспели
и слетаются с разных сторон,
что лиловым пером заграничным,
к меловым прикасаясь листам,
я тоскую, и плачу, и грежу
по святым по арбатским местам.*

*Да, лиловым пером из Риэки
по бумаге веду меловой,
лиловеет души отраженьё –
этот отгиск ее белой,
эти самые нежность и робость,
эти самые горечь и свет,
из которых мы вышли, возникли.
Сочинились...
И выхода нет.¹⁸*

В песнях Окуджавы конца 1950-х («Ванька Морозов», «Мне нужно на кого-нибудь молиться...» и др.) – зарисовки, сюжетность, новеллистичность, повествовательность, однако в повествовании, которое ему было важно как повествование автобиографическое, оказалась проблематичной эта новеллистичность: история, определяемая как «личная», как история поэта Булата Окуджавы, част-

¹⁷ «Растворившееся в крови», когда речь идет об Арбате (1980-е), «корешки», когда Окуджава пишет об истории своего поколения в романе «Упраздненный театр» (рубеж 1980–1990-х). В письме к одному из героев своего романа он говорил: «Мне важно было рассказать о мальчике, отравленном большевизмом. <...> главная моя задача – проанализировать печальные истоки, корешки моего героя, выяснить, откуда оно – это печальное, слепое поколение» // Марьясин И.Л. Переписка с Булатом // Иерусалимский журнал. 2001. №7. С. 251.

¹⁸ Окуджава Б.Ш. Указ. соч. С. 376–377.

ная история, личное прошлое (то, о чем, казалось бы, так долго писал Окуджава), в текстах об Арбате выкристаллизовывается лишь в начале 1980-х.

С конца 1950-х «частность» – сначала предмет изображения, затем тема стихов Окуджавы, но только в 1980-е в них происходит проблематизация «частной истории», когда «прожитое» (синонимический ряд со значением «раньше»/«бывшее») заменяется на «биографию», «индивидуальную историю» (синонимический ряд со значением «содержание, эволюция смыслов»): «прошлое» описывается уже не столько через событийность, сколько через внутреннее изменение, через эволюцию личности.

Эволюцию значений «прошлого», которая видна в стихах Окуджавы об Арбате, можно проследить и в других его стихотворениях, где говорится о «прошлом», «минувшем», «былом».

Здесь тоже сначала прошлое – как историческое прошлое, пространство культуры с большой буквы:

Нева Петровна, возле вас – всё львы.

Они вас охраняют молчаливо.

Я с женщинами не бывал счастливым,

вы – первая. Я чувствую, что – вы.

<...>

Мы снова рядом. Как я к вам привык!

Я всматриваюсь в ваших глаз глубины.

Я знаю: вас великие любили,

да вы не выбирали, кто велик.

<...>

Пусть говорят, что прошлое не в счет.

Но волны набегаят, берег точат,

и ваше платье цвета белой ночи

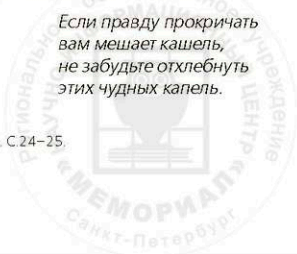
мне третий век забыться не дает.¹⁹

На рубеже 1950–1960-х «прошлое» – это XVIII и XIX века, это ощущение преемственности, встроенности в историю, которая начинается где-то там, но именно в ту историю, которая Нева, Петербург, вероятно, Екатерина, Пушкин: историческое прошлое, из которого вырастаешь и о котором интересно думать.

Прошлое, которое «богатыри – не Вы!»:

*Если правду прокричать
вам мешает кашель,
не забудьте отхлебнуть
этих чудных капель.*

¹⁹ Окуджава Б.Ш. Указ. соч. С.24–25.

*Перед вами пусть встают
прошлого примеры...
Капли Датского короля
пейте, кавалеры!*²⁰

Прошлое, которое биографически, психологически очень схоже с нашей жизнью, но антураж другой, другой контекст:

*Были дали голубы,
было вымысла в избытке,
и из собственной судьбы
я выдергивал по нитке.*

*В путь героев снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал.*²¹

Это уже более поздние годы, к этому времени «прошлое» уже давно появляется у Окуджавы и как частное прошлое, однако тесно связанное с тем, что всей странойжито:

*Вы слышите: грохочет барабан?
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней.
Уходит взвод в туман-туман-туман...
А прошлое ясней-ясней-ясней.*

*А мы рукой на прошлое: вранье!
А мы с надеждой в будущее: свет!
А по полям жиреет воронье,
а по пятам война грохочет вслед.*²²

Это и то, что происходило в стране, о чем не хочется думать, и то, что происходило дома, о чем тоже не хочется думать. И поездка с друзьями на дачу, в гости, тесно и неразрывно связанная с общим нашим прошлым (сталинские «братья и сестры»):

*Минувшего голос несносный
врызается, горек, как яд...*

²⁰ Окуджава Б.Ш. Указ. соч. С.229.

²¹ Там же. С.295.

²² Там же. С.29.

*Зачем же мы, братья и сестры,
сезжаем в тот листопад?*

*Зачем из машин мы выходим?
Зачем за столом мы сидим?
И счетов как будто не сводим –
светло друг на друга глядим.²³*

Личное, ни с кем не делимое прошлое. Ушедший круг, ушедшие близкие:

*С нами женщины. Все они красивы.
И черемуха – вся она в цвету.
Может, жребий нам выпадет счастливый:
снова встретимся в городском саду.*

*Но из прошлого, из былой печали,
как ни сетую, как там ни молю,
проливается черными ручьями
эта музыка прямо в кровь мою.²⁴*

Прошлое, которое на двоих, которое конец отношений:

*Всё здесь в прошедшем, в минувшем и бывшем.
Ночь неспроста тишину создала.
Серые мыши, печальные мыши
все до единой ушли со двора.²⁵*

Это личное прошлое становится именно объектом постоянного внимания, постоянной рефлексии в стихах Окуджавы:

*Шарманка старая крутилась,
катилось жизни колесо.
Я пил вино за вашу милость
и за минувшее за всё.

За то, что в прошлом не случилось
на бранном поле помереть,
а что разбилось – то разбилось,
зачем осколками звенеть?²⁶*

²³ Окуджава Б.Ш. Указ. соч. С.224

²⁴ Там же. С.428.

²⁵ Там же. С.92

²⁶ Там же. С.336.

И очень часто личное прошлое связано с прошлым историческим, с тем, которое было пережито всеми:

*Шуршат, шуршат листы тетрадные,
чисты, как аиста крыло,
а я ищу слова нескладные
о том, что было и прошло.²⁷*

И здесь опять – выход на то, что тревожило, интересовало Окуджаву в 1980-1990-е: корешки, растворившееся в крови, прошлое, которое нас не отпускает:

*Какое милосердие
являет каждый звук,
а каково усердие
лица, души и рук,

как плавно, по-хорошему
из тьмы исходит свет,
да вот беда: от прошлого
никак спасенья нет.²⁸*

Прошлое хронологическое и историческое («было» и «было в Истории») – прошлое ностальгическое, как проживание утраты – прошлое как начало пути, «корешки» всей личной истории – вот эволюция значений «прошлого», реконструируемых из стихов Окуджавы об Арбате, из контекстов употребления слов, обозначающих прошедшее. В этой эволюции, вероятно, стоит видеть и отражение обстоятельств самого Окуджавы, и тенденции, свойственные вообще советской культуре этого времени, – сначала отсутствие языка для описания частной истории, затем его поиск и обретение.

²⁷ Окуджава Б.Ш. Указ. соч. С.458.

²⁸ Там же. С.466–467.

Александр Петров

Барон Алексей Павлович Будберг и его «Дневник»

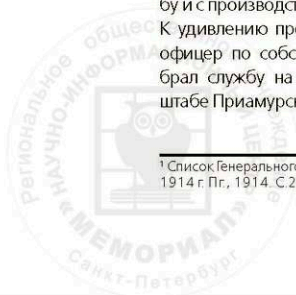
Александр ПЕТРОВ

*Дом Русского Зарубежья
им. А. Солженицына (Москва)*

Алексей Павлович Будберг, несомненно, является видной фигурой в истории Белого движения на Востоке России. Он родился 21 мая 1869 в семье пехотного офицера – обрусевшего потомка старинного лифляндского рода (полная его фамилия – барон Будберг фон Беннинхгаузен фрайхер фон Зеннен). В 1879 Алексей Будберг поступил в Орловский Бахтина кадетский корпус, затем в 1886 – в Михайловское артиллерийское училище, по окончании которого 10 августа 1889 был выпущен подпоручиком в Варшаву, в 3-ю гвардейскую гренатерскую артиллерийскую бригаду. Через три года, в 1892, он поступил в Николаевскую Академию Генерального Штаба, которую закончил в 1895 по 1-му разряду с причислением к Генеральному Штабу и с производством в штабс-капитаны¹. К удивлению преподавателей, молодой офицер по собственному желанию избрал службу на Дальнем Востоке, при штабе Приамурского военного округа.

petrov963@yandex.ru

¹ Список Генерального Штаба. Исправлен на 1 июля 1914 г. Пг., 1914. С 204.

Здесь он прослужил последующие 19 лет, пройдя путь от обер-офицера для поручений при штабе округа до генерал-майора (произведен в 1910) и генерал-квартирмейстера того же штаба². Но служба и карьера давались ему отнюдь не легко, и виной тому был его резкий неуживчивый характер. Обладая острым аналитическим умом и прекрасной памятью, Алексей Павлович с энтузиазмом брался за любую работу, с ходу предлагая многочисленные нововведения, но чаще всего встречал непонимание со стороны начальников, не желавших менять старый, годами сложившийся ход работы. В результате первые трения быстро переходили в острые служебные конфликты, и «фронда капитана Будберга» стала привычным явлением в штабе округа. У самого Алексея Павловича эти конфликты отнимали много сил и заставляли его постоянно переходить с места на место: из Хабаровска – в Благовещенск, Никольск-Уссурийский и обратно. Во время восстания «боксеров» в Китае в 1900 Алексей Павлович был назначен начальником штаба в отряд ген. П.К. Ренненкамппа, но после первого же боя вынужден был оставить свой пост, поскольку отказался подписывать реляцию с неправомерно раздутыми цифрами численности противника и его потерь³. Понятно, что все эти инциденты не улучшали его характер; постепенно у него формировался комплекс «неудачника» и «непризнанного гения».

В 1902 полковник Будберг был назначен начальником штаба Владивостокской крепости и сразу же повел борьбу за ее кардинальную модернизацию. Однако до начала Русско-японской войны 1904–1905 дело это так и не сдвинулось с места. Всю войну Алексей Павлович провел в той же должности, вдали от полей сражений. После войны вопрос о перестройке крепости приобрел первостепенное значение, и Будбергу после долгих усилий, путем личного обращения к императору Николаю II, удалось добиться выделения на эти цели 2 миллионов рублей. В 1911–1912 крепость Владивосток была полностью перестроена в соответствии с последними достижениями военной науки. Казалось бы, Будберг должен был гордиться этим своим несомненным достижением, но он был недоволен ходом строительства и требовал все новых и новых улучшений. В результате он покинул в 1913 пост начальника штаба крепости, разочарованный результатами своей работы⁴.

С началом Первой мировой войны, генерал Будберг в октябре 1914 был назначен генерал-квартирмейстером штаба 10-й армии Северо-Западного фронта, а в декабре 1914 стал начальником штаба этой армии. В конце октября армии удалось нанести короткий контрудар по врагу (за разработку его плана

² Список Генерального штаба. Указ. изд. С.204.

³ Лучков Ф.А. Барон А.П. Будберг. Жизнь и деятельность // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. (Сан-Франциско). № 182. Декабрь 1946. С.10.

⁴ Лучков Ф.А. Указ. соч. С.10–14.

А.П. Будберг был награжден Георгиевским оружием), но затем ей была поставлена пассивная задача, а почти половина ее сил передана в другие соединения. Между тем немцы накапливали войска перед ее фронтом. Озабоченный этим, Алексей Павлович несколько раз пытался обратить на это внимание командующего армией генерала Ф.В. Сиверса, но тот считал все тревоги излишними. В результате прав оказался Будберг: 25 января 1915 немцы прорвали фронт 10-й армии; возникла опасность ее полного окружения. Однако несколько попыток Будберга вывести войска из-под удара были пресечены Сиверсом, который все еще оценивал обстановку излишне оптимистично. Все закончилось окружением и гибелью 20-го армейского корпуса в Августовских лесах. Виновниками катастрофы были признаны Сиверс и Будберг, которые были сняты со своих постов⁵. Эта история еще более закрепила в душе Алексея Павловича горькое сознание собственного бессилия, невозможности предотвратить развитие событий по самому худшему сценарию.

Несколько месяцев Будберг пробыл на должности генерала для поручений при командующем 1-й армией, а в августе 1915 был назначен командующим сначала 40-й пехотной, а затем – 70-й пехотной дивизией. Он был ранен в боях и отравлен газами, награжден боевыми орденами и за отличия в боях произведен 8 марта 1916 в генерал-лейтенанты. В апреле 1917 Алексей Павлович был назначен командующим 14-м армейским корпусом; на этом посту ему пришлось пережить развал армии. Он покинул свой пост 14 ноября, уже после большевицкого переворота и выхлопотал себе фиктивную командировку на Дальний Восток⁶.

В феврале 1918 он вместе с семьей прибыл в Харбин, где стал свидетелем зарождения Белого движения в полосе отчуждения КВЖД. Но все виденное вокруг вызывало у него лишь резкое отторжение. В августе 1918 Будберг отклонил предложение генерала Д.Л. Хорвата занять пост помощника военного министра в его «Деловом кабинете». В начале 1919 Алексей Павлович был вызван Верховным правителем и Верховным главнокомандующим А.В. Колчаком в Омск и в конце мая стал помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Д.А. Лебедева и управляющим военным министерством; в августе 1919 Будберг был назначен военным министром, но его попытки наладить правильное снабжение Белых армий по большей части не имели успеха. В октябре 1919, в связи с резким обострением своих болезней (воспаление почек и желчных протоков), Будберг подал в отставку и уехал лечиться в Харбин. После того, как болезнь несколько отступила, он в ноябре 1919 – январе 1920 занимал пост начальника

⁵ См. Будберг А.П. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25.01–08.02.1915 г. Сан-Франциско, [Б.г.].

⁶ Пучков Ф.А. Указ. соч. С. 19–29.; Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т.12. Берлин, 1923. С.197–254.

штаба Приамурского военного округа. После восстания во Владивостоке Будберг эвакуировался в Японию, а затем, в апреле 1921, он с семьей перебрался в США и обосновался в Сан-Франциско.

Когда в 1924 здесь было образовано Общество русских ветеранов Великой войны, Алексей Павлович был избран его председателем; он возглавлял общество до самой своей смерти, являясь одновременно начальником 1-го Северо-Американского отдела РОВС. В рамках общества он развернул широкую научную деятельность, прочел более 100 лекций и издал несколько книг и брошюр, в основном научного характера. Будберг скончался 15 декабря 1945 и был похоронен на Сербском кладбище⁷.

Но из всей этой многогранной и разнообразной деятельности резко выделяется одно сочинение: его «Дневник», опубликованный в 1923–1924 И.В. Гессеном в 12-м, 13-м, 14-м и 15-м томах «Архива русской революции» (Берлин). В этом «Дневнике», охватывающем период с октября 1917 по октябрь 1919, Алексей Павлович подверг самой беспощадной и нелицеприятной критике всех окружавших его политических и военных деятелей, включая и адмирала А.В. Колчака. Все это сделало «Дневник» Будберга чрезвычайно популярным, в первую очередь, среди советских историков и всех критиков Белого движения. В советской России «Дневник» был опубликован в 1929 в сильно усеченном виде⁸, отрывки из него перепечатывались в нескольких сборниках. Обширные цитаты обычно сопровождалась комментариями типа «даже такой махровый белогвардеец, как барон Будберг, ясно осознавал всю гнилость, ничемность и заведомую обреченность кровавого Колчаковского режима...».

Неудивительно, что многие исследователи Белого движения на востоке России, не любят «Дневник» барона Будберга и не считают его надежным и беспристрастным источником. Однако, к сожалению, серьезного научного анализа «Дневника» до сих пор проведено не было. Единственный, кто обращался к этой теме, – историк А.Б. Езеев, комментировавший одно из современных переизданий «Дневника» Будберга. В кратком предисловии к комментариям он написал следующее: «„Дневник“ барона Будберга <...> не является дневником в собственном значении этого слова, – это лишь литературная форма воспоминаний и размышлений с использованием дневниковых записей. Наиболее ярко это видно по величине поденных записей. <...> Отсюда – большое количество анахронизмов в тексте»⁹. В другой статье Езеев

⁷ Пучков Ф.А. Указ. соч. С. 32–34.

⁸ Будберг А., барон. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). Л.: Прибой, 1929.

⁹ Езеев А.Б. Комментарии [к «Дневнику» А.П. Будберга] // Белое дело. Кн. 14: Белый Восток. М., 2003. С. 446.

высказался еще резче, заявив, что «Дневник» является дневником лишь по форме, по содержанию же это – памфлет¹⁰.

Еще одна особенность «Дневника», отмеченная Езеевым: Будберг-мемуарист почти всегда занимает позицию стороннего наблюдателя и в результате «чаще предстает как аккумулятор газетных сообщений, рассказов очевидцев, различных слухов, грязных сплетен». К последним он питает особое пристрастие и заносит их в свой дневник в огромном количестве, не давая себе труда проверить правильность услышанного. Все это снижает ценность дневника как исторического источника; это позволило историку назвать его «кривым зеркалом», отражающем действительные события в искаженном до неузнаваемости виде¹¹.

Я согласен с этими утверждениями и убежден, что при подготовке к печати реальный дневник был подвергнут бароном Будбергом значительной правке. Но попыткам глубокого анализа «Дневника» мешает одно обстоятельство: обычно, обрушивая потоки ругани на головы окружающих людей, Алексей Павлович не дает себе труда внятно описать событие, вызвавшее его гнев, так что порой просто невозможно понять – что же произошло в реальности. В результате приходится обращаться к мемуарам окружающих его людей (если таковые их оставили). И практически всегда, когда удастся сопоставить «Дневник» с другими источниками, выясняется, что Будберг «перегнул палку», в той или иной степени – но возвел напраслину на «заклеймленного» им человека¹².

Особого разбора требует вопрос «предсказаний» барона Будберга. Действительно, на страницах «Дневника» Алексей Петрович не раз предсказывал провал тех или иных мероприятий правительства, поражение во многих сражениях, – и каждый раз, вроде бы, оказывался прав. Из-за этого окружающие даже прозвали его «Наша Кассандра». Однако, даже оставив подозрение, что некоторые из этих пророчеств вписаны постфактум (что, не имея рукописи подлинного дневника, доказать невозможно), все же следует обратить внимание, во-первых, на то, чем он мотивирует неизбежность очередного поражения, и, во-вторых, – на альтернативную стратегию, которую он при этом предлагает. Как военный историк, обращусь к наиболее яркому примеру – к сражению 17–30 июля 1919 под Челябинском.

¹⁰ Езеев А.Б. К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности». (Из истории Георгиевских наград на Востоке России в 1918–1919 гг.) // Военная быль. [1993]. № 4 (133). С. 9.

¹¹ Там же.

¹² С этой особенностью «Дневника» мне пришлось столкнуться при изучении биографии полковника Н.В. Орлова. (См. Петров А.А. Судьба Заамурца: Новые данные к биографии полковника Николая Васильевича Орлова // Право на имя. Биографика 20 века. Седьмые чтения памяти Вениамина Иофе. Сборник статей. СПб., 2010. С.173–183).

План Челябинского сражения был разработан начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом Д.А. Лебедевым и командующим 3-й армией генералом К.В. Сахаровым и предусматривал сдачу Челябинска красным с одновременным переходом в наступление к северу от города Уфимской группы генерала С.Н. Войцеховского и к югу от Челябинска – Волжской группы генерала В.О. Каппеля. В идеале должны были получиться классические «Канны» с окружением и полным разгромом 5-й Красной армии М.Н. Тухачевского. При этом положение белых осложнялось тем, что расположенная к северу Сибирская армия (разделяемая в это время на 1-ю и 2-ю) находилась в полном расстройстве, отступала, оставив Екатеринбург, и не могла ничем помочь 3-й армии Сахарова. Поэтому Лебедев и Сахаров выпросили для операции единственные более или менее готовые стратегические резервы: сформированные в Омском военном округе 11-ю, 12-ю и 13-ю стрелковые дивизии.

Будберг узнал об этом плане 25 июля (в тот день, когда тот начал осуществляться) и считал его абсолютно невыполнимым. Лебедева и Сахарова он в «Дневнике» обозвал «стратегическими младенцами», заявив:

Оба честолюбца, очевидно, не понимают, что они делают; ведь на их безумную карту ставится вся судьба сибирского белого движения, ибо при неудаче нам нет уже спасения, и нам едва ли удастся восстановить нашу военную силу.

На следующий день (26 июня) он добавил:

Узнал в ставке кое-какие подробности сумбурной операции, рожденной мудрыми главами Лебедева и Сахарова; оказалось, что мы задумали повторить Мамаево побоище с заманиванием красных в ловушку при помощи добровольного очищения челябинского узла; считают, что красные бросятся на эту приманку, после чего их там захлопнут при помощи очень сложного маневра, в котором главная роль захлопывающих крыльев отведена совершенно сырым в боевом отношении дивизиям Омского округа и конным частям.

С бумажной, теоретической точки зрения все это очень красиво и заманчиво, так что немудрено, что ничего не понимающий в сухопутном деле адмирал согласился на эту операцию; но с точки зрения реального выполнения и оценки средств выполнения операция совершенно безумная и возможная только при условии, что красные представляют стадо баранов и скикуют при первом же обнаружении нашего гениального плана; а так как на это нет никаких надежд и так как мы замахиваемся совершенно негодными для исполнения средствами, то у меня – по крайней мере – весь шанс на успех заключается в авоське и заступничестве Николая Чудотворца.

Страшно думать, что сложнейшая и труднейшая задача окружения неприятеля путем крайне рискованного маневра, требующего энергичного прорыва и сложного захождения боевого порядка, возложена на еще не бывшие в бою части. Я видел на войне много десятков разных дивизий и думаю, что лишь немногие из них, да и то только в самом начале войны, были способны выполнить такой маневр, который возложен теперь на милиционные части, с очень слабыми кадрами, с отсутствием понятий и практики в самых простых маневрах и с насильно набранным составом солдат, не желающих воевать.¹³

Казалось бы, Алексей Павлович оказался прав, наступление не удалось, и 30 июля войскам 3-й армии пришлось начать общий отход. Но на деле основные причины поражения не соответствуют тем, что назвал он. В реальности обход осуществляли проверенные боевые части, состоявшие из ветеранов (в группе Войцеховского это были 4-я Уфимская и 8-я Камская стрелковые дивизии, а также Ижевская стрелковая бригада). Из войск резерва 13-я Сибирская дивизия была влита в группу Войцеховского, а две другие – охраняли фланги армии. Однако именно эти тыловые дивизии и предопределили неуспех операции. По своей численности они превосходили фронтовые корпуса, но в первом же бою они не просто потерпели неудачу – они буквально растаяли, поскольку большая часть их личного состава перешла к красным. Как выяснилось, в них не были вовремя распознаны большевистские ячейки, которые в нужный момент и сделали свое черное дело¹⁴. Подобный провал с подготовкой тыловых подкреплений никак не зависел ни от излишней рискованности стратегии Сахарова, ни от «недостаточной тактической подготовки» или «сырости» войск. Это был провал всей системы подготовки резервов (за которую, в частности, отвечал и сам Будберг). Добавим, что большая часть этих перебежек произошла в первые дни сражения, до начала выполнения главного стратегического плана. А после развала дивизий у Сахарова уже не хватало сил для его правильного выполнения. Группа Войцеховского все же имела значительный успех, тогда как численно слабейшая группа Каппеля успеха не добилась. Но с севера в тыл Войцеховскому выходили свежие красные части, и тому пришлось 29 июля, прикрываясь заслоном из Ижевской бригады, поспешно отходить обратно, «вытягиваясь из мешка». Помогло ему бездарное руководство со стороны Тухачевского, не сумевшего реализовать благоприятную ситуацию. В результате белым удалось относительно благополучно

¹³ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 14. Берлин, 1924. С. 184–187.

¹⁴ См.: Мейбом Ф.Ф. Гибель 13-й Сибирской стрелковой дивизии в боях под городом Челябинском в 1919 году // Первопоходник (Лос-Анджелес). 1974. № 17–18, февраль–апрель.

отступить, и это поражение не стало для них катастрофой¹⁵. Таким образом, о «верном предвидении» Будбергом хода и исхода битвы можно говорить лишь с очень большой натяжкой.

Но еще интереснее проанализировать, какую альтернативную стратегию предлагает при этом Будберг:

Утром был у Бурлина с проектом собрать немедленно всех шатающихся по Омску генералов, военных инженеров и офицеров и экстренно отправить их на рекогносцировки рек Тобола и Ишима и на составление проекта их укрепления; одновременно организовать рабочие команды из благодушствующих обывателей и отправить их туда же для производства фортификационных работ.

Если это сделать, то будет куда отвести наши расстроенные части и за чем задержаться, а быть может, и отстояться; за готовой линией, при превосходстве в артиллерии, на изученной заблаговременно местности, при содействии военной техники и аэропланов, мы наверное задержим красных, не сильных качественно и не способных на штурм укрепленных позиций; последние будут иметь и крупное нравственное значение, ибо поднимут дух войск, ослабят боязнь прорыва и обхода, а это сейчас главное.¹⁶

Таким образом, суть его плана: отказаться от любых попыток наступления по меньшей мере до весны 1920, а пока закрепиться на линии Тобола либо Ишима, создать там прочную линию обороны, с долговременными сооружениями, колючей проволокой, многочисленной артиллерией и пулеметами, чтобы «отсидеться» за ней. Похоже, Будберг в данном случае мыслит реалиями Первой мировой войны и не способен соотнести их с действительностью. Но любой военный историк сейчас может сразу сказать: за всю историю Гражданской войны в России не было случая, когда численно слабейшая Белая армия смогла отсидеться за укреплениями. Даже такие сильные позиции, как Перекоп и Волочаевка, были взяты красными – за счет обхода и недостаточности сил, чтобы их защитить. Непрерывная линия фронта протяженностью в несколько сот километров в этих условиях могла существовать лишь на бумаге. Одно из основополагающих правил Гражданской войны гласит: «Если нет сил обороняться – переходи в наступление». Но Будберг не понимает этого, он не ощущает реалий Гражданской войны, не осознает, что подобные предложения, в случае их принятия, привели бы к полному разгрому.

¹⁵ Ефимов А. Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920 гг. М., 2008. С. 150–164.

¹⁶ Будберг А. П. Дневник. // Архив русской революции. Т. 14. Берлин, 1924. С. 190.

Той же схоластической меркой Алексей Павлович меряет и белых военачальников. О его отношении к «главкотяпу» Лебедеву и «бетоноголовому» Сахарову уже говорилось выше. Но, по большому счету, все они лишь представители ненавистного ему слоя «выскачок», «генерал-лейтенантов из вчерашних штабс-капитанов» которые, по его мнению, ничего не понимают в управлении войсками, а только и знают, что самим лично с винтовкой в руках броситься в атаку впереди своих дивизий и корпусов. Но под эти критерии попадают также самые знаменитые, самые результативные белые полководцы на Востоке России – В.О. Каппель, С.Н. Войцеховский и В.М. Молчанов. В «Дневнике» их фамилии почти не упоминаются, но все критические стрелы направлены в том числе и в них. В этом вопросе особенно видна слабость позиции Будберга. Ведь все эти «выскачки» оказались востребованы потому, что в момент выступления Чешско-Словацкого корпуса летом 1918 именно они оказались достаточно решительными, может быть, даже безрассудными, чтобы возглавить первые добровольческие отряды и начать заведомо неравную борьбу против большевиков. Они хорошо знали психологию своих бойцов, – и для поддержания высокого боевого духа были готовы в случае необходимости лично возглавить атаку с оружием в руках. Эти их качества оказались особенно ценны и в дальнейшем – во время Великого Сибирского Ледяного похода зимой 1919–1920.

Будберг противопоставляет им «настоящих генералов», таких как Д.Я. Милович, разделявших его пессимизм. Между тем, именно Милович летом 1918, когда молодые офицеры предложили ему возглавить первые части Народной армии Комуча, поспешно уехал на восток, чтобы не участвовать в безнадежной авантюре. Впоследствии он возглавил 1-ю кавалерийскую дивизию, однако в Сибирском Ледяном походе под г. Канском предпочел бросить дивизию и уехать одному на восток в чешском эшелоне. К сожалению, этот пример показателен: многие «настоящие» генералы не готовы были брать на себя ответственность вести борьбу с минимальными шансами на успех, предоставляя это право «выскачкам».

Казалось бы, все эти пассажи из «Дневника» Будберга, задевавшие слишком многих, должны были встретить в эмигрантской среде резкую отповедь. Но этого не случилось. Уважение, которым Алексей Павлович был окружен в последние годы жизни в кругу членов Общества русских ветеранов Великой войны, не позволяло им высказывать свои возражения¹⁷. Однако нашелся человек, который однажды прямо сказал Алексею Павловичу в лицо, что он думает о подобных рассуждениях; это был командир Ижевцев нестигаемый генерал В.М. Молчанов. Вот как он сам вспоминал об этом позднее:

¹⁷ Один из членов общества высказался по этому поводу очень обтекаемо: «читал его „Дневник“, опубликование которого казалось не своевременным, и который рисовал автора резким в оценках событий и людей» (Бельский В. Барон А.П. Будберг – председатель общества (эпизоды и штрихи) // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны № 182. С. 61.)

Офицеры нужны были на фронте! Особенно те остатки кадровых офицеров и высшие чины, все эти генералы. Почему они не пришли командовать нами, а почему они нас критиковали вовсю? И здесь у меня был даже разговор с такими, как генерал Будберг и генерал Манакин: они у меня сидят в доме на ферме (т.е. ферме. – А.П.) и критикуют всех нас, всех «выскочек» (как они говорили) во время Колчака. А я возмущился и говорю:

– Вы, Ваше Превосходительство, как Вы можете говорить в присутствии моём?!

– Мы про Вас не говорим, это про других мы говорим.

– Вы и про других не имеете права [говорить], потому что Вы не пошли, – я говорю. – Вы, барон Будберг, занимали пост военного министра – Вы укрылись! А почему Вы не пошли командовать корпусом, почему Вы не пошли командовать дивизией? Наладить это дело? Простите, потому, что Вы не были подходящи для этого. Потому, что Вы знали: дивизия, по-вашему, – это 14 тысяч штыков, а мы дивизией считаем – у нас до 1500 штыков доходило. И выполняли дивизионные задачи.¹⁸

Эти слова Молчанова косвенно подтвердил также генерал Ф.А. Пучков, ближайший сподвижник Будберга в деле руководства Обществом русских ветеранов Великой войны (сменивший его затем на посту председателя и написавший для «Вестника» общества развернутую биографию Будберга). Описывая в своих мемуарах военный совет в деревне Милино перед прорывом мимо Красноярска (4 января 1920), Пучков нарисовал следующую картину:

Я пришел одним из последних и нашел в маленькой накуренной комнате блестящее общество. Кроме ген. Каппеля и его начальника Штаба ген. Богословского, здесь были бывший Главнокомандующий ген. Сахаров, его помощник ген. Иванов-Ринов, группа старых профессоров Академии, начальствующие лица Уфимской группы и еще несколько неизвестных мне лиц. «Своеобразный Совет в Филях», невольно подумалось мне; на этот раз, однако, председательствовал не убеленный сединами старец, а молодой Каппель, и обращался исключительно к строевым начальникам, большинство коих было не старше его, – старики были только в качестве почетных пассажиров похода. Гражданская война потребовала, по-видимому, прежде всего молодых нервов и юного дерзания, или же своего рода «мужества неведения»; большинство старших офицеров предпочло роль наблюдателей, иногда благожелательных, зачастую резко критических.¹⁹

¹⁸ Молчанов В.М. Последний Белый генерал. М., 2009. С. 109–110.

¹⁹ Пучков Ф.А. 8-ая Камская стр. Дивизия в Сибирском Ледяном Походе // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. № 52–53. С. 39.

Барона Будберга не было на этом совете, но слова о стариках – «почетных пассажирах», которые предпочли роль сторонних наблюдателей, «зачастую резко критических», – относится к нему в полной мере. Впрочем, он и сам внутренне осознавал это. 3 августа 1919, находясь в особо мрачном расположении духа, он записал в дневнике:

...чем скорее я уйду, тем будет лучше для дела, так как я совсем не подхожу к характеру адмирала и всей Омской обстановки, а тогда мое движение против общего течения бесполезно, а для общей системы, – <...> даже вредно.

Я слишком резок для адмирала; его уверили, что я мрачный пессимист; что моя окраска всегда сгущена; что я вижу всегда только скверное; что я вздорен и неуживчив <...> Я знаю, что те, кому я мешаю в их честолюбии и личных делах и которые боятся моей резкой критики и прямолинейности, пользуются всяким случаем, чтобы показать, что я желчный и завистливый брюзга, которому хочется во все совать свой нос и который по неуживчивости характера и неудовлетворенному честолюбию на все ворчит. <...>

...доказать это не трудно, ибо вся моя деятельность идет вразрез со всем остальным, причем в оценках, критике, выражениях, характеристиках, а иногда и распоряжениях я действительно не стесняюсь... <...>

... мой, так называемый, пессимизм и мое отчаяние от предвидения будущего вся эта темная компания оценивает как озлобленность честолюбца и зависть...²⁰

К сожалению, Алексей Павлович Будберг, пусть и от имени «честолюбцев и темных завистников», сказал о себе шутя правду. Он действительно был незаурядным человеком, чрезвычайно умным, обладающим огромными знаниями и опытом. Он действительно был честолюбив (каковым и должен быть настоящий военный), но его честолюбие, как видно из биографии, не нашло себе должного применения. Это озлобило его, превратило в желчного и мрачного пессимиста, предпочитающего дерзанию – критику со стороны. Поэтому он по большому счету так и не смог принести настоящую пользу Белому движению на Востоке России. А глубокое внутреннее осознание своей ненужности и никчемности, в свою очередь, – вылилось на страницы его «Дневника» в виде потоков грязи, площадной брани и немотивированных оскорблений в адрес адмирала Колчака и его сподвижников.

²⁰ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т.15. Берлин, 1924. С. 255.

Петр Мицнер

«Не нужно рассчитывать на интеллект людей с оружием в руках»

Судьба и исследовательский метод
Михала Борвича

Петр МИЦНЕР

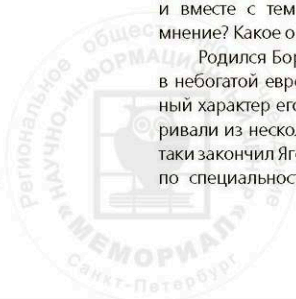
*профессор истории литературы и театра
Университета Кардинала Стефана
Вышинского, доктор театроведения,
заместитель главного редактора
журнала «Новая Польша»*

Когда в 1980-е годы Чеслав Милош в книге «Свидетельство поэзии» ссылаясь на авторитет Михала Борвича, немногие из читателей знали, о ком идет речь. Тем более поражала проницательность его цитировавших Милошем соображений о той литературе, которая создавалась во времена немецкой оккупации. Наиболее важным представлялось наблюдение, что низкий художественный уровень этих произведений заключается в следующем: человек в крайней ситуации не в состоянии назвать то, с чем он сталкивается, поскольку его разум прячется в готовые клише, усвоенные когда-то литературные штампы.

Кем же был этот человек, который посмел высказать столь очевидное и вместе с тем столь кощунственное мнение? Какое он имел на то право?

Родился Борвич в Кракове в 1911 в небогатой еврейской семье, за трудный характер его раз за разом вышвыривали из нескольких школ, но он все-таки закончил Ягеллонский университет по специальности «польская филоло-

pmitzner55@gmail.com

гия», а его наставником был выдающийся полонист и публикатор Станислав Пигонь. После завершения учебы занимался популяризацией истории литературы по радио и в газетах. Тогда он еще пользовался семейным именем и фамилией Максимилиан Борухович. Активно действовал в Союзе пацифистов, позднее – в Польской социалистической партии (ПСП). А незадолго перед началом войны приступил к работе над монографией о Станиславе Бжозовском. Решение было спорным, ибо у этого писателя – неспокойного духа польского модернизма, врага шляхетского невежества и слепого революционного фанатизма – имелось множество врагов и среди патриотов-консерваторов и среди старых социалистов. За ним тянулись несправедливые обвинения в сотрудничестве с охранкой. Боруховичу хотелось писать прежде всего о трагизме идей и судьбы Бжозовского. Создать книгу не удалось. Во второй половине августа 1939 Борухович находился в научной поездке в Женеве. Однако в связи с мобилизацией вернулся. Разразилась война. Он оказался в армии и попал в немецкий плен, откуда, естественно, сразу же бежал.

И очутился в занятом Красной армией Львове. Польские интеллектуалы, которые в ту пору попали туда, разделились на две категории. Часть из них приняла новую ситуацию – действовала, писала в соответствии с требованиями соцреализма и сталинской пропаганды. Другие (к ним принадлежали, например, один из творцов польского футуризма Александр Ват, Владислав Броневский, а также и Борухович) старались продержаться, ни во что не вовлекаясь, скрывая свои взгляды и пытаясь не попадаться власти на глаза. И Вата, и Броневского наряду с другими арестовали. Борухович уцелел – видимо, потому, что не был известным писателем.

После прихода немцев он скрывался, но на исходе 1942 при переброске оружия в гетто, его арестовали и посадили в Яновский концентрационный лагерь во Львове. Впоследствии Борвич назовет его в своих воспоминаниях «университетом извергов», так как лагерь этот отличался исключительным скоплением садистов среди начальников. Там он пережил собственную смерть, когда, будучи приговоренным к повешению, сорвался с виселицы. Невзирая на такие чудовищные условия, он не только писал стихи сам, но и вел нечто наподобие литературного салона в бараке, уговаривал окружающих писать, собирал и прятал тексты на территории лагеря. Через год ему удалось бежать. В Кракове он установил контакт с подпольным социалистическим движением и стал командиром партизанского отряда в Меховском повате, где прославился «лихими выпадами»¹ против немцев. Борвич поддерживал постоянные контакты с социалистической подпольной организацией, действовавшей на территории лагеря в Освенциме и руководимой его давним школьным товарищем Юзефом Циранкевичем.

¹ Scharf R.F. O Michale Borwicu [О Михале Борвиче]//Puls. 1988. № 37.

А после войны именно Циранкевич, который формировал «дозволенную» ПСП, предложил Борвичу (уже употреблявшему тогда сокращенную фамилию) сотрудничество — вступление в партию с перспективой интересной карьеры. Тот отказался. Не верил он и в смысл дальнейших партизанских действий, — а ведь многие его коллеги остались в подполье. И начал действовать в Еврейской исторической комиссии, сознательно выбирая маргинализацию. В течение двух лет ему удалось издать более десятка необычайно важных книг — по-польски и на идиш. Это были источники к истории Катастрофы (дневники, мемуары, стихотворения), а также анализ указанных источников, собственные воспоминания и, наконец, объемистый том «Песнь уцелеет невредимой... Антология стихотворений о евреях под немецкой оккупацией». Нужно еще добавить, что Борвич нарушил принцип, сформулированный в названии, — добавил туда еще и стихотворения, являвшиеся реакцией на послевоенные еврейские погромы в Кракове и Кельце.

Сразу же после опубликования этой книги, в марте 1947, он был вынужден бежать из Польши под угрозой ареста. Между прочим, предостерег его сам Циранкевич, в тот момент уже не только генеральный секретарь ПСП, но и премьер-министр.

Борвич забрал с собою чемодан с рукописями и через Стокгольм выехал на Запад. Поселился он в Париже. Основал здесь Центр исследований истории польских евреев, занимавшийся в первую очередь документированием и анализом источников к истории Катастрофы. По истечении нескольких лет он решил получить в Сорбонне докторскую степень по социологии. Темой диссертации должны были стать тексты, возникшие перед лицом смерти под германской оккупацией, причем как в Восточной Европе, так и в Западной. Его научный руководитель, видный социолог Жорж Гурвич, выходец из Новороссийска, испытывал сомнения — более всего опасался, что автор слишком хорошо знает тему и не сумеет решиться на дистанцирование от нее, а также считал, что в научной работе нельзя пользоваться личным опытом. Борвич был, однако, человеком упорным и настойчивым. Работу он написал, умело употребляя инструментарий социологии, филологии, истории, психологии, и защитил ее с отличием. Она была напечатана дважды: в 1954² — университетским издательством и в 1973, в расширенном виде, — издательством «Галлимар»³.

Вплоть до самой смерти Борвич был небывало активен: отредактировал монументальный альбом «Тысяча лет жизни евреев в Польше» (по-французски), трехтомную работу о том, как скрывались евреи, — «Арийские

² Borwicz M. *Écrits des condamnés à mort sous l'occupation allemande (1939–1945). Étude sociologique* [Произведения приговоренных к смерти под немецкой оккупацией... Социологическое исследование]. Paris: Presses Universitaires de France, 1954.

³ Кстати, с «политкорректно» измененным названием: «... к смерти под нацистской оккупацией».

бумаги» (на идиш), сотрудничал с польской эмигрантской прессой (парижская «Культура», лондонские «Вядомосци») и с еврейской секцией французского радио. Вел научную работу в Национальном центре научных исследований (Centre National de la Recherche Scientifique).

Борвич не порывал контактов со страной. Вел переписку со своим «мэтром» Станиславом Пигонем – вплоть до смерти профессора в 1968. На родину приехал один раз, осенью 1981, когда Польша захлебывалась свободой. Первым делом хотел увидеть родной Краков. Заскочил также в Варшаву; здесь провел Циранкевича⁴, уже преданного анафеме и отстраненного от власти. Их сугубо личный, полный воспоминаний разговор был приятным, но Борвич спешил на очередную дружескую встречу. «Могу тебя подвезти, – предложил бывший премьер. – А к кому ты едешь?». – «К Пайдаку». Циранкевич никак этого не прокомментировал и отвез гостя, разве только остановил автомашину на несколько домов раньше. Дело в том, что Антони Пайдак был не только старым социалистом, не только одним из приговоренных в московском процессе шестнадцати руководителей польского подпольного государства в 1945, но также диссидентом, соучредителем Комитета защиты рабочих в 1976 и человеком, которого весной 1981 жестоко избили так называемые «неустановленные лица». Таковы три радикально разные судьбы членов предвоенной и военной польской соцпартии.

Впрочем, Борвич до конца жизни защищал Циранкевича, подчеркивая его роль в освенцимском подполье. По его утверждению, «после варшавского восстания немцы хотели перебить всех узников. И тогда Циранкевич передал на Запад (ксивы шли через Борвича. – П.М.) фамилии всех эсэсовцев. Такое разглашение перепугало немцев»⁵.

Умер он внезапно – в 1987 в Ницце, и в соответствии с завещанием был похоронен в кибуце Кабри в Галилее, а его архив попал в собрание института «Яд Вашем».

Если бы мне потребовалось максимально кратким образом определить исследовательский метод Михала Борвича, я бы сказал, что наиболее важным качеством для него была осторожность. Абсолютной новостью на польской почве явились опубликованные им в 1945 инструкции для тех, кто собирает устные воспоминания жертв гитлеровских репрессий, и отдельные указания, касавшиеся этнографических материалов. Там рекомендовалось обращать внимание на мелкие житейские эпизоды, на самые с виду, вроде бы, несущественные реалии военного быта, на язык биографического

⁴ *Sonik B. Ostatnia rozmowa z Michałem Borwiczem* [Последняя беседа с Михаилом Борвичем] // *Tygodnik Powszechny*. 1988. № 29.

⁵ Там же.

нарратива. Особый вес придавал он текстам, неправильным в языковом отношении. Ведь неправильность разбивает скорлупу стереотипа.

При этом Борвич знал: чтобы добраться до читателя, надо при написании текстов пользоваться некими клише. Посему он сознательно давал своим книгам названия, папахивающие сенсацией: «Любовь и раса», «Университет извергов», «Из-под виселицы в глубинку», — или же отсылающие к повсеместно известным и банализированным цитатам, вроде «Песнь уцелеет невредимой...» (это слова из «Конрада Валленрода» Мицкевича).

К собиравшимся им и публикуемым литературным текстам: профессиональных писателей и любителей, взрослых и детей, людей нормальных и безумцев, подписанным и анонимным — Борвич относился в принципе одинаково. Это были для него особенно концентрированные по форме свидетельства людских судеб, а их ценность заключалась в том, что возникали они в предельной ситуации. Поэтому Борвич с таким вниманием анализировал уцелевшие в подвалах гетто естественные завещания и последние слова, вписанные в дневники нередко в момент, когда в дверь уже ломились немецкие солдаты. Исследователь неоднократно подчеркивал также факт этого бегства сознания от необходимости называть те вещи, которые были для него новыми, бегства в стереотип и банальность, в «коварные слова». Усвоенные некогда избитые фразы и цитаты люди «отрывали», как пишет Борвич, словно плохо переваренную пищу.

Борвич задумывался над своеобразным явлением — склонностью писать о собственной жизни в третьем лице, беллетризовать собственные переживания, мало того — даже расписывать их в жанре драмы, поскольку и таких текстов ему удалось собрать изрядное количество. Он констатировал, что, вероятно, здесь имеет место своего рода терапевтическое дистанцирование, но воздерживался от выводов, которые шли бы дальше этого. В подобных случаях в его исследованиях появлялось пространство недосказанностей.

Весьма сложным и любопытным является отношение Борвича к вопросу о народе. Никогда и нигде он, насколько мне известно, не высказывался как еврей или поляк. Когда его спрашивали об этом, он отвечал по-разному. Чтобы отделаться: «Этикетки для меня несущественны», — либо с пафосом (такое случилось с ним очень редко): «Моя родина — это правда». Составляя антологию «Песнь уцелеет невредимой...», Борвич не поддавался уговорам разбить авторов по происхождению на евреев и неевреев, заявив напрямую, что такое разделение стало бы применением Нюрнбергских расовых законов к свидетельствам человеческого духа и человеческих судеб.

Это не означает, что он отвергал категорию народа и не обращал внимания на конфликты между нациями. Когда вышла в свет антология Владислава Бартошевского «Тот с отчизны моей...», документирующая польскую помощь евреям в период войны, Борвич отметил, что гораздо более достоверной была бы книга,

показывающая и светлые, и темные стороны польско-еврейских отношений во времена оккупации, так как героизм выглядит отчетливее на фоне подлости, а в польском обществе той эпохи присутствовали обе эти позиции. Антисемитизм имел, разумеется, еще довоенное происхождение, когда он «был таким густым, что его можно было нарезать»⁶.

Безусловно, Борвич обладал темпераментом исследователя, который даже собственный опыт и переживания хочет рассматривать с многих сторон и подвергает сомнению всё, в том числе и собственную достоверность. Такой темперамент исследователя привел к тому, что, по существу, он не написал текста, являвшегося в полной мере автобиографическим, но во всех своих работах прямо или косвенно обращался к собственному опыту. Убежденность, что существуют такие события, описать которые невозможно, ибо язык не в состоянии их выразить, продиктовало ему описание собственной казни. Он знал и мог рассказать о ней столько, что не сумел перевести дыхание и набрать воздух в легкие, а потом уже лежал на земле с оборванной веревкой на шее. Что он тогда думал? Ничего.

Повторю еще раз: главной для Борвича была настороженность. Я бы даже сказал «недоверчивость» – по отношению к памяти, языку, по отношению к самому себе. В 1943, как я уже сказал, этот недавний пацифист, типичный интеллеktуал, стал командиром большой партизанской группировки, но, едва только это оказалось возможным, разоружился, говоря: «Не нужно рассчитывать на интеллект людей с оружием в руках»⁷. Но он не доверял также и человеку, держащему в руке карандаш либо перо (мы бы добавили: и магнитофон). Не доверял ни свидетелям истории, ни ее исследователям. Не доверял языку.

⁶ Etykiety są dla mnie nieistotne. Z Michałem Borwiczem rozmawia Maria de Hernandez-Paluch [Этикетки для меня несущественны. С Михалом Борвичем беседует Мария де Эрнандес-Палюх] // Kontakt. 1988. № 9.

⁷ Там же.

Ирина Обухова-Зелинская

Юрий Анненков – создатель биографических мифов и объект мифологизации

Ирина Владимировна
ОБУХОВА-ЗЕЛИНСКАЯ

Кандидат искусствоведения (Варшава)

Обычно мемуары являются одним из неперенных источников для составления жизнеописания (художественной реконструкции биографии) их автора, даже если он сам не рассматривал себя как главный объект воспоминаний, а сосредотачивал внимание, например, на выдающихся людях (или одном человеке), с которыми его свела жизнь, или на описании событий важного исторического периода. Тем не менее, для адекватного понимания текста, логики изложения и влияния взглядов автора на предложенный читателю материал, желательно иметь какое-то представление о нем и о событиях его жизни. В том случае, если в поле зрения читателей и исследователей попадает текст воспоминаний автора, не оставившего никаких иных следов в истории, то его психологический портрет и биографические сюжеты приходится вычитывать из имеющегося текста и домысливать по косвенным сообщениям. Это неизбежно ведет к абберациям смысла, а заполнение биографических

obuchowa.irina@gmail.com

«белых пятен» чьими бы то ни было предположениями не заменяет достоверного знания фактов. Всем, кто сталкивался с такого рода ситуацией, известно, насколько трудно, ничего не зная об авторе, выработать отношение к самому мемуару и содержащимся в нем сообщениям.

В случае с известнейшим художником и автором многих текстов самого различного жанра, от беллетристики и журнальных очерков до эссе, повестей, романов и мемуарной прозы, Юрием Анненковым, ситуация иная. Его произведения и некоторые обстоятельства жизни, связанные с встречами с известнейшими деятелями культуры и политическими лидерами эпохи, описанные им самим в мемуарном двухтомнике «Дневник моих встреч», настолько широко и повсеместно известны, что создается иллюзия близкого и почти детального знакомства с его биографией. Многие эпизоды «Дневника» вошли не только в научный оборот, но и в интеллигентский фольклор, а остроумные реплики автора цитируются порой как ходячие афоризмы. Все это затеняет очевидный факт, что собственная биография Анненкова не написана, и как читающей публике, так и специалистам известны лишь отдельные ее эпизоды, контекст которых не всегда понимается адекватно.

Вообще говоря, мемуары обычно служат одним из важнейших источников биографического жизнеописания. Собственные высказывания автора по тому или иному поводу придают биографии личностное измерение и позволяют увидеть объект «крупным планом». Тем не менее, собственные воспоминания не могут служить единственным источником биографии автора, даже при максимальной их объективности и большой степени информативности. Особую проблему представляет вольная и невольная мифологизация как описываемых автором событий исторического ряда, так и фрагментов собственной биографии.

Самое известное и объемное произведение Анненкова мемуарного характера – это двухтомный «Дневник моих встреч»¹ (далее – ДМВ), впервые вышедший в Нью-Йорке в 1966. Он сразу произвел большое впечатление в среде русских эмигрантов, что видно по рецензиям и многочисленным письмам, сохранившимся в личном архиве автора. Постепенно книга проникла различными путями в СССР, где с конца 1960-х с ней могли знакомиться и советские читатели. Именно на этот период приходится заметный рост интереса к предреволюционному и раннесоветскому периоду. По распространенности и значению для нескольких поколений русскоязычных читателей ДМВ

¹ Анненков Ю. Дневник моих встреч. Нью-Йорк, 1966. Значительная часть вошедших в книгу очерков (иногда в новой редакции) была известна эмигрантскому читателю с 1950-х, когда они печатались в парижском журнале «Возрождение» и других эмигрантских периодических изданиях. Помимо этой книги Анненков в той или иной форме нередко использовал так называемый мемуарный материал как в своей беллетристике, так и в документальных произведениях. В сумме текстов автобиографического и мемуарного плана в наследии Анненкова набирается немало.

можно сравнить с такими культовыми книгами мемуарного характера (если говорить о книгах), как «На берегах Невы» и «На берегах Сены» И.Одоевцевой, «Курсив мой» Н. Берберовой, «Полтораглазый стрелец» Б.Лившица, «Встречи» В.Пяста, «Воспоминания» Н.Мандельштам, «Некрополь» В.Ходасевича, квазимемуарные новеллы Г.Иванова «Китайские тени» и «Петербургские зимы» (отличающиеся заведомо большей долей беллетризации), первый том воспоминаний И.Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Особой специфической чертой всех перечисленных воспоминаний является то, что молодость и вступление в творческую жизнь авторов пришлось на предреволюционный период, а затем, вследствие мощного социального катаклизма, все они, как те, кто остался в СССР, так и те, кто эмигрировал, оказались в ином социокультурном пространстве.

Почти все авторы названных книг были знакомы между собой, а их мемуары (в той части, где описана жизнь и памятные события столичной художественной богемы пред- и послереволюционного периода, получившие впоследствии красивое название «Серебряный век») могут служить для сопоставления с ДМВ. Такое сопоставление особенно отчетливо выявляет субъективный подход автора, дающий себя знать и в отборе материала, и в его видении, и в способе его подачи читателю. Большинство названных воспоминаний опирается именно на биографическую канву, которая служит сюжетным стержнем описания². Анненков же строит свои воспоминания не «линейно» вдоль оси времени, а тематически.

Анненков не ставил перед собой задачи создания автобиографии или воспоминаний, основанных на биографической канве. ДМВ представляет собой ряд очерков, повествовательная ткань которых гораздо сложнее, чем просто воспоминания об увиденном. Анненков видел свою задачу в создании творческого портрета героя очерка. В этот портрет входили сведения о его творческой деятельности, далеко уводившие параллели и рассуждения о сути и форме его произведений (как, например, очерк о Хлебникове, включивший целый доклад о литературной зауми как жанре). Рассказы о личных встречах – это всего лишь часть целого. Вернее всего определить жанр и стилистику очерков как развернутое эссе с включениями документальных вставок (разного рода документы, письма, фрагменты своих и чужих дневников), огромного количества скрытых и явных цитат и отсылок к изданным и рукописным текстам.

Парадоксальным образом обилие в ДМВ мемуарно-биографического материала ничуть не раскрывает загадок и вопросов, связанных с биографией самого автора. Более того, без особой аналитической работы с этими текстами выстроить событийно-биографическую цепь или проследить эволюцию взглядов автора не так уже легко. Чтобы выстроить описанные автором события

² Исключением является «Некрополь» Ходасевича, состоящий из отдельных очерков-эссе о выдающихся литераторах-символистах, которых автор знал лично и поэтому писал о них, опираясь исключительно на собственные воспоминания и размышления.

в хронологическом порядке и понять, каким образом он оказался в той или иной ситуации и что этому сопутствовало, необходима особая селекция материала. Чаще всего автор выступает в роли свидетеля событий и собеседника героя очерка, сосредотачиваясь на реконструкции беседы или единичного высказывания, чем-то привлечшего его внимание, дает описание внешнего вида героя, двумя-тремя фразами передает впечатление о его манере поведения.

Поскольку в СССР печатное упоминание фамилии Анненкова было очень ограничено, авторы, ссылавшиеся на сообщаемые Анненковым факты, не могли дать ссылку на источник³. Это обстоятельство, как и довольно широкое распространение ДМВ среди столичной интеллигенции, превратили некоторые эпизоды книги почти в бродячие сюжеты. Отчасти этому способствовало то, что Анненков иногда озвучивал курсировавшие когда-то слухи или остроты. В современную устную речь вошли некоторые подмеченные наблюдательным автором забавные выражения.

Традиция ссылаться на ДМВ как на документальный источник информации (без тени сомнения в ее достоверности) бытует повсеместно в показываемых по телевидению документальных фильмах. Напротив, российские литературоведы и историки, теперь уже получившие возможность официально ссылаться на текст ДМВ, как правило, сопровождают ссылку комментарием такого рода: «как известно из не вполне достоверных воспоминаний Ю. Анненкова...» или даже «из недостоверных воспоминаний Ю. Анненкова...». В связи с этим возникают вопросы, какой достоверности ждут от мемуарной литературы представители данных профессий и выделяются ли воспоминания Анненкова особой недостоверностью.

Этап сравнительно-критического подхода к текстам, ставшим уже классическими, наступил лишь после того, как по мере развития «перестройки» стали возможны открытые дискуссии, архивно-документальные и научно-исследовательские публикации, изучение творчества и биографий главных и второстепенных деятелей Серебряного века, раннесоветского периода, развитие эмигрантоведения. Тогда стали заметны проявления тенденциозности или субъективности мемуаристов, допущенные ими умолчания или ошибки памяти.

В отличие от названных текстов-аналогов, ДМВ, несмотря на многочисленные переиздания, ни разу не был издан с комментариями⁴. Таким образом,

³ См., например, признание А. Туркова: Турков А. Ответы на анкету «ВА» // Вопросы анненковедения. 2007. № 63, декабрь. С. 3.

⁴ Единственная попытка была предпринята редакцией Ленинградского отделения издательства «Искусство», выпустившего ДМВ в 1991. В предисловии «От редакции» сообщается: «Не претендуя на строго научную публикацию мемуаров, мы не ставили перед собой задачи сопроводить текст обстоятельным комментарием: дополнить фигурирующие у автора сведения о том или ином лице, событии, указать отсутствующие источники цитат, отметить выявленные расхождения со свидетельствами других мемуаристов об этих же событиях <...> и т.д. При информационной насыщенности „Дневника моих встреч“ подготовка такого комментария требует огромной работы, которая неизбежно отделила бы знакомство читателя с интереснейшими мемуарами» (От редакции // Анненков Ю. Дневник моих встреч. Л.: Искусство, 1991. Т. 1. С. 6).

научно обоснованных мнений о достоверности или недостоверности ДМВ пока нет. Некоторые рассказанные Анненковым эпизоды кому-то казались искусственно сконструированными автором и даже просто выдуманными. Однако там, где оказались возможными сопоставления со свидетельствами третьих лиц или с документальными сведениями, сообщаемые Анненковым факты подтверждались. Небольшие расхождения касались чаще всего указаний места или времени описываемых событий, – в данном случае это лишний раз подтверждают аутентичность воспоминаний, писавшихся по памяти, без сверки со справочной литературой⁵. Опытным читателям мемуаров известно, что чаще всего авторы допускают именно такого рода ошибки (настораживает скорее их отсутствие). В этой части воспоминания Анненкова вполне выдерживают проверку. Самые серьезные возражения вызывают обширные фрагменты прямой речи – она не всегда звучит естественно, хотя это не обязательно свидетельствует о значительных смысловых искажениях содержания высказывания. Иногда в виде прямой речи вводятся цитаты, почерпнутые из печатных источников, что разрушает впечатление достоверности в глазах современного читателя. Например, описывая посещение Смольного в ночь на 26 октября 1917, Анненков вводит в текст довольно обширный фрагмент речи Ленина. Совершенно очевидно, что даже будучи слушателем этой речи, автор не мог запомнить ее с такой точностью. Впрочем, он не маскирует использования печатных источников (хотя в данном случае этого не оговаривает), здесь цитата понадобилась ему не столько для изложения хода событий, сколько для попутной полемики с идеей «мировой социалистической революции».

Что касается остального текста, где автор ДМВ выступает не в роли «очевидца и участника», а как биограф того или иного персонажа очерка, то здесь неточностей гораздо больше, что объясняется общим уровнем знания о предмете в то время. В его изложении не чувствуется сознательной мифологизации прошлого, хотя некоторые упрощения или умолчания позволяют предполагать тенденциозность, свойственную любому человеку. Больше всего вопросов вызывали описанные Анненковым визиты к Ленину в Кремль в связи с выполнением портрета вождя. После публикации в «Новом журнале» очерка о Ленине⁶ обеспокоенный Р. Гуль (в то время – главный редактор «Нового журнала»)

⁵ В качестве примера можно привести волновавшие специалистов по творчеству В. Хлебникова описанные Анненковым в ДМВ его «чуждачества». А. Парнис еще при жизни сестры автора «Дневника» З. П. Анненковой выяснял обстоятельства эпизода с килькой, протянутой по столу, и получил у нее подтверждение, что это действительно было, но не в Куоккале, а в петербургском доме Анненковых (Анненков Ю. Дневник моих встреч. Н.-И., 1966. Т.1. С.149). По поводу спрятанной Хлебниковым под кроватью одежды (Там же. С.148), бывшая жена автора «Дневника» Е. Б. Анненкова напомнила ему в письме от 02.01.1967 (Личный архив Анненкова, частное собрание, Москва. – Архив КЛВН. Поз. 520), что это происходило не в Куоккале, а в квартире Менделеевых, в которой они тогда жили, и то, что горничной у них служила тогда не Настя, а Текла.

⁶ Анненков Ю. Воспоминания о Ленине // Новый журнал. 1961. № 65.

сообщает Анненкову, что в Париже какие-то лица (Гуль не называет их фамилий) утверждают «что все, что Вы написали в своих воспоминаниях – сплошной вымысел, что Ленина Вы никогда будто бы в глаза не видали, что и Вы, и Альтман писали портреты Ленина по фотографиям, которые были Вам даны. И даже самое смехотворное и невероятное, что будто бы *Вы сами* этого и не скрываете, а признались, каким-то двум Вашим большим друзьям в Париже, что написанное Вами, это, так сказать, „роман“. Когда мне это передал один человек как *факт*, я ему ответил, что я этим „сведениям“ не верю и что никогда не поверю, и что я об этом Вам тут же напишу и попрошу эти облака „прояснить“. Что я, дорогой Юрий Павлович, и делаю. Почему я это делаю? Потому что этому в определенных кругах поверили, и это идет по русскому Нью-Йорку, компрометируя и Вас, и журнал»⁷. В Архиве КЛВН находятся только письма Гуля, поэтому ответ Анненкова точно не известен, но вскоре Гуль уже пишет по этому поводу: «Ваша „документация“ произвела совершенно ошеломляющее впечатление. „И прилегли стада“. Теперь хочу ее еще показать Г. Аронсону»⁸. Однако те же «сведения» со ссылкой, возможно, на тех же «лиц», о которых речь идет в переписке, повторились в некоторых российских публикациях последнего времени. Вероятно, лишь полная публикация указанной переписки и других документов, связанных с жизнью и творчеством Анненкова, смогут окончательно «прояснить облака».

В целом можно сказать, что текст ДМВ, конечно, нельзя использовать как документ, без учета природы и особенностей мемуарного жанра. Однако мнение об особой недостоверности воспоминаний Анненкова является мифом или стереотипом, сформировавшимся без особых на то оснований в 1960-х, а затем подхваченном столь же бездумно в 1990-х, после массовых переизданий ДМВ в России.

Репутация самого Анненкова в СССР и постсоветской России складывалась на базе наиболее известной части его творческой биографии, а именно – его раннесоветского периода. Известность пришла к нему после выхода в свет иллюстрированной им поэмы А.Блока «Двенадцать» осенью 1918. К тому времени поэма уже была признана «революционной», а в дальнейшем была канонизирована в качестве одного из основных произведений советской литературы. Вплоть до начала нэпа одним из основных источников заработка оставшихся в столице художников было их участие в праздничном оформлении города и выполнение госзаказов по различным видам визуальной пропаганды. Анненков преуспел и на этой стезе. Он сыграл существенную роль в организации массового зрелища «Взятие Зимнего дворца», разыгранного на Дворцовой площади 7 ноября 1920. Эта невиданная по масштабу задействованных средств

⁷ Письмо Р.Гуля Ю.Анненкову от 4 октября 1961. – Архив. КЛВН. Поз. 843.

⁸ Письмо от 20 декабря 1961. – Там же.

инсценировка была результатом коллективных усилий группы театральных деятелей, получивших для ее осуществления в свое распоряжение не только колоссальную площадку, но также различные части и вооружение Петроградского военного округа. Этот спектакль, несомненно, оказал влияние на снятый в 1927 Эйзенштейном фильм «Октябрь», где штурм Зимнего стал центральным эпизодом. Все это послужило базой для одного из основных советских исторических мифов (как за более чем 100 лет до того «штурм» Бастилии стал основой массовых представлений о ходе Великой французской революции).

В 1922 Анненков издал знаменитый альбом «Портреты», поставивший его в ряды самого выдающегося современного портретиста. Многие оценили этот альбом как памятник революционного времени, несмотря на то, что моделями портретов были исключительно представители дореволюционной творческой интеллигенции и личные знакомые художника. Вскоре после выхода альбома Анненков был приглашен для создания серии портретов советских военачальников и государственных деятелей – выполнение этого заказа (включая блистательный портрет Троцкого, принесший художнику европейскую известность) завершило формирование репутации Анненкова как глашатая советских идей и «придворного» художника. Выехав в момент высшей точки своих успехов в советской России, Анненков надолго исчез из поля зрения ее граждан. Это было уделом большинства эмигрантов первой волны. Яростнее всего средствами советской пропаганды стиралась память об уехавших писателях – их немедленно записывали в «предатели» и «белоэмигранты». К художникам и артистам отношение было менее идеологизированное. В советской периодике вплоть до конца 1920-х появлялись сообщения об их художественной деятельности за рубежом. Последняя встреча новых произведений Анненкова с советской публикой произошла в 1928, когда в Москве состоялась Советско-французская выставка. Последним значительным упоминанием о деятельности Анненкова как театрального художника была энциклопедия 1933 года. В дальнейшем его фамилия не фигурировала ни в текущей периодике, ни в энциклопедических изданиях.

Нелегальное появление ДВМ в СССР в конце 1960-х вызвало особый интерес не только в связи с содержащимися в тексте сведениями, но и благодаря воспроизведенным в книге многочисленным портретам уехавших и репрессированных деятелей культуры и бывлых советских «вождей». Поскольку в тексте книги автор упоминал о своей творческой деятельности в период эмиграции лишь мимоходом, то в течение длительного времени (да, пожалуй, и до наших дней) для бывших его соотечественников его достижения оставались малоизвестными. Это положение не слишком изменилось даже после перевода на русский язык и издания двух французских книг Анненкова, которые можно рассматривать как мемуарные свидетельства о его работе в кино⁹.

⁹ Анненков Ю. Одевая кинозвезд. М., 2004; Анненков Ю. Макс Офюльс. М., 2008.

Таким образом, репутация Анненкова в первые постперестроечные годы основывалась на том, что было о нем известно из официальных советских источников. Характерная публикация того времени называлась «“Красный” эмигрант»¹⁰, – обширная статья с таким названием была опубликована в 1990 в «Советской культуре».

Между тем, Анненков никогда не был убежденным сторонником советской власти вообще и большевиков в частности. В отличие от Февральской революции, которую он, подобно большинству петроградской интеллигенции, встретил восторженно, к октябрьскому перевороту он отнесся более чем сдержанно. Правда, он вскоре обнаружил, что обстоятельства открывают перед ним большие возможности для смелых экспериментов в области театрального и декоративно-оформительского искусства, чем он и воспользовался в полной мере. Не принимая всерьез большевистской идеологии, он вероятно не исключал, что социальные реформы принесут какую-то пользу. А в общем, как и многие его коллеги и друзья, волей судьбы застрявшие в Петрограде и не имевшие возможности покинуть его до окончания гражданской смуты, делавшей передвижения по стране слишком опасными, Анненков жил по законам своего времени в ожидании лучших времен. Он не занимал никаких государственных должностей и не стремился занимать руководящие посты – его интересовало только творчество. Целый ряд театральных постановок Анненкова, как оставивших длительную память, так и забывшихся, до такой степени не сочетались с эстетическими вкусами властного эшелона, что часть их была запрещена либо незадолго до премьеры, либо вскоре после нее. Портретная же галерея 1921 года представляет собой талантливое изображение тех деятелей модернистского и постмодернистского искусства, которые составили в дальнейшем славу Серебряного века, это уже прямое расхождение с пантеоном выдающихся деятелей искусства, сформированным советским официозом. Отсутствие какого-либо пиетета к представителям высшей власти позволило Анненкову уже в 1931 стать автором очень ядовитых политических карикатур в парижском журнале «Сатирикон». Если присоединить к этому вышедшую в 1934 «Повесть о пустяках», содержащую немалый заряд политической сатиры, то эволюция его политических взглядов принимает вполне определенные очертания.

Объем статьи не позволяет подробно остановиться на этой теме¹¹. Вероятно, стоит напомнить о том, что после доклада А.Жданова, опубликованного в советских газетах в августе 1946, Анненков занял активную антисоветскую позицию, нашедшую выражение в многочисленных публицистических статьях и очевидную по многочисленным высказываниям в ДМВ. Поэтому

¹⁰ Чегодаева М. «Красный» эмигрант // Советская культура. 1990. 1 ноября.

¹¹ Более подробно об этом см.: Обухова-Зелинская И. Юрий Анненков – долгожитель эмиграции. Эволюция политического сознания и репутация // Нансеновские чтения – 2008. С. 418–427.

не приходится удивляться, что в СССР он продолжал оставаться персоной нон-грата. Тем не менее, отдельные его работы без особого шума, но не так уже редко экспонировались на отечественных и, в особенности, на международных выставках. В 1967 директор Русского музея Пушкарев по поручению ЦК КПСС начал вести с Анненковым переговоры о покупке у него оригиналов портретов, причем ключевым вопросом стал вопрос о карандашном портрете Ленина 1924 года. Это лишь часть биографических фактов, дающих пищу для размышлений на тему «художник и власть». В любом случае, биография Анненкова отнюдь не так проста и прямолинейна, как это представляется некоторым из писавших о ней. Он, конечно, не был ни героем, ни провидцем. Но и упреки в каком-то особом цинизме тоже представляются неправомерными. Как и многие его ровесники Анненков, при всей его ироничности, не избежал периода неоправданных надежд и иллюзий. Более того, любопытство и легкомыслие нередко заводили его в довольно рискованные ситуации. Но самое главное, нельзя забывать, что он прошел сложную духовную и интеллектуальную эволюцию. Представление, что Анненков был одним и тем же человеком, начиная со времен «Бродячей собаки» и до выхода на западе книг А.Солженицына (обложки которых он оформлял), слишком неадекватно и основано на незнании фактов. Это еще раз показывает, насколько важна роль хорошо изученной биографии для понимания поведения и общей стратегии творцов такого уровня.

Марина Литаврина

Гулаг для Д'Артаньяна: Судьба француза в сталинской России

Марина ЛИТАВРИНА

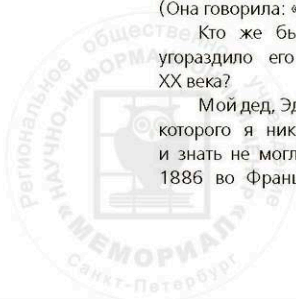
*Московский государственный
университет*

Первое упоминание о дед и страшной его судьбе, услышанное мной ребенком, было связано с необычной фотографией, которую мне показала няня. Фотография представительного мужчины с красивым профилем была вся изорвана, склеена из кусков. Как выяснилось, это фото домработница спрятала во время ареста в носике чайника, который потом закипел. Сам разговор, когда внучке-школьнице решились рассказать о репрессированном дедушке, ознаменовал пограничную линию в семейной истории: многолетнее молчание было наконец прервано. Показательно, что первой со мной заговорила нянька, в общем-то, простая женщина из Белоруссии. От нее же я узнала, что мой дед – француз. (Она говорила: «хрэнцуз».)

Кто же был этот француз, как угораздило его оказаться в России XX века?

Мой дед, Эдуард Евгеньевич Понс, которого я никогда лично не знала и знать не могла, родился 1 декабря 1886 во Франции. Его отец, Арман

marpons@rambler.ru

Понс (1862 г.р.), происходил из Нормандии и был *maitre d'escrime* – учитель фехтования. Профессия была престижной и во французской культуре, можно сказать, легендарной, и к тому же наследственной: еще его предок Шарль Понс (1795–1883), родоначальник династии, был внесен в реестр видных фехтовальщиков Франции¹. Приехав в Российскую империю, его внучатый племянник Арман (мой прадед) преподавал фехтование в элитных учебных заведениях, в т.ч. в кадетских корпусах (некоторое время находился в Риге и Варшаве, где у родственников было мануфактурное производство и магазин). Однако точные причины и основания, по которым семейство Понс подалось в Россию еще в конце XIX века, мне пока неизвестны. Вся документация личного характера при аресте моего деда была полностью изъята ОГПУ. Осталась только библиотека французских книг – многие с дарственными надписями, о которых можно написать отдельный опус, – в основном это оригинальные издания французской поэзии и книги по истории. В конце 1920-х прадед, Арман Понс умер. Его супруга, Анна Людвиговна, продолжала проживать в Москве вместе с дочерью. (Имя Анны Людвиговны Понс, моей прабабки, удалось найти в реестрах Введенского кладбища в Москве.) Итак, в семье Армана Понса, помимо Эдуарда, было еще три ребенка – дочь Жанна, сыновья Роберт и Жорж. Жорж вскоре после революции уехал, сначала в Европу, а после в Америку, и стал режиссером на Бродвее. Семья же моего деда Э.Е. Понса проживала (квартиру дед унаследовал от своего отца) в Петроверигском переулке, дом 10, что географически примыкает к традиционным местам французских поселений в Москве, району Большой и Малой Лубянки, Маросейки, Ильинки, согласно французскому летописцу Ф. Тастевену². В 1920-е в результате «уплотнения» квартира превратилась в коммунальную. Престижный старый дом стал местом проживания советской и иностранной элиты, мать помнила детей коминтерновцев, игравших во дворе. Многие из их родителей стали жертвами «большого террора». Сестра деда Жанна вышла замуж за французского дипломата Ж. Тартавеса и работала в посольстве Франции. После автомобильной аварии 1931 года, показавшейся дипломату подозрительной, Тартавес уехал за рубеж.

Представляется, что семейство Понс, в двух поколениях жившее в Москве, было полностью ассимилировано в России. Дед сначала учился в гимназии Московского университета. В 1912 закончил юридический факультет университета и впоследствии стал преподавать фехтование и французский язык³ в различных учебных заведениях, в т.ч. кадетских, а после их закрытия

¹ См. таву «Pons» в кн.: *Pinaud L. Academie d'Armes. Rue St. Honore', Paris, 1880. P.9–20.*

² Тастевен Ф. История французской колонии в Москве. М., 1908. (Репринтное издание 2005 г.)

³ Из материалов дела № 1798: «Мною скрыто при составлении ответов в анкете <...> что я с сентября 1914 по май 1918 был частным преподавателем французского языка Суворовского кадетского корпуса, эвакуированного из Варшавы, эту должность я стремился занять, чтобы быть освобожденным от воинской повинности» (Дело арестованного № 1798. – Т.1. – Центральный Архив ФСБ РФ).

в 1919 – в гимназии Питер Пауль Шюле в Москве. Семейная профессия вообще определила многое. Эдуар Эжен Арман Понс после смерти первой супруги принял православие и вскоре женился – на русской женщине. Надо сказать, что у Эдуарда Евгеньевича Понса было два официальных брака. Один – с Марианной Лелу, француженкой, одно время работавшей в магазине на Кузнецком мосту, а потом умершей во Франции, второй – с моей бабушкой, Верой Петровной Савиновой, дочерью волжского купца из Конаково. Она была студенткой деда по МГУ-2, где обучалась на романо-германском отделении. Ко времени их женитьбы – 1926 году – дед преподавал там французский язык и литературу. Понс сменил не одно место работы, сохраняя при этом тесные связи с миром искусства. Внешне карьера его, по советским меркам, выглядела благополучно, и накануне ареста он значился заведующим кафедрой иностранных языков Научно-исследовательского радиорентгенологического института. К моменту ареста у Э.Е. Понса было две дочери – Эллида (моя мать) и Ирина, а также сын первой жены Марианны Юрий, усыновленный моей бабушкой.

Ввиду того, что собственноручных текстов деда (эпистолярная, дневников, автобиографий) не сохранилось, исключая те сведения и заполненные анкеты, которые находятся в деле арестованного № 1798 архива ФСБ РФ, работа по сбору и верификации биографических данных представляет значительную сложность, главным образом в силу труднодоступности информации об узнике Гулага. Тем не менее, помимо работы, проделанной моей матерью в архиве ФСБ в 1990-е и затем мною, по анализу материалов дела, а также документов других государственных и частных архивов и записанных нарративов родственников, удалось собрать документальные данные о его профессиональной карьере в Советской России. Что же касается его лагерной истории – ее еще предстоит восстановить: запрошенные общественные фонды (в т.ч. «Покаяние» в Республике Коми) пока не сообщили новой информации.

В послереволюционный период Э.Понс, судя по всему, стремился сохранить профессиональные позиции, не вмешивался в политические вопросы, что впоследствии неоднократно подчеркивал при допросах в ОГПУ-НКВД. О его профессиональных качествах и репутации свидетельствуют, к примеру, два нарратива, принадлежащие хорошо известным в мире театра людям. Дед был первоклассным оратором и лектором, свободно владел русским языком, и только при очень придирчивом подходе можно было различить легкое грассирование. В быту он слыл эрудитом, а его консультации по французской истории и культуре ценили многие деятели советской культуры. Для московской театральной среды 1920-х его «право на имя» не вызывало сомнений. К тому же, дед прекрасно владел и семейной профессией. (Правда, несмотря на это, карьера военного его никогда не привлекала.) В 1910-е – 1920-е дед сблизился с московской театральной богемой и стал преподавать в театральных учебных заведениях, где были востребованы преподаватели фехтования. Итак, один

источник, где рассказывается о Понсе как об известном преподавателе фехтования, – мемуары актрисы Камерного театра Алисы Коонен, другой – книга балерины Большого театра Серафимы Холфиной «Вспоминая мастеров московского балета», где есть глава, озаглавленная «Э.Е. Понс». Архив ГАБТ и театральные справочники 20-х годов подтверждают факт его преподавательской деятельности в школе Большого театра (Центральном балетном техникуме). Вспоминая годы учения, балерина С.Холфина пишет: «Педагогом по этому предмету (фехтованию. – М.Л.) был Эдуард Евгеньевич Понс. По-русски он говорил как русский...» (Далее Холфина детально описывает его внешность, говорит о необычном голубоглазом французе-блдине.) «...Месье Понс был хорошим педагогом, и весь класс всегда с увлечением показывал ему бой на рапирах и шпагах... Сам месье Понс часто показывал на занятиях высший класс фехтования. ... Он любил нравиться своим ученикам <...> его мастерством можно было любоваться, это вызвало желание подражать ему. Многие мальчики настолько увлекались боем, что месье Понс бросался между ними: – Пардон, месье, – говорил он, – это уже без правил, а значит, просто драка»⁴. Учениками Понса по классу фехтования, в числе прочих, были Михаил Габович и Игорь Моисеев. Мемуаристке запомнился первый после революции публичный экзамен воспитанников училища, состоявшийся 14 мая 1922 под председательством Лунначарского, где номера сценического боя были поставлены Э.Е. Понсом. Наблюдавший из-за кулис за выступлением экзаменующихся, Понс увидел ее тогда человеком уходящей культуры: «Месье Понс стоял, как всегда, в кулисе в безукоризненном, немного старомодном, как мне казалось, черном костюме и белой манишке с туго накрахмаленным высоким воротником. Он волновался не меньше, если не больше своих учеников». Юбилейный альбом-проспект Большого театра за 1925 год называет Э.Е. Понса в числе членов Художественного совета.

Другой театр, оказавшийся чрезвычайно близким его натуре, известный своей европейской ориентацией и изысканным дискурсом, – Московский Камерный под руководством А.Я. Таирова. С театром был связан отец Понса, Арман, ранее преподававший в школе Художественного театра, где училась будущая прима МКТ Алиса Коонен. Она, в частности, вспоминала о курьезе во время экзамена по фехтованию, который, однако, мог закончиться для педагога плачевно: «Когда я, запыхавшись, влетела в зал, все ученики уже были в костюмах и проволоочных масках. Преподаватель фехтования Понс, чем-то похожий на состарившегося Д'Артаньяна, важно рассказывал по фойе. Вошли Константин Сергеевич (Станиславский. – М.Л.) и Сулержицкий... Я еще не успела ничего понять, как Понс назвал мою фамилию. В полном отчаянии <...> я без всяких правил кинулась с рапирой на своего партнера... Понс пытался

⁴ Холфина С. Вспоминая мастеров московского балета. М., 1990. С. 39–40.

остановить меня, но я, не помня себя, неистово бросалась на других экзаменуемых... Скоро в моем поле зрения остался один-единственный человек – Понс. Он пытался что-то сказать мне, но я, не помня себя, яростно кинулась на него, чуть не проколов ему рапирой живот... Он ловко отскочил в сторону...»⁵. В другом месте своих мемуаров она пишет, что далее с театром сотрудничал уже сын этого чуть не заколотого ею на экзамене Понса, – то есть мой дед. Об А. Понсе как педагоге студии Театра Сатиры, «мастере фехтования», говорится в «Книге воспоминаний» театрального критика и завлита МХТ 1920-х П.А. Маркова.

При организации художественного совета Камерного театра в 1927, дед вошел в состав его членов (см. письмо А.Я. Таирова Н.И. Подвойскому от 20.09.1927⁶), наряду с Отто Шмидтом и Павлом Коганом. В связи с этим никак нельзя не упомянуть об одном знаковом для культуры 1920-х драматическом эпизоде, когда Э.Е. Понс впервые попал в неприятную историю с политической окраской – именно как член художественного Совета МХТ. Дело касалось таировской постановки пьесы Булгакова «Багровый остров», премьеры 8 декабря 1928. Театр покусился на святая святых – Главрепертком, цензор которого Савва Лукич, загримированный в спектакле под реального врага Таирова – театрального цензора В.Блюма, являлся центром этой сатиры. Было проведено расследование, инспирированное РАПП, в результате которого якобы вскрылась «отрицательная» роль худсовета, рекомендовавшего к постановке в Камерном театре вредную пьесу. Эти резолюции и протоколы заседаний хранятся в РГАЛИ, в фондах Камерного театра⁷. Там есть и роспись деда при получении бюллетеня для голосования и его данные в протоколах. Внутри совета разгорелся бой. Дед был в числе восьми членов совета, поддержавших пьесу Булгакова в непростых условиях и вскоре ставших объектами травли. Таиров официально признал некоторые идеологические ошибки. Однако того, что поставил «пасквиль на революцию», не признал. За что и был наказан впоследствии. Его слова не удовлетворили рапповцев, написавших в конце 1928 письмо Сталину с требованием закрытия Камерного театра как крайне «буржуазного». Худсовет был переформирован, а случившееся, в том числе, было использовано как аргумент для создания новой системы *худполитсоветов* и пополнения их явными и скрытыми агентами – в анналах театра находим, что к 1930 в нем состоит и агент ОГПУ. Материалы дела показывают, что из Э. Понса на допросах выбивалась компрометирующая информация на А. Таирова. «Отложенная казнь» ожидала Таирова и театр в 1949.

⁵ Коонен А. Страницы жизни. М., 1974. С.57

⁶ Письмо о членах худсовета опубликовано: Таиров А.Я. О театре. М., 1970. С.483.

⁷ См.: РГАЛИ. Ф. 2328. Данной истории посвящена моя специальная публикация: Литаврина М. «Высшая мера», или Драма из-за острова // Театральная жизнь. 1989. № 16–17.

Так или иначе, но история с «Багровым островом» послужила, возможно, неким сигналом к началу преследования Э.Е. Понса как ее участника. К тому же, в пользу этого свидетельствует и тот факт, что француз все более вытесняется из среды художественной богемы, из московского мира искусств (как знатока французской истории и культуры Станиславский привлек его, в частности, к постановке «Женитьбы Фигаро» во МХАТ в 1926, – в одном из писем Станиславский характеризует его как «очень сведущего человека»). Применяемые Понсом лично в начале 1930-х стратегии адаптации говорят о том, что он внезапно как бы уходит в тень, уклоняется от столь любимой им публичности, удаляясь в некую нишу «профессора», литератора и переводчика. При этом Э.Е. Понс занимался литературными переводами профессионально, в т.ч. готовил к публикации, как это подтверждается протоколами заседаний кафедры иностранных языков, перевод писем О. де Бальзака 1848–1850. О продолжении занятия профессией, связанной с владением холодным оружием, и вовсе уже речи не идет. Квалификация позволяла ему занимать другие культурные ниши и легализовать себя как иностранца в советской интеллектуальной и творческой среде, в частности, возглавить в 1931 упоминаемую кафедру иностранных языков. Однако, как показывают материалы дела, в начале 1930-х кафедра Понса находилась под пристальным вниманием различных советских контролирующих органов, устраивавших изматывающие проверки (протоколы в деле № 1798). Сознание своей инаковости, маргинальности, которое после длительного пребывания в России, казалось бы, было уже психологически «погашено», очевидно, вновь стало остро фиксироваться самим Понсом. Это подтверждает и частая смена им мест работы на рубеже 1920-х – 1930-х, трудовые миграции (в 1920-е – преподаватель французского языка в гимназии Петер Пауль Шюле, Центральном балетном техникуме, в 1927–1928 – доцент МГУ-2, 1930 – зав. курсами гидов-переводчиков Главнауки, в 1931 назначен зав. кафедрой иностранных языков в НИИ радиорентгенологии) вследствие ужесточения политического климата в стране и проявления негативных для данной личности тенденций в сфере образования, искусства и науки. Налицо и нарастание подозрительности в отношении иностранцев. В имеющихся в деле дискурсах жертвы террора есть характерные, настойчивые подчеркивания – лояльности к советской власти, беспартийности, а также давней ассимиляции семьи Понс в России. Эти свидетельства переключения культурного кода не случайны. Очевидно: уже за несколько лет до ареста атмосфера вокруг Понса сгустилась. Началась своего рода травля, печально завершившаяся зимой 1933.

8 февраля 1933 по дороге в Харьков, куда он направлялся в командировку, Э.Е. Понс был задержан на вокзале органами ОГПУ-НКВД. С этого момента началась другая история. Все излагаемое далее взято из дела № 1798 (в 2-х тт.) архива ФСБ РФ по обвинению Понса Э.Е., Гриневича К.Э., Чаплина Л.Н., Грановского В.Е., Доливо-Добровольского Б.Н. и Крамаровой О.П. (Попутно

замечу, что обвиняемые – инженеры и преподаватели учебных заведений и институтов.) При этом в документах дела имеются явные хронологические нестыковки. Так, ордер на арест и обыск Э.Е. Понса выписан 14 марта 1933, в то время как арестован он был в начале февраля, что значит, в деле. Протокол обыска велся карандашом, отсутствовали необходимые подписи (единственная подпись комиссара оперотряда Гинзбурга). Впоследствии анкета арестованного, вероятно, была переписана начисто и снабжена новой датой – 29 марта, а датой ареста Э.Е. Понса в ее тексте уже названо 22 марта 1933 (т.е. на 1,5 месяца позже фактического).

Судя по характеру предъявляемых обвинений, Э.Е. Понсу инкриминировался шпионаж в пользу Франции (сообщение враждебным к СССР организациям «сведений секретного характера в экономической и политической областях», – странно, что им мог обладать преподаватель фехтования и французского языка), а также создание шпионской сети по заданию Альянс Франсез⁸ в СССР. Где Понс, будучи ключевым звеном, якобы осуществлял необходимую связь с посольством Франции в СССР и зарубежными троцкистскими организациями. При этом сам якобы осуществлял вербовку резидентуры. В число подозреваемых ОГПУ агентов-эmissаров Альянс Франсез попали любопытные лица. Один из них – известный французский театральный режиссер и адепт Станиславского Фирмен Жемье, с которым Понс встречался в МХАТ в ходе визита того в Москву в 1928 и где, якобы, получил через него письмо с конкретными планами шпионских заданий (брат Эдуарда Жорж одно время работал в театре Жемье в Париже), а также французский журналист Рене Мартель (отдельная архивная справка в деле на Мартеля) и друг семьи Андре Шеродам, старинный знакомый Армана Понса. Во время допроса Э.Е. Понсу было велено раскрыть всю французскую агентурную сеть в Москве и подтвердить то, что уже показали его арестованные подельники – наличие «спрута», опутавшего Советскую Россию и именовавшегося Альянс Франсез. Схема шпионской сети уже была заготовлена. Еще одной, по характеристике ОГПУ, крайне враждебно настроенной к СССР организацией (а точнее, «шпионским центром») выступает Институт восточных языков в Париже. Наиболее же одиозным и в то же время смехотворным обвинением со стороны ОГПУ выглядит упоминание о якобы имевшей место передаче московским профессором-гуманитарием Понсом, сугубо штатским человеком и убежденным пацифистом, агентурных сведений об «организации береговой обороны побережья Черного моря». (Правда, сказано, что сообщенную ему подельником информацию Э.Е. Понс якобы затем «отказался переводить».) В числе нежелательных лиц, с которыми общался Понс, называется и журналист-эмигрант Борис Суварин, один из основателей ФКП и редактор

⁸ L'Alliance Française – организация, ставившая своей задачей распространение французского языка за границей. Имела представительство в России еще до революции.

газеты «Попюлер», в 1930-е посетивший Понса на курсах иностранных языков – во время приезда в Москву. В деле упоминается среди «шпионов» и врач семьи Понс доктор Жаке, и множество колонистов, «французских москвичей» – от бывших послов, консулов и атташе в Москве до французских портных и фотографов, работавших в Москве. Последнее, вероятно, призвано было создать впечатление мощной «шпионской организации». Любопытно также, что в деле отсутствует перечисленная в списке документов автобиография арестованного. Заполненная анкета ОГПУ, в свою очередь, говорит о применении арестантом Понсом стратегии умалчивания и утаивания, в частности, факта своего дворянского происхождения: полное французское имя Понс де ля Перейль – в графе «социальное происхождение» скромно значится: «сын учителя». Имущества тоже нет (свидетельство подтверждено печатью ОГПУ). Налицо тенденция к максимально нейтральной самопрезентации, стремление не выделяться, предстать в анкете «как все» советские граждане.

13 апреля 1933 оперуполномоченный 1-го отдела ОГПУ Гепштейн с одобрения пом. начальника ОО ОГПУ Сосновского издал постановление, в котором «НАШЕЛ, что, согласно имеющихся в деле материалов, гр-н Понс Эдуард Евгеньевич изобличается в том, что на протяжении ряда лет вел активную шпионскую работу против Советского Союза в пользу Франции, будучи связан с рядом легальных и нелегальных работников Французского Генерального Штаба, вербуя для них агентуру и систематически передавая им материалы военного, экономического и политического характера». На основании изложенного было вынесено ПОСТАНОВЛЕНИЕ: «Гр-на Понс Эдуард Евгеньевич, 1886 г.р., француз по национальности, советский гр-н, профессор литературы и языка, беспартийный (грамматика документа. – М.Л.) – привлечь по делу в качестве обвиняемого, предъявив обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 58/6 УК РСФСР». Обвиняемый, согласно подписи, сделанной чернилами, признал себя виновным. К этому времени были проведены очные ставки, и большинство подельников указали на Понса как главное звено шпионской сети, подтвердив свою работу на иностранную разведку, – в том числе из экономических интересов. (Так, одна из них, Крамарова, упоминает о выплаченных ей «гонорахах»: «две пары перчаток, корсет, шерстяная карточка»). (При этом Крамарова в своих показаниях ничего негативного не говорит о Понсе, а только называет его «французом».)

А 28 апреля 1933 обвиняемый Понс обратился с письменным заявлением, в котором отказался «от всех данных в период с 8 февраля по 27 апреля 1933 показаний как не соответствующих действительности»: «Разведчиком я нигде и никогда не был. Когда в вечер моего ареста 8 февраля мне было предъявлено обвинение в шпионаже, я твердо заявил о том, что невиновен и в течение целого ряда дней отрицал всякую вину, зная, что нет за мною инкриминируемого мне преступления». Но вскоре, абсолютно деморализованный, Понс

демонстрирует характерный дискурс жертвы, имеющий множество аналогов. Мало того, находясь, как он пишет, «в измученном и морально угнетенном состоянии», после того, как ему объяснили, что он все равно будет «расстрелян в случае непризнания себя виновным» («что я нужен ОГПУ только как разведчик... что как арестант я не нужен...»), сам просит его «немедленно расстрелять». Между тем дело № 1798 по обвинению гр.гр. Понса Э.Е., Гриневича К.Э., Чаплина Л.Н., Грановского В.Е.⁹, Доливо-Добровольского Б.Н. и Крамаровой О.П. передается на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ. Приговор по делу № 1798 был вынесен 27 декабря 1933. В итоге Э.Е. Понс получил 10 лет ИТЛ и был направлен в Ухтпечлаг. Впоследствии, летом 1938, оказался на лесозаготовках в Ухтижемлаге (выделен из бывшего Ухтпечлага), – в материалах дела фигурирует пос. Чибью и гора Ветлосян. Среди материалов электронного сайта Фонда «Покаяние» Республики Коми, я обнаружила свидетельства об иностранцах Ухтижемлага – лагерниках-поляках, латышах, о погибшем итальянце, но французов не нашла, хотя их значится, по данным Н.В. Петрова, в целом в ИТЛ на 01.01.1939 – 31 человек¹⁰.

Со слов моей матери Эллиды Понс, в 1940-е, после того, как семья вернулась из эвакуации, находившаяся проездом в Москве бывшая узница Гулага Т. Смилга, дочь «латышского стрелка» и советского партдеятеля, также репрессированного, И. Смилги, сообщила семье, что содержащийся в том же лагере Эдуард Евгеньевич погиб при неясных обстоятельствах. Официальной датой смерти в деле № 1798 значится 7 декабря 1943 («умер»). Заметим довольно точное совпадение даты смерти Э.Е. Понса, указанной в материалах дела, с фактическим истечением срока, предусмотренного обвинительным приговором, – ровно 10 лет. Это может заставить предположить насильственное исчезновение, тем более, что речь идет о годах Отечественной войны. Известны количественные данные о массовой убыли заключенных в эти годы – гибели от голода и болезней. Не исключено, что и Понс, непривычный к тяжелому физическому труду (лесоповал) и северному климату (промерзание почвы до 220 см, световой день зимой 3 часа), и просто в силу возраста, не выдержал условий содержания. (Как показывает архив, дело затребовалось для проверки НКВД в 1941.) И еще один документ обращает на себя внимание – тут много можно было много рассуждать по поводу дихотомии палача и жертвы. Речь идет о вложенной в дело архивной справке КГБ при СМ СССР о том, что следователь

⁹ Обвиняемый В. Е. Грановский отбывал наказание в том же лагере в Чибью.

¹⁰ Петров Н.В. История империи ГУЛАГ. Электрон. версия. Гл. IX. Судя по большому числу имен подозреваемых-французов в упомянутом деле арестованного, такая низкая цифра (31) на миллионы узников ИТЛ все же сомнительна. В «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицына, в связи только с одним лагерем, упоминаются режиссер Камилл Леопольдович Гонтар, в первые годы революции приехавший «из Бельгии в Петербург создавать новый театр» (!), и профессор классической филологии Аристид Иванович Доватур. См.: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.2. М.: Советский писатель, 1989. С.445–446.

по делу Понса и других его подельников Гепштейн был впоследствии приговорен военным трибуналом к ВМН за «необоснованные массовые аресты, фальсификацию следственных дел и избивание арестованных»¹¹. Попутно замечу: как и всякие документы, свидетельствующие о массовом терроре как главном орудии политики сталинщины, эта справка не могла послужить моральной компенсацией семье за причиненные страдания и утраты и не вызвала удовлетворения самим фактом свершившейся кары. На последнее, вероятно, рассчитывали те, кто постфактум помещал в дело репрессированного информацию о наказании, настигшем отдельного исполнителя государственной расправы с невиновным. Налицо применение органами ОГПУ-НКВД определенных стратегий, имеющих отдаленные последствия, с моей точки зрения, в нашем социуме и откликающиеся поныне долгим историческим эхом. Обстоятельства же исчезновения из жизни профессора Понса, мастера фехтования и перевода, полностью посмертно реабилитированного Военной коллегией Верховного суда 16.03.1962¹², остаются не выясненными для семьи репрессированного уже в третьем поколении.

¹¹ Справка от 14 августа 1956. – ЦА ФСБ РФ. Дело № 1798. Т.2. Л. 445.

¹² Справка находится в семейном архиве профессора МГУ им. Ломоносова Э.Э. Литавриной.

Андрей Кручинин

«Юзик»: Генерал Булак-Балахович 2-й — брат своего брата

Андрей Сергеевич КРУЧЕНИН

*Научный сотрудник Дома Русского
Зарубежья им. А. Солженицына (Москва)*

Генерал-майор Иосиф Никодимович Булак-Балахович, младший брат широко известного генерала Станислава Булак-Балаховича, не менее брата имеет право на самостоятельное место в истории Гражданской войны в России. Однако в действительности Иосиф Балахович остается в каком-то смысле «человеком без биографии», редко фигурируя самостоятельно, отдельно от брата. При этом он подчас получает характеристики прямо пренебрежительные, как например у Б.В. Савинкова, в 1920 возглавлявшего Русский Политический Комитет в Польше: «На этом заседании сидели генералы: Балахович — один, Балахович — другой, еще больший бандит, чем брат...»¹ (к причинам столь недоброжелательной и несправедливой оценки нам еще предстоит вернуться). Лишь запутывает ситуацию красный военачальник и мемуарист Я.Ф. Фабрициус, тасуя приметы обоих братьев и распределяя их, похоже, случайным образом:

krim1920@narod.ru

¹ Дело Бориса Савинкова. [М.], 1924. С. 90.

«Шальной немецкой пулей Булак-Балахович был ранен в легкое навывлет и отвезен тов[арищем] Новиковым на излечение <...> В командование отрядом вступил младший брат Балаховича – Станислав»² (в действительности как раз Станислав был не только старшим, но и ранен и эвакуирован). Даже сегодня вместо реально существовавшего Иосифа Балаховича на страницах исторического сочинения появляется его химерический «двойник»: «В российской историографии Станислава Никодимовича часто путают с его братом – штабс-капитаном Иваном (! – А. К.), который служил в отряде Особой Важности несколько месяцев. После октябрьского переворота Иван Никодимович эмигрировал в Польшу»³. Красноречивым выглядит и игнорирование личности И.Н. Булак-Балаховича в наиболее полном к нынешнему моменту сборнике биографий офицеров Северо-Западной армии, на страницах которого нашлось место для людей, игравших несравненно менее активную роль в событиях Гражданской войны⁴; а включение его в справочник «Офицеры армейской кавалерии» (с крайне скудной информацией) вообще представляется спорным, поскольку изначально Иосиф был пехотным офицером, партизанский отряд в 1916–1917 и «Конный полк имени Булак-Балаховича» в 1919 вряд ли могут считаться частями регулярной кавалерии, а о командовании им Особой конной дивизией (где были гусарский и уланский полки) в 1920 справочник умалчивает⁵.

По-своему показательны и упоминания обоих братьев в беллетризованном очерке Г.И. Гроссена «Батько Булак-Балахович» (младший – лишь один из окружения старшего): «Появлялся он (Станислав. – А. К.) у нас на главной улице в сопровождении свиты из пяти-шести офицеров, среди которых особенно выделялся длинный и худой брат Балаховича – Юзик и адъютант командира – ротмистр Аксаков...»; «впереди на вороной лошади сидит, как всегда подбоченясь, батько и правой рукой щиплет ус, рядом длинный Юзик, а позади ротмистр Аксаков»⁶. Интересно, что Гроссен, написавший свой очерк с позиции лужского, а затем псковского обывателя, далекого от военных кругов, тем не менее называет младшего Балаховича фамильярным «Юзик» (от польского варианта имени «Иосиф» – «Юзеф»), получившим, следовательно, распространение отнюдь не только среди старых партизан, самих себя с гордостью именовавших «сынками» «Батьки Булак-Балаховича».

² Фабрициус Я. Ф., Травинский. Две измены // Гражданская война, 1918–1921. Т. 1. М., 1928. С. 250.

³ Хорошилова О. А. Войсковые партизаны Великой войны. СПб., 2002. С. 201. В более поздних публикациях того же автора эта ошибка исправлена.

⁴ Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002.

⁵ Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 98.

⁶ Нео-Сильвестр Г. [Гроссен Г. И.]. Батько Булак-Балахович: (Рассказ судебного следователя) // Возрождение. Тетрадь 16. Paris, 1951. С. 117, 121.

Впрочем, видеть в этой «семейной» фамильярности «сынков» признаки неуважения к Иосифу Балаховичу было бы серьезной ошибкой. Достаточно обратиться к написанным по горячим следам (летом 1921) воспоминаниям подполковника П.И. Олейникова, бывшего генерал-квартирмейстера армии Балаховича, который специально отмечал: «„Юзик“, по мнению сынков, в храбрости превосходил брата»⁷. В устах соратников «Батьки», отличавшихся «совершенно исключительной, почти фантастической отвагой»⁸, и на фоне самого Балаховича-старшего, еще на Мировой войне «являвшего пример мужества и доблести», «выказывавшего безусловно огромную храбрость»⁹, – такое признание является более чем красноречивым. И в тех немногих случаях, когда Иосиф удостаивается самостоятельной характеристики, она не просто оказывается весьма уважительной, но и в каком-то смысле противопоставляет двух братьев, неожиданно отдавая преимущество младшему.

Подполковник Олейников: «Булак-Балахович Младший („Юзик“), тоже генерал, – был более уравновешен, чем брат, корректен в обращении с офицерами и часто сдерживал Батьку. В военных вопросах Батька считал его авторитетом. <...> Он, безусловно, был очень хладнокровен и смел и был ярым сторонником похода на Москву»¹⁰.

К.Вендзягольский, в сентябре 1920 посетивший войска Балаховича в качестве доверенного лица главы польского государства маршала Ю. Пилсудского: «...Нас встретила группа офицеров во главе с генералом Иосифом Балаховичем, младшим братом „батьки“, спокойным, талантливым командиром и культурным человеком, всегда добровольно отходящим в тень своего знаменитого брата»; «...глубокий смысл слов Савинкова понимали все. По-видимому, это понимал лучше других более дисциплинированный внутренне и более здоровый морально младший брат „батьки“, генерал Иосиф Балахович, на лице которого, впрочем, не отразилось ничего, но его обычная молчаливость как бы стала еще глубже»¹¹.

В.В. Савинков, младший брат главы Русского Политического Комитета и «начальник Главной Квартиры» осенью 1920: «...Молчаливый, скромный и улыбающийся, всегда приветливый и любезный; этого человека я не раскусил; я встречался с ним очень редко и никогда не разговаривал: он был необыкновенно молчалив; может быть, впрочем, молчал он случайно

⁷ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 33.

⁸ Вендзягольский К. Савинков // Новый журнал. Кн. 72. Нью-Йорк, 1963. С. 172.

⁹ Российский Государственный Военно-Исторический Архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 163393. Л. 209 об., 215 об.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 33.

¹¹ Вендзягольский К. Указ. соч. С. 189, 193. Мемуарист допускает ошибку: в тот момент И. Н. Балахович еще не был генералом.

в те разы, когда я его видел. О нем я знаю только одно, что он был действительно необыкновенно хладнокровный, спокойный, находчивый и храбрый командир, одаренный большими способностями. Он командовал Батькиной дивизией при взятии Пинска, Мозыря и много-много раз в трудных обстоятельствах, и всегда с неизменным успехом. Это давало повод говорить, что в сущности Батька – ровно ничего не значит как военачальник, и не будь Юзика, он был бы всегда бит»¹².

Подобные сопоставления побуждают внимательнее присмотреться к «Балаховичу 2-му», причем открывающиеся подробности его биографии делают эту фигуру еще интереснее.

Иосиф Никодимович (как и брат, он был римо-католиком, но второе его имя в документах не упоминается), родившийся 17 октября 1894, был младше Станислава на одиннадцать с половиной лет и принадлежал, в сущности, к другому поколению, которое вступало в жизнь накануне и в начале Мировой войны, – однако как именно в характерах и судьбах братьев сказалась эта разница поколений, за недостатком информации можно только гадать. В.В. Савинков, несмотря на признание заслуг обоих Балаховичей относившийся к ним недоброжелательно, считал образование, полученное старшим, явно недостаточным, о младшем же свысока бросил: «Этот, кажется, все-таки реальное или гимназию окончил»¹³, – хотя на самом деле все было как раз наоборот. Станислав получил образование в Петербурге, в частной гимназии, но в дальнейшем что-то – возможно, отказ его от духовной карьеры, которую прочли ему отец, – отбило у Никодима Балаховича охоту отправлять сыновей на учебу в столицу. В послужном списке Иосифа, составленном 3 мая 1915, указано, что он окончил четырехклассное городское училище в Видзах Ковенской губернии, где жили его родители, однако в аналогичном документе, датированном 3 июля 1916, сведения об образовании, очевидно, со слов самого офицера, исправлены: «в Ковенском Среднем Сельско-хозяйственном училище»¹⁴. Радикально «улучшил» Иосиф и свое происхождение – «из крестьян...» заменено на «из дворян Ковенской губернии». Станислав на такое не пошел и официально остался крестьянином, хотя в частных разговорах упоминал о своем якобы дворянском происхождении¹⁵.

Эксперименты старшего брата с собственной фамилией («Балахович» – «Булак-Балахович» – «Бэй-Булак-Балахович» – «Булак-Бэй-Балахович» и пр.), похоже, не нравились младшему; сохранился даже документ (от 24 февраля 1919), подписанный «ротмистром *Балаховичем*» (Иосифом) и «подполковни-

¹² ГА РФ. Ф. Р-5901. Оп. 1. Д. 8. Л. 34.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 121475. Л. 1 об. (п/с 69-566); Д. 163393. Л. 166 об. (п/с 120-015).

¹⁵ Маргулис М.С. Год интервенции. Кн. 2. Берлин, 1923. С. 161.

ком Булак-Балаховичем» (Станиславом). И хотя в историю Гражданской войны оба войдут под двойной фамилией, предположительное нежелание младшего брата ее принимать кажется весьма интересной его характеристикой.

Станислав безусловно подлежал призыву в 1914, в то время как Иосиф, еще не выйдя возрастом, явно поступил в армию добровольцем и, быть может, своим примером побудил к тому же брата. В отличие от последнего (произведенного в офицеры 8 июля 1915 из нижних чинов за боевые отличия), младший Балахович окончил 2-ю Ораниенбаумскую школу прапорщиков (не потому ли Станислав считал его «авторитетом в военных вопросах?») и был произведен в офицеры 10 апреля 1915¹⁶. Таким образом, именно *младший* брат должен был бы именоваться «Балаховичем 1-м» как произведенный в офицерские чины ранее. Обходит он Станислава по службе и в дальнейшем, что в некоторой степени является следствием невезения старшего Балаховича на чины и ордена, но не умаляет подлинных заслуг младшего.

В 7-м пехотном Ревельском полку, а с 20 мая 1916 – в «Конном отряде особого назначения (или «особой важности») Северного фронта», куда Иосиф был откомандирован «для совместного служения с родным братом», он производится в подпоручики (14 марта 1916), поручики (6 июля) и штабс-капитаны (19 марта 1917), получает ордена Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и 2-й степени с мечами и Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом; за длительную разведку в тылу немцев 26 августа – 2 сентября 1917, то есть в период, когда войска Северного фронта пребывали уже в состоянии революционного разложения, начальник отряда спрашивал для Иосифа Балаховича орден Святой Анны 2-й степени с мечами¹⁷. «Во всех случаях <...> выказал исключительное самоотвержение, храбрость и умение хладнокровно выполнить задачу»; «будучи ранен, самоотвержением своим давал личный пример доблести и, выполнив задачу, несмотря на обход немцев и свое ранение, вывел партию и дал весьма ценные по результатам сведения»; «благодаря своему спокойствию, выдержке и личной храбрости, смог добиться исполнения этой трудной задачи, т. к., находясь в тылу противника, поддерживал дух и спокойствие среди людей (подчиненных. – А.К.)», – характеризует его начальство¹⁸.

Станислав же Балахович к весне 1917 был только корнетом, отставая от младшего брата на два чина; и хотя утверждение эмигрантского мемуариста, будто после смерти «Атамана отряда» «Балахович не принял командование,

¹⁶ Основные обстоятельства службы И.Н. Балаховича в 1914–1917 излагаются нами по: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 163393. Л. 166–169 об.

¹⁷ Там же. Л. 176 об.

¹⁸ Там же. Л. 186 об., 181 об., 176 об.

т.к. в отряде были старшие его офицеры», в том числе «пор[учик] Юзеф Балахович»¹⁹, не соответствует действительности, – какие-то «счета старшинством» между братьями оно может отражать. В то же время подчеркнем: если Иосиф был для «Отряда особой важности» чрезвычайно полезным доблестным офицером, то Станислав в отряде являлся человеком *незаменимым* с первых же дней формирования. Поэтому не стоит относить подчиненное положение Иосифа исключительно на счет его скромности и уважения к старшему брату, – оно отражало объективное положение вещей, несмотря на отставание старшего в чинах.

Подчиненным, ближайшим и вернейшим помощником останется «Юзик» для Станислава Никодимовича и большую часть Гражданской войны. Однако в этот период следует обратить внимание на ряд эпизодов, в которых пути братьев не просто расходятся, но расходятся, очевидно, вследствие осознанного решения Иосифа, его самостоятельно сделанного выбора.

Первой из таких «развилок» жизненного пути следует, наверное, считать 23 августа 1919, когда генерал Станислав Булак-Балахович, отчасти – вследствие интриг сослуживцев по Северо-Западной армии, отчасти – на основании имевшихся сведений о злоупотреблениях среди его приближенных, был задержан, но сумел бежать в распоряжение эстонских войск. В приказе, описывающем события этого дня, Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Н.Н. Юденич отмечал: «Посланный за ним на автомобиле Подполковник Булак-Балахович, родной брат Генерала, не нашел его»²⁰. Вряд ли следует сомневаться, что, даже если все так и произошло (не исключено, что «Юзик» просто не пожелал брать на себя двусмысленную роль и всего лишь сделал вид, что не нашел Станислава), у Балаховича 2-го была прекрасная возможность присоединиться к брату или повторить его путь независимо, и если он ею не воспользовался – значит, сделал это вполне сознательно.

Выбрав продолжение борьбы в рядах Северо-Западной армии, Иосиф Балахович не только с честью проходит ее эпопею до конца (существует даже упоминание о награждении его Георгиевским оружием²¹ (редчайший, если не уникальный случай!) – Впрочем, не имеющее пока документального подтверждения, но и некоторым образом принимает участие в судьбе старшего брата. Сам Юденич рассказывал, что «хотел было отпустить Балаховича в Литву, но брат Балаховича (тоже офицер) сказал: „не отпускайте его, он вам поклянется, что бросит интриги, и когда будет обещать, честно будет верить, что исполнит; а потом встретит кого-нибудь, и тот повернет все вверх ногами, –

¹⁹ О ген. Балаховиче и полк. Яковлеве: Письмо в редакцию // Старый Волчанец // Часовой. № 464 (2). Bruxelles, 1965. С. 22.

²⁰ Вестник Северо-Западной Армии. Нарва, 1919. № 63, 6 сентября. С. 1.

²¹ Cabanowski M. Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz. Warszawa, 1993. S. 154.

уж очень он безволен”»²². Юденича иногда характеризуют как немногословного, замкнутого, скрытного человека, – и похоже, что два «молчуна» поняли друг друга и сошлись во мнениях о «Батьке Балаховиче», считая его, по-видимому, достойным снисхождения, но и не закрывая при этом глаза на недостатки генерала, которые при иных обстоятельствах могли становиться фатальными.

Скрытое критическое отношение сохраняется у «Юзика» к «Батьке», кажется, и во время кампании 1920 года, в которой «Отряд Атамана Булак-Балаховича», а затем «Русская Народная Добровольческая Армия» действовали в оперативном подчинении у польского командования и в сотрудничестве с «Белорусским Политическим Комитетом». В ноябре, при развитии самостоятельного наступления на Мозырь – Речицу (поляками был уже заключен прелиминарный договор с большевиками), помощник Командующего армией полковник Балахович 2-й, лично возглавляя авангард, неожиданно для штаба и, возможно, даже для брата, прислал донесение, в котором предлагал, оторвавшись от основных сил, двинуться со своей группой на Гомель – Могилев – Смоленск (штаб советского Западного фронта)... «и оттуда на Москву»²³. На наш взгляд, было бы неправомерно видеть в этом только авантюру потерявшего чувство реальности партизана. Современник указывает, что при старшем Балаховиче «находилось „белорусское правительство“, его же брат этого не поощрял, и поэтому отношения между братьями были натянутыми»²⁴. Таким образом «Юзик», похоже, стремился отвлечь «Батьку» от белорусской политики и, в любом случае, для себя самого определенно выбирал решение общероссийских, а не региональных задач (хотя шансы на успех и были призрачными).

После принятия Балаховичем-старшим титула «Главного командующего всеми вооруженными силами на территории Белоруссии» младший брат был назначен Командующим армией с производством в генерал-майоры (14 ноября)²⁵. Именно «Юзик» выводил наименее боеспособные и подвергавшиеся наибольшей опасности остатки разбитых войск на польскую территорию, а впоследствии возглавлял армию в лагерях интернированных. В этом качестве генерал Балахович 2-й в начале 1921 подписывает коллективные заявления, признающие общим «верховным вождем» барона П.Н. Врангеля и сурово порицающие «главарей организованной русской политической эмиграции» и «русских имущих людей» за равнодушие к насущным интересам борьбы, увлечение политиканством и эгоистическую трату «на свои дела» «сил и знаний, нужных в деле борьбы»²⁶. При этом «Юзик» выступает единым фронтом

²² Маргулис М.С. Указ. соч. С. 257.

²³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 40.

²⁴ О ген. Балаховиче... С. 22.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 88.

²⁶ Северо-западные отряды и генерал Врангель // Зарницы. Вып. 1. Константинополь, 1921. С. 19–20; Варшавский документ // Двуптавы Опр. Вып. 5. Berlin, 1921. С. 27–30.

с командующим также сформированной в Польше «3-й Русской Армии», генералом Б.С. Пермикиным, с которым у Балаховича-старшего были настолько неприязненные отношения, что это давало повод считать их «заключеными врагами» и возлагать на «рознь» между генералами неудачу во взаимодействии двух армий²⁷. Солидарность с Пермикиным и готовность защищать целостность армии самыми крайними способами Иосиф Балахович продемонстрировал, в частности, в начале декабря 1921, когда вслед за Пермикиным и генералом В.А. Дьяковым вызвал на дуэль генерала В.М. Новикова, интриговавшего против командования (Новиков не решился на три дуэли подряд и подписал «бумагу с отречением от своей деятельности» и формальными извинениями)²⁸.

Установив союз с Пермикиным и разойдясь таким образом с братом, Балахович 2-й должен был еще сильнее разойтись с Б.В. Савинковым, увлекшимся утопической идеей крестьянско-«демократической» «Третьей России» и подозревавшим командование 3-й Русской армии в «реакционности» и «монархизме» (кстати, монархистом считала «Юзика» и советская разведка²⁹). Объединение «пермикинцев» («врангелевцев»!) и «балаховцев», скорее всего, и было причиной процитированной выше характеристики Иосифа («еще больший бандит, чем брат»): «бандит» или не «бандит», но Станислав Балахович, по-видимому, все-таки оставался для Савинкова «демократом» и в таком качестве не был судим столь строго.

Интересен также пассаж из записок Савинкова-младшего, вскоре после признания военных заслуг «Юзика» неожиданно обрушившегося на него с обвинениями: «Странно было думать, что вот этот скромный, застенчиво краснеющий двадцатилетний Юзик – жесточайший человек, по приказам которого расстреляно и повешено множество совершенно ни в чем не повинных людей. Я смотрел на его кольцо с сапфиром и двумя бриллиантами – не особенно дорогое, но хорошее кольцо, [–] с подозрением: не на еврейские ли деньги (имеется в виду – отнятые у евреев. – А.К.) оно куплено?»³⁰ Ни ранее, ни позже мемуарист не приводит ни одного примера повешения, расстрела или вообще убийства кого бы то ни было по приказам «Юзика» Балаховича, и данное утверждение, стоящее особняком во всем тексте записок, скорее заставляет заподозрить плохо мотивированное раздражение, переносимое со старшего брата на младшего.

Не менее голословным оказывается и глухой намек на то, что оба Балаховича-де «не могли назваться людьми неподкупными и безукоризненной чести. <...> Они же предпочитали разыгрывать героев и идейных борцов

²⁷ ГА РФ. Ф.Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 6, Оп. 1. Д. 577. Л. 8.

²⁸ Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ). Архив. Ф. 39. Оп. 1. Карт. 1. Д. 102. Л. 2.

²⁹ «Степень достоверности – достоверно.». Армия Булак-Балаховича и антысавецкі «супраціў» 1921–1927 годоў у документах ВЧК (АДПУ) // Беларуская Думка. 2008. № 6. С. 57.

³⁰ ГА РФ. Ф.Р-5901. Оп. 1. Д. 8. Л. 72–73.

за родину и т.п.»³¹. Неприязни братьев Савиновых к братьям Балаховичам во всем этом больше, чем основательности, – как не отличается основательностью и информация (из неизвестных источников) польской разведки, будто Иосиф приехал в Польшу «без средств, а сейчас (в конце 1920. – А. К.) имеет заметное состояние»³². (Для характеристики Балаховича-младшего добавим еще, что во время кампании 1920 года на иждивении у него и его жены Зинаиды Николаевны, урожденной Пуниной – сестры покойного «Атамана отряда особой важности», – находились две приемные дочери³³).

Возвращаясь к положению интернированных русских войск, обратим внимание на усилия Пермикина и Балаховича 2-го в конце 1921 «создать в Белоруссии лесную концессию, куда и вывезти наибольшее число офицеров и солдат из лагеря»³⁴. Таким образом люди выводились из-под контроля не только Савинкова, но и, до некоторой степени, поляков, а вблизи советской границы создавалась возможность накопления кадров для возобновления борьбы. Это позволяет предположить, что у большевиков был персональный счет именно к Иосифу Балаховичу, и не стоит представлять его убийство на лесной дороге в ночь на 13 июня 1923 как результат ошибки – «покушения на его брата» (тем более, что убийцы перед выстрелом направили Иосифу в лицо свет электрического фонаря, а братья были не очень похожи внешне)³⁵; один из террористов, пойманный позже, также показал, будто получил «деньги от большевиков» именно «за убийство Юзефа»³⁶. Показательно, что старые соратники организовали вскоре «Союз рабочих имени Юзефа Балаховича» отнюдь не с «рабочими» целями, поклявшись на могиле командира «отомстить большевистским агентам за его смерть сторицей»³⁷...

Подводя итог биографии Иосифа Никодимовича Булак-Балаховича, вновь поставим вопрос, почему же человек со столь выдающимися заслугами и, как мы видели, довольно яркой индивидуальностью остался в тени и до сих пор часто представляется не игравшим самостоятельной роли? Кажется, дело тут именно в том, что «Юзик» оказался «братом своего брата». Действительно, многочисленные грехи (подлинные и мнимые) и авантюры Станислава Никодимовича, к которым не был причастен Иосиф, связаны с наиболее красочными эпизодами биографии партизанского «Батьки», сообщая ему своеобразное «обаяние авантюриста»: «Как [бы] ни относиться к личности Балаховича, для всех знав-

³¹ ГА РФ. Ф. Р-5901. Оп. 1. Д. 8. Л. 34.

³² Karpus Z. Wschodni sojusznicy polski w wojnie 1920 roku. Toruń, 1999. S. 201.

³³ РГВА. Ф. 39455. Оп. 1. Д. 10. Л. 28.

³⁴ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 1. Карт. 1. Д. 102. Л. 5.

³⁵ Cabanowski M. Op. cit. S. 87–88.

³⁶ О ген. Балаховиче... С. 22.

³⁷ «Степень достоверности – достоверно...» // Бепаруская Думка. 2008. № 7. С. 87.

ших его несомненно, что он весьма яркий для нашего времени человек», – вспоминал, например, подполковник Олейников³⁸. Быть может, здесь и кроется причина того, что в лучах славы – дурной или доброй – старшего брата затерялся храбрый и честный русский офицер Иосиф Балахович.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 29.

Сергей Фокин

Документы не горят – их просто не читают. Биолог С.И. Метальников (1870–1946)¹

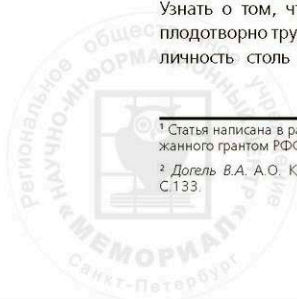
Сергей Иванович ФОКИН

*Санкт-Петербургский
государственный университет*

Работая над биографией учителя С.И. Метальникова, знаменитого зоолога-эмбриолога А.О. Ковалевского, другой известный биолог – В.А. Догель писал: «По мере того как идут годы, потомство начинает более интересоваться не личностью выдающегося человека, а тем, что он оставил после себя человечеству, какой вклад внес он в сокровищницу человеческих знаний»². У меня сложилось обратное впечатление: чем интереснее человек в науке, тем крупнее обыкновенно и его личность. И когда научное наследие человека значительно, хочется разглядеть за научными трудами и свершениями самого творца, понять его характер, привычки, узнать о малоизвестных поворотах в его жизненной судьбе. Узнать о том, что позволило ученому плодотворно трудиться, что сделало его личность столь привлекательной для

¹ Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ 10-06-00124а.

² Догель В.А. А.О. Ковалевский. – М.; Л., 1945. С.133.

молодежи и, стало быть, дало ему возможность воспитать из этой молодежи научную смену – своих учеников. Человек талантливый часто талантлив во многих своих проявлениях. Хотя все люди разные, и, как в любом деле, в науке есть ведущие, есть ведомые, есть организаторы-учителя и гениальные одиночки и, конечно, есть случайные персонажи. Так есть, так будет и так было!

Сергей Иванович Метальников – безусловно неслучайный персонаж в истории отечественной биологии. Однако его биография – биография одного из основателей новой науки психонейроиммунологии, ученого, одним из первых активно внедрявшего в практику биологические методы борьбы с вредными насекомыми, и адепта экспериментального метода в биологии, – до сих пор не написана. Главная причина тому – отсутствие в официальных собраниях документов личного архива ученого, до 1919 работавшего в России, а потом эмигрировавшего во Францию, где он возглавлял одну из лабораторий в Институте Пастера (1920–1940). Между тем научные заслуги Сергея Ивановича, его близкое знакомство с корифеями отечественного естествознания – А.О. Ковалевским, П.Ф. Лесгафтом, И.И. Мечниковым и И.П. Павловым, учеником которых он в разной степени был, а также деловые и дружеские связи со многими учеными-эмигрантами, позволяют думать, что такую биографию следует написать. Полное описание жизни и творчества ученого – выпускника С.-Петербургского университета, работника Императорской Академии наук (ИАН), С.-Петербургской биологической лаборатории П.Ф. Лесгафта, Высших женских (Бестужевских) курсов, Крымского университета и, наконец, института Пастера в Париже – могло бы стать заметным вкладом в историю поколения русских естествоиспытателей, оказавшихся «на переломе» эпохи и вынужденных либо приспособляться к советской действительности, либо искать лучшей доли вдали от родины. С.И. Метальников выбрал последнее.

Один из опубликованных очерков в предыдущем сборнике «Право на имя»³ избавляет меня от необходимости подробно разбирать особенности источников для создания биографии. Безусловно, главным и наиболее достоверным для биографического исследования может быть круг официальных документов: формулярные списки, студенческие и профессиональные личные дела, автобиографии (*curriculum vita*). Однако, помимо возможных ошибок, нередко встречающихся и в этом, казалось бы *a priori* документально точном пласте информации, следует сказать, что такого рода документы ничего не говорят об индивидуальности человека. По ним невозможно написать «живую» биографию. Характер человека, его отношение к окружающему миру – людям и событиям можно узнать только из воспоминаний и дневников как самого

³ Скорыходов М. Выявление источников и определение степени их достоверности как этап биографического исследования / Право на имя. Биографика 20 века. Седьмые чтения памяти Вениамина Иофе. СПб., 2010. С. 161–166.

героя, так и его современников, или/и из переписки очевидцев и участников происходившей жизни. Последний источник представляется мне наиболее продуктивным, – именно в письмах человек, как правило, раскрывается в полной мере. К тому же письма обычно писались (теперь эта традиция сведена почти на нет телефоном и интернетом) по горячим следам событий и, значит, давали не только оценочную, но и фактическую информацию о происходившем.

К счастью, в то время (первая треть XX в.) письма писались регулярно, даже если корреспонденты жили в одном городе. Ученые-биологи, сама специальность которых связана с частыми разъездами (экспедиции, командировки, конференции), народ в этом смысле благодатный для исследователя эпистолярного наследия (если, конечно, время сохранило их письма). Хотя иной раз, не будучи очевидцем события, даже и современник мог осветить его письмах превратно – случайно, а возможно, и преднамеренно, и уж конечно, человеческие взаимоотношения всегда отражались (и отражаются) в письмах субъективно. Впрочем, при наличии параллельных документальных свидетельств, степень такого субъективизма тоже многое может сказать о характере героя.

Немногочисленные дневники биологов, те, которые мне довелось видеть, сплошь и рядом оказывались собранием сугубо профессиональных заметок и, к сожалению, малопригодны для решения поставленной задачи. Да и в случае с С.И. Метальниковым их не найдено, а может быть и не было. Касательно же воспоминаний, как известно, существуют определенные «подводные камни», ибо, как правило, человек вспоминает свою жизнь в старости и описывает события прошлого, основываясь только на собственной памяти. Таким образом воспоминания есть уже продукт некоторой переработки реальности, где часто акценты расставлены ретроспективно, по воле вспоминающего, и нередко историческая последовательность событий в деталях нарушена. В случае С.И. Метальникова, правда, и таких воспоминаний крайне мало: несколько абзацев в жизнеописании зоолога-эмбриолога К.Н. Давыдова, написанного женой последнего⁴, около страницы в книге ближайшего друга Метальникова, известного философа Н.О. Лосского⁵, и несколько страниц, написанных учеником Метальникова по петербургской Биологической лаборатории, зоологом И.Д. Стрельниковым⁶.

Нельзя сказать, что проф. Метальников относится к забытым фигурам в истории отечественной биологии, однако до сих пор большинство исследователей, составлявших о нем биографические справки (речь о написании полноценной биографии до сих пор не шла), искажали в печати некоторые

⁴ ПФА РАН. Ф. 918. Оп. 1. Д. 45.

⁵ Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. – М.: Викмо-М.; Русский путь, 2008. 398 с.

⁶ Личный архив Н.И. Стрельниковой, СПб.

факты биографии ученого. Причиной этому, очевидно, было именно игнорирование работы с архивными документами. Мне известно около 10 публикаций, где была в какой-то мере освещена жизнь Сергей Ивановича, и все они (в разной степени) грешат против истины. Лишь в двух из них есть ссылки на официальные архивные хранилища, но и эти работы не лишены ошибок⁷. При подготовке большинства публикаций, где проф. Метальников был лишь одним из многих упомянутых персонажей (например, в опубликованных дневниках Петра Евграфовича Ковалевского)⁸, комментариев о нем, очевидно, составлялся на основе уже опубликованного материала, содержащего ошибочную информацию. Таким образом, в литературе происходило (и происходит) тиражирование мифа.

Объяснить такое пренебрежение к очевидно необходимому этапу работы при составлении биографической справки весьма сложно. В ряде случаев⁹ авторами были просто использованы части более ранней публикации¹⁰, изначально несвободной от фактических ошибок. Тенденция прямого заимствования уже опубликованного о Метальникове (как и вообще о любом герое биографических работ) без ссылки на источник уже вполне укоренилась в литературе. И однажды напечатанное в каком-либо биографическом словаре становится для последующих комментаторов жизни героя каноническим текстом. Что, как показывает пример биографии Метальникова, далеко не всегда справедливо.

Например, при редактировании справки о Метальникове, подготовленной мною для одного из биографических сборников¹¹, в текст без согласования с автором были внесены ошибочные сведения из предыдущих публикаций, которые, видимо, редактор счел очевидными. Понятно, что часто формат упоминания о герое (короткая справка или комментарий) не предполагает ссылки на источники в тексте, поэтому источник, использованный автором при установлении конкретного факта, остается неизвестным¹².

При составлении биографии не должно быть мелочей и не допустимы произвольные даты и данные, переписанные из литературных источников без их

⁷ Волков В.А., Куликова М.В. Метальников Сергей Иванович // Российская профессура XVIII – начало XX в.: Биографический словарь. СПб.: изд. Русского Христианского гум. ин-та, 2003. С. 307–308.

⁸ Ковалевский П.Е. Дневники 1918–1922. Т.1. СПб.: Европейский Дом, 2001. 572 с.

⁹ Лавренева О.А., Ульянкина Т.И. Наука будущего. Переписка Н.К. Рериха и С.И. Метальникова // Культура и время. 2003. № 2(8). С. 72–85; Ульянкина Т.И. Ученики и последователи И.П. Павлова в эмиграции // Научные школы в отечественной биологии XX века. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2007. С. 144–182.

¹⁰ Ульянкина Т.И. Метальников С.И. // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. – Энцикл. биограф. словарь. М.: РОССПЭН, 1997. С. 408–410.

¹¹ Фокин С.И. Метальников Сергей Иванович // Научный Санкт-Петербург. Предварительные материалы в выпуске III. Медицина в Санкт-Петербурге 1703–2008. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 205–207.

¹² Например, достаточно пространная биографическая справка, данная на С.И. Метальникова в работе А.И. Серкова – Русское масонство. 1731–2000: Энцикл. словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 542.

критической оценки и сверки (насколько это возможно) с архивным документами и другими свидетельствами. Понятно, что только специально занимаясь такими «мелочами», удастся восстановить правду, и было бы наивным ожидать, что для составления комментария в один абзац кто-то пойдет сверять литературные сведения с архивными. Для составителей (авторов) биографических словарей такой порядок действий должен быть, однако, правилом, иначе возникает описываемая в случае с проф. Метельниковым (и не только с ним!) ситуация противоречия биографических сведений.

Одно из наиболее распространенных заблуждений относительно служебной карьеры С.И. Метальникова в России, вероятно, берет свое начало из некролога, опубликованного по материалам доклада во французском обществе микробиологов¹³. Именно в этой публикации 1946 года было указано, что Метальников с 1907 был профессором С.-Петербургского университета. В действительности после окончания срока «приготовления к профессорской и преподавательской деятельности» при университете осенью 1898 (аналог теперешней аспирантуры) Сергей Иванович никогда не работал и не преподавал там¹⁴, а звание профессора он получил на Высших женских (Бестужевских) курсах в 1911¹⁵. Очевидно, что автор некролога использовал предисловие к обширному резюме основных работ проф. Метальникова, написанное им самим, по-видимому, в 1940¹⁶, где действительно есть указание на профессорство в университете. Это лишний раз показывает, что к данным автобиографии, особенно составленной в преклонном возрасте, надо относиться внимательно. Чем была вызвана такая описка ученого, можно только гадать.

Сведения о стажировке Метальникова на Неаполитанской зоологической станции у А.Дорна и А.О. Ковалевского, обычно упоминаемые в литературе, содержат сразу две ошибки. Во-первых, Ковалевский работал в Неаполе последний раз в 1889/90, тогда как Метальников был там в 1897 и 1898/99. Во-вторых, организация работы на этой станции вообще не предполагала какого-либо научного курирования приезжающих. Все они занимались самостоятельно. Проф. Дорн, директор станции, лишь создавал общие (в высшей степени комфортные!) условия для научной работы визитеров¹⁷.

Несмотря на неоднократные упоминания, что Метальников был ответственным редактором журнала «Природа»¹⁸, это очевидная ошибка, для выяснения

¹³ Nérge L. Serge Metchnikov (1879–1946). Ann. Inst. Pasteur. 1946. Vol. 72: 860–861.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.2. Д.1087.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф.113. Оп.1. Д.51.

¹⁶ Metchnikov S. Travaux du Professeur S. Metchnikov chef de Service à l'Institut Pasteur. Int. Pasteur Archive. F. MTA.

¹⁷ Фокин С.И. Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006. 378 с.

¹⁸ Ульянкина, 1997; Серков, 2001.

которой достаточно взять подшивку упомянутого журнала. Проф. Метальников активно сотрудничал в «Природе» с 1912 по 1920, но самое большее – в качестве редактора отдела (1914–1919).

Обычно литературные источники обходят молчанием наличие у Метальникова научной степени, а также дату и место ее присвоения, хотя получение профессорского поста (по этим источникам – 1907) предполагало наличие как минимум магистерской степени¹⁹. В действительности магистерская диссертация была защищена им в 1908 в Харьковском университете²⁰. 1907 в справках мог отчасти возникнуть потому, что в качестве диссертации защищалась работа «Экспериментальные исследования над пчелиной молью (*Galleria mellonella*)», опубликованная действительно в 1907 в виде отдельной обширной брошюры (118 стр.).

Еще один миф о Метальникове в советском стиле – это то, что он отправился в Крым в 1918 для организации там университета и, оказавшись отрезанным фронтом Гражданской войны, не смог вернуться в Петроград²¹. В действительности проф. Метальников уехал из Петрограда сразу после октябрьского переворота 1917 года, трезво оценив перспективы жизни при новой власти²².

Всех этих и некоторых других типичных ошибок, вот уже более 10 лет бытующие в публикациях о жизни С.И. Метальникова, легко можно было бы избежать, внимательно ознакомившись с материалами об ученом, хранящимися в архивных фондах С.-Петербурга: СПб филиале Архива РАН (ПФА РАН), Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга (ЦГИА СПб), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Рукописном архиве Института русской литературы РАН (РА ИРЛИ) и Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (РО РНБ).

Более того, начиная с 2004, мною было опубликовано пять работ, в которых в разном контексте описывалась судьба С.И. Метальникова²³, и хотя, по-видимому, они тоже не лишены некоторых недостатков, в них максимально точно и полно (на момент опубликования) были использованы документы из упомянутых выше архивных собраний. Появление работы Т.И. Ульянкиной (2007), повторяющей опять прежние домыслы, наводит на мысль, что не читаются не только архивные документы.

Основные направления исследований проф. Метальникова, упомянутые в литературе, в целом вполне отражают его путь в науке. Однако работы

¹⁹ В статье Волкова и Куликовой (2003) прямо указано, что он получил магистерскую степень в 1907.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 388. Л. 60; РО РНБ. Ф. 813. Д. Л. 6.

²¹ Ульянкина, 1997; Волков и Куликова, 2003.

²² ПФА РАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 418. Л. 69.

²³ См. литературу к нижеследующей биографической справке.

ученого, выполненные в России, указываются вне связи с местом их проведения. Между тем, для понимания истоков научных идей Метальникова и процесса его становления как ученого, было бы важно специально подчеркнуть, что значительная часть исследований по сравнительной физиологии пищеварения и выделения у беспозвоночных, а также первые работы по иммунитету у беспозвоночных были сделаны ученым в Особой зоологической лаборатории ИАН (ОЗЛ).

Главной целью этого учреждения, основанного академиком А.О. Ковалевским в 1893, была разработка вопросов морфологии и экспериментальной зоологии. Последней и начал заниматься там Метальников. Лаборатория до 1900 располагалась на частной квартире по адресу Васильевский остров, 5-я линия, д. 20, кв. 4. Именно в этой лаборатории под руководством Ковалевского, а в большой степени В.Т. Шевякова (тогда лаборанта ОЗЛ), молодой исследователь начал свою научную деятельность. После перевода Зоологического музея ИАН в новое здание, лаборатория заняла три комнаты в заднем флигеле главного здания Академии наук (Университетская наб., д.5). С марта 1901 С.И. Метальников сменил В.Т. Шевякова на посту лаборанта ОЗЛ и оставался в этой должности до сентября 1910. Надо подчеркнуть, что в то время должность лаборанта научного (особенно академического) учреждения по сути означала заведование научно-практической деятельностью подразделения, то есть была значительно более творческой и ответственной, чем теперь.

За время деятельности С.И. Метальникова в ОЗЛ там работало немало известных в будущем биологов, общение с которым Метальникова, очевидно, было взаимопользительно. Среди них М.Н. Римский-Корсаков, К.Н. Давыдов, В.В. Редикорцев, Ю.А. Филипченко – коллеги и друзья, с которыми С.И. Метальников переписывался в течение многих лет.

Важность экспериментальной работы для С.И. Метальникова хорошо иллюстрируется тем фактом, что, подав в отставку с поста лаборанта ОЗЛ, он тут же начал организацию лаборатории экспериментальной зоологии и биологии при СПб Биологической лаборатории П.Ф. Лесгафта, которой он стал заведовать с конца 1909²⁴. Значительная часть исследований, проводившихся проф. Метальниковым в Институте Пастера, также имела экспериментальный характер. Своими достижениями в области иммунологии и микробиологии ученый был несомненно обязан хорошей научной школе, которую в юности он прошел в Петербурге.

С учетом современного состояния знаний о жизни С.И. Метальникова, можно предложить следующую краткую справку о моем герое для издания энциклопедий и биографических словарей, посвященных отечественным деятелям естествознания.

²⁴ Метальников С.И. Отчет С.-Петербургской Биологической лаборатории П.Ф. Лесгафта за 1911 г. СПб., 1912. 15 с.

МЕТАЛЬНИКОВ Сергей Иванович 23.4 (5.5). 1870, с. Кротково, Сенгилеевского у. Симбирская губ., Россия – 27.9.1946, Медон, Франция. Зоолог-физиолог, микробиолог, иммунолог. Окончил Ларинскую гимназию (СПб, 1890) и ИСПб ун-т (1895), ученик А.О. Ковалевского, П.Ф. Лесгафта и В.Т. Шевякова. Вместе с А.О. Ковалевским М. работал на Средиземном (Виллафранка, 1895) и Мраморном (1901) морях. Был оставлен при ун-те для подготовки к проф. званию (1896–1898). Работал в Гейдельбергском университете у О.Бюкли по простейшим (1897) и на Неаполитанской зоологической станции по внутриклеточному пищеварению и фагоцитарным органам беспозвоночных (1897, 1898/99). С 1901 по 1910 лаборант Особой зоологической лаборатории ИАН, чл. Совета (1900–1917) и руководитель (1910–1917) СПб Биологической лаборатории Лесгафта, препод. и зам. директора Лесгафтовских высш. курсов, проф. Высш. женских (Бестужевских) курсов (1911–1917). Магист. дисс-ция «Экспериментальные исследования над пчелиной молью (*Galleria mellonella*)» (Харьков, 1908). В начале 1900-х неоднократно работал у И.И. Мечникова в Ин-те Пастера (Париж) и в Ин-те экспериментальной медицины у Н.О. Зильбер-Шумовой и М.В. Ненского. Редактор отдела ж. «Природа», главный секретарь Биологического общества (1912), один из основателей Таврического ун-та (1918). В 1919 эмигрировал из Крыма во Францию. Руководитель лаборатории Ин-та Пастера, Париж (1920–1940). Занимался изучением иммунитета беспозвоночных (прежде всего насекомых), связью иммунитета с деятельностью нервной системы, а также разработкой биологических способов борьбы с вредными насекомыми. Один из основоположников психонейроиммунологии. Опубликовал свыше 200 научных работ, прежде всего в области сравнительной физиологии беспозвоночных, прикладной микробиологии и иммунологии; во Франции имел многочисленных учеников. Среди отечественных биологов это – И.Д. Стрельников и М.А. Галаджиев. М. принимал активное участие в работе русских организаций во Франции: Русского народного университета в Париже, Национального объединения, Академической группы, Общества русских врачей, Русского студенческо-христианского движения, научно-философского общества и др.; один из наиболее активных членов Попечительского совета Русской зоологической станции в Виллафранке. Во Франции М. входил в масонскую ложу «Северная Звезда» и активно сотрудничал с другими масонскими организациями. В связи с ухудшением в конце 1942 психического состояния был помещен в больницу для душевнобольных в Медоне, где и скончался. Местонахождение личного архива неизвестно. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Две дочери М.: Анна (1898–1964), Екатерина (1902–?) и сын Сергей (1906–1981) не связали свою жизнь с наукой.

Основные труды: 1910. К физиологии внутриклеточного пищеварения у простейших // Изв. СПб Биол. лаб. 1910. Т.11. С.1–124; Рефлекс как творческий акт // Изв. Имп. Акад. наук. 1917. Т.61. С.10–34; Проблема бессмертия в современной биологии. Петроград: Ключенген, Глич, 1917; Иммуитет как защитная реакция у беспозвоночных животных // Изв. науч. ин-та Лесгафта. 1927. Т.13. С.109–138; Le rôle du système nerveux et des facteurs psychiques dans l'immunité, Paris: Masson, 1937.

Лит-ра:

Фокин С.И. Разные судьбы. Петербургские зоологи – эмигранты // На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX вв. Нестор № 9, вып.3. Источники, исследования, историография. СПб.: Нестор-История, 2005. С.236–254; Сергей Иванович Метальников (1870–1946) // Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006. С.195–199; Русские биологи на Неаполитанской зоологической станции // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. М.: Русский путь, 2006. С.407–425;

Фокин С.И., Телепова М.Н., Шаварда П.А. 2004. Профессор С.И. Метальников и его парижский архив // Вопросы истории, естествознания и техники № 3. С.110–123.

Архив. док-ты: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Д.27555; ПФА РАН. Ф.4. Оп.4. Д.388; Ф.793, Оп.2. Д.418; РГИА. Ф.740. Оп.7. Д.28; РА ИРЛИ РАН. Ф.377. Оп.7. Д.2384; Int. Pasteur Archive. F. MTA, RAM 55.

Павел Алипов

Антиковед М.И. Ростовцев в изгнании: точка отсчёта или закрепление status quo?¹

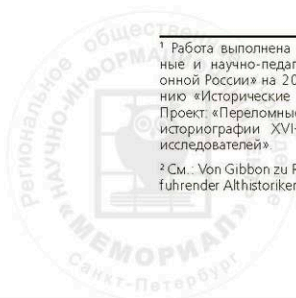
Павел Андреевич АЛИПОВ

*Преподаватель кафедры
истории и теории
исторической науки РГГУ (Москва)*

Биография одного из самых крупных российских историков античности М.И. Ростовцева (1870–1952), которого отдельные историки науки ставят в один ряд с Эд. Гиббоном², может быть органически разделена на две части: до вынужденной эмиграции в 1918 и после неё. Как полагают многие специалисты, стремившиеся историографически осмыслить творческое наследие учёного, своего интеллектуального пика, а с ним и широкой известности М.И. Ростовцев достиг именно в годы работы в США (в Висконсине и Йеле), где он обосновался с 1920. Квинтэссенцией этого убеждения можно считать фразу А. Момильяно: «Изгнание сделало Ростовцева тем великим человеком,

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по направлению «Исторические науки». Мероприятие 1.2.2. Проект: «Переломные периоды в развитии русской историографии XVI–XXI вв. глазами молодых исследователей».

² См.: Von Gibbon zu Rostovtzeff. Leben und Werk der führenden Althistoriker der Neuzeit. Darmstadt, 1972.

которым он был»³. На тех же позициях стояли такие зарубежные исследователи, как Х.Ласт⁴ и отчасти Б.Уэллс⁵. Однако данное утверждение нам представляется не вполне обоснованным.

Действительно, в историю антиковедения русский учёный вошёл главным образом как автор двух многотомных монографий, созданных им уже в США: «Социально-экономическая история Римской империи»⁶ и «Социально-экономическая история эллинистического мира»⁷. При этом у нас есть основания утверждать, что базовые теоретико-методологические установки, присущие этим работам, которые в целом можно трактовать как презентистские, сложились в творчестве М.И. Ростовцева ещё до отъезда за границу.

Историографическая ситуация осложняется тем обстоятельством, что у ряда исследователей, занимающихся изучением жизни и творчества русского историка, сложилось мнение, будто этот теоретико-методологический багаж его работ явился прямым следствием от перенесённых потрясений, связанных с трагическими событиями в России 1917–1918 годов, приведших учёного к вынужденной эмиграции. Впервые появившись в трудах зарубежных исследователей, данная точка зрения впоследствии была заимствована отечественными историками. Так, А.Арсентьев прямо указывает на то, что М.И. Ростовцев в своей последней работе, опубликованной в России, – очерке «Рождение Римской империи» преломил события российской истории первой половины XX в. «сквозь призму своих обширных исторических знаний». Более того, он утверждает, что под масками римских деятелей I в. до н. э. скрываются творцы российской революции, а именно: Катилина символизирует собой Ленина, Клодий – Троцкого, а Цицерон – Керенского⁸. Омский исследователь С.Б. Крих справедливо подметил, что вышеуказанная точка зрения почерпнута А.Арсентьевым у датского историка М.А. Веса⁹. Последний, посвятивший поиску «русских корней» творчества М.И. Ростовцева специальную монографию¹⁰, исходя из своего основополагающего постулата о том, что «вся история есть история современности»¹¹ и каждый историк поэтому оказывается своего рода

³ Momigliano A.D. M.I. Rostovtzeff // *Studies in Historiography*. L., 1966. P.92.

⁴ Last H.M. Obituary. Professor M.I. Rostovtzeff // *JRS*. 1953. Vol. XLIII. P.133.

⁵ См.: Welles C.B. Michael I. Rostovtzeff // *Architects and Craftsmen in History*. Tübingen, 1956. P.55–73.

⁶ Rostovtzeff M. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. Oxford, 1926; Ростовцев М.И. *Общество и хозяйство в Римской империи*. Т. I–II. СПб., 2000–2001.

⁷ *Idem*. *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. I–III. Oxford, 1941.

⁸ Арсентьев А. М.И. Ростовцев и его взгляд на историю гражданских войн в Древнем Риме // Ростовцев М.И. *Рождение Римской империи*. М., 2003. (1-е изд.: Пг., 1918). С.6.

⁹ Крих С.Б. *Упадок древнего мира в творчестве М.И. Ростовцева*. Омск, 2006. С.21.

¹⁰ Wes M.A. *Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context*. Stuttgart, 1990.

¹¹ *Ibid*. P.XII.

заложником времени, заявляет, что Римское государство для русского антиковеда оказывается некоторой проекцией Российской империи, опрокинутой в прошлое¹². С. Доу также полагает, что он интерпретировал некоторые фазы римской истории в свете современных ему событий, главным образом, российских¹³. Г. Бауэрсок вообще заявляет, что, «возможно, самый важный аспект этой книги – это осязаемая связь между политическим опытом Ростовцева и его изучением Римской империи», которая всё более будет усиливаться после отъезда ученого из России¹⁴. Таким образом, в очередной раз подчеркивается идея обусловленности трудов М.И. Ростовцева политическим и культурным контекстом эпохи, в которую ему довелось создавать свои основополагающие сочинения.

Однако, как нам кажется, недостаточно просто констатировать факт подобной обусловленности, но принципиально важно оценить её масштаб, а также степень сознательности в выборе учёным такого подхода. Иными словами, мы должны выяснить, являлись ли подобные исторические параллели методологической установкой М.И. Ростовцева.

События 1917–1918 годов потрясли Россию. Пожалуй, здесь не было ни одного интеллектуала, который смог бы остаться равнодушным и не откликнуться на то, что происходило вокруг. М.И. Ростовцев не стал исключением, выпустив в свет очередную работу по истории Древнего Рима – «Рождение Римской империи»: «Не скрою, что опубликовать, в первую очередь, мои мысли о рождении Римской империи побудили меня происходящие события, которые заставили меня буквально пережить при новом чтении источников события столетней гражданской мировой войны»¹⁵.

Уже на первой странице своего пространного очерка М.И. Ростовцев решительно открещивается от самой идеи, что возможно извлечь какие бы то ни было «уроки» из истории, – это было бы слишком наивно для серьезного ученого. «Я далек от мысли проводить аналогии и не думаю, что история гражданских войн в Риме может кого-либо образумить и на кого-либо повлиять. Но думаю, что всякому мыслящему человеку интересно и нужно, психологически важно, переживая настоящее, углубиться и в прошлое и попытаться пережить и его. Политических рецептов прошлое не дает, но сознательно переживает настоящее только тот, кто научился понимать прошлое»¹⁶. Следовательно,

¹² Ibid. P.VIII.

¹³ Dow S. The Social and Economic History of the Roman Empire: Rostovtzeff's Classic After Thirty-Three Years // The American Historical Review. Vol. LXV, №3. 1960. P.546.

¹⁴ Bowersock G.W. The Social and Economic History of the Roman Empire by Michael Ivanovitch Rostovtzeff // Daedalus. 1974. Vol. 103. №1. P.17.

¹⁵ Ростовцев М.И. Рождение Римской империи... С. 7.

¹⁶ Там же.

основополагающая мысль М.И. Ростовцева заключается не в том, чтобы калкировать настоящее с прошлого или прошлое с настоящего. Просто сами мыслительные процедуры изучения прошлого так развивают человеческий разум, что он оказывается способным трезво и адекватно реагировать на события, происходящие в настоящем, и спокойно и хладнокровно проводить их анализ. При этом российский историк полностью отдает себе отчет в том, что поводом к рассмотрению им именно эпохи гражданских войн в Риме стали события окружающей его действительности.

Более того, нам хорошо известно, что еще во времена составления им лекций по истории Древнего Рима, которые он читал одновременно в Петербургском университете и на Высших женских курсах начиная с 1898, он был твердо уверен в невозможности создания абсолютно объективной картины прошлого, воспринимая исторический труд (будь то древнего автора или современного) как результат некоего интеллектуального построения¹⁷. Соответственно, можно с достаточным основанием утверждать, что М.И. Ростовцев отдавал себе отчет в том, что и его нынешний труд является лишь конструкцией.

Теперь нам надо разобраться в том, насколько обоснованными можно считать претензии отдельных историографов к М.И. Ростовцеву по поводу прямого перенесения им фактологии 1917 года в I в. до н. э. В данном случае нам кажется уместным начать с выделения тех причин и предпосылок, которые, по мнению М.И. Ростовцева, привели к складыванию напряженной ситуации в Древнем Риме. Основным противоречием в жизни Римской республики того периода он считает антиномию города-государства и мировой державы: т. е. существовавший на тот момент государственный строй не удовлетворял реальному положению дел, ведь Рим уже тогда простирал свое господство на большую часть Средиземноморья. «На первый план выдвигается острый и болезненный вопрос о том, как совместить строй города-государства с мировым владычеством и в рамках этого нового строя так или иначе разрешить назревший и осложнившийся экономический, социальный и политический кризис»¹⁸. Этой коренной проблеме сопутствовали еще две, не менее острые: включение всех италиков в состав римского гражданства¹⁹ и изменение состава и характера римского войска (после реформ Мария войско из гражданского ополчения превратилось в гражданско-пролетарскую армию, каждый солдат которой готов был бороться с врагом за обещанный ему земельный надел

¹⁷ См.: Алипов П.А. Лекции по истории Древнего Рима М.И. Ростовцева (теоретико-методологический аспект) // *Antiquitas inventae*. Вып. 3. Саратов, 2007. С. 283–284, 290–291.

¹⁸ Ростовцев М.И. Рождение Римской империи... С. 28.

¹⁹ Там же. С. 22–23.

до последней капли крови, чем, естественно, сразу же не преминули воспользоваться отдельные честолюбцы из числа активных политиков)²⁰.

Как видно из вышеперечисленного, никаких аналогий с Российской империей начала XX в. здесь не напрашивается: данные проблемы совершенно не были характерны для нашего государства, которое не испытывало внутреннего разлада между формой своего устройства и наличием огромных территорий, требовавших выстраивания максимально устойчивой вертикали власти. Можно, конечно, находить определенные аналогии между указанными процессами в Древнем Риме и освобождением крестьян в 1861 с одновременным предоставлением им политических прав, но такая параллель нам кажется откровенной натяжкой.

Гораздо больше подталкивают к размышлениям подобного рода зарисовки М.И. Ростовцева экономической и политической жизни Рима того времени. «Везде и всегда в античном мире капиталистический строй вел к созданию крупного землевладения, вытеснявшего всеми ему доступными средствами мелкое или стремившегося поставить это последнее в экономическую от себя зависимость. Реакцией на это была более или менее организованная борьба мелкого землевладения и земельного пролетариата, рядового гражданства против крупной земельной собственности и против долгового права, гарантировавшего капиталу власть над должниками и экономическую их зависимость»²¹. Всё это приводило к возмущению народных масс под лозунгами земельного передела и «вся власть народному собранию»²². Данные требования, естественно, наталкивались на ожесточенное сопротивление сената, а потому ситуация могла быть разрешена только революционным путем²³.

Многое в этом описании наводит на мысль о том, что оно иллюстрирует положение дел в России накануне ожидавших ее революционных потрясений. Однако объяснение этому факту следует искать не в подсознательном желании М.И. Ростовцева осовременить прошлое, а в системе тех теоретико-методологических воззрений, которые он разделял. Дело в том, что в области экономической истории российский ученый следовал теории циклического развития человечества Эд. Мейера, согласно которой на каждом из этапов своего развития род людской переживал периоды становления, расцвета и упадка капиталистического уклада экономики²⁴. Поэтому нет ничего удивительного в том, что термины, в которых описывается ситуация I в. до н. э., полностью совпадают с терминами, обычно употребляющимися для характери-

²⁰ Ростовцев М.И. Рождение Римской империи... С. 23–27.

²¹ Там же. С. 15–16.

²² Там же. С. 16.

²³ Там же. С. 20.

²⁴ См.: Алипов П.А. Указ. соч. С. 287.

стики процессов, имевших место в Новое время (кстати, само использование подобной терминологии было характерно уже для первых публикаций российского ученого, а потому оно никак не связано с его переживаниями по поводу драматических событий 1917–1918 годов)²⁵.

Если же мы обратимся к трактовке М.И. Ростовцевым последствий гражданских войн в Древнем Риме, то увидим, что одни из них слишком общи и характерны для периодов, следующих за любыми социальными потрясениями, а другие и вовсе никаких совпадений с российской действительностью 1918 года не обнаруживают. Так, он говорит о материальном разорении большинства населения государства, плачевном моральном состоянии общества, упадке художественной промышленности, наплыве восточных культов, низкой сопротивляемости крупного капитала, ренессансе эллинской культуры, хотя и в лице лишь отдельных ее представителей²⁶. В области социальных отношений он обращает внимание на следующие ключевые моменты, охарактеризовавшие стиль правления императора Августа после окончания гражданских войн. Высшее сословие сохранило свои привилегии, хотя и смирилось с полным контролем со стороны вождя. Всадники по-прежнему управляли финансовыми потоками в государстве, превратившись в своего рода чиновников в области экономики. Армия стала хорошо укомплектовываться за счет достаточного финансирования и возможности получения гражданства по окончании службы. Римские граждане получили массу возможностей для карьерного роста. Народ (в том числе и пролетариат) был вознагражден так вождельными им хлебом и зрелищами – за полный отказ от политического влияния в народных собраниях. Сам вечный город был благоустроен наилучшим образом. Провинции получили долгожданный мир и спокойствие, они с этого времени перестали быть объектом бесконечных финансовых экспроприаций со стороны властей Рима, а верхушка их самоуправления обрела даже право апелляции к самому императору²⁷. Таким образом, М.И. Ростовцев фокусирует свое внимание именно на положительных аспектах эпохи, следовавшей за кровопролитными схватками периода острой социальной нестабильности I в. до н. э.

Нетрудно заметить, что ничего подобного в России 1918 года не было и быть не могло, поскольку Гражданская война здесь еще шла в полную силу и даже набирала обороты. Ни о каком компромиссе новой власти со старым режимом, что характеризовало эпоху правления Октавиана Августа²⁸, речь идти не могла. Нельзя и предположить, что российский ученый питал

²⁵ См.: Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев: Годы в России: Биографическая хроника // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С.60–61.

²⁶ См.: Ростовцев М.И. Рождение Римской империи... С.92–100.

²⁷ Там же. С.118–120.

²⁸ Там же. С.118.

какие-либо радужные надежды на светлое будущее, ведь именно в этом году он решил, что в настоящее время на родине не только невозможно нормально работать, но и просто находиться опасно для жизни, в связи с чем он и покинул ее пределы под благовидным предлогом научной командировки в Швецию. Так что данная часть исследования М.И. Ростовцева никаких однозначных параллелей с окружавшей его действительностью не обнаруживает.

Что касается непосредственно событий Гражданской войны, то, понятное дело, явных аналогий с 10-ми годами XX в. быть не может в принципе. Единственное, что может навести мысль о некотором сходстве двух эпох, – это характеристики отдельных ключевых личностей.

Итак, в Цицероне отдельные исследователи усматривают некоторые черты А.Ф. Керенского. М.И. Ростовцев пишет: «...Марк Туллий Цицерон – одно из лучших созданий революционной эпохи <...>. В политике он руководствовался всегда одной основной целью – благом Рима. Непоследовательность, иногда даже трусость, стремление оберечь свои личные интересы <...> не могут скрыть от нас подлинного лица этого истинного патриота, главный недостаток которого состоял в том, что он был типичным интеллигентом, настоящим представителем античной гуманности»²⁹, «лидером партии сената стал наименее приспособленный для активной политической деятельности, хотя и высокоавторитетный Цицерон»³⁰. На наш взгляд, указанная характеристика не может быть в полной мере отнесена к личности А.Ф. Керенского – М.И. Ростовцев, будучи всегда близким к кадетской партии, вряд ли бы назвал «одним из лучших созданий революционной эпохи» и «типичным интеллигентом» эсера, т. е. своего прямого политического оппонента, достаточно цинично пробиравшегося к вершинам власти.

Видеть в Ленине Катилину, «человека, запятнанного рядом преступлений в прошлом, судившегося в 65 году за хищения в Африке, опутанного долгами и жаждавшего власти для поправления своих дел и хотя бы официального восстановления своей репутации»³¹, было бы откровенным передергиванием фактов, так как первый в отличие от второго никогда не принадлежал к числу нобилей и никакой репутации ему восстанавливать было не надо. Еще более откровенной передержкой является сравнение Клодия с Троцким исключительно по принципу склонности к скандальному поведению³². В таком случае можно сравнивать кого угодно с кем угодно.

Следовательно, мы можем заключить, что имеющееся у некоторых историографов представление об огромном влиянии личных политических

²⁹ Ростовцев М.И. Рождение Римской империи... С 52–53.

³⁰ Там же. С 75.

³¹ Там же. С 52.

³² Там же. С 58, 63.

переживаний на трактовку М.И. Ростовцевым основных событий римской истории I в. до н. э. несколько преувеличено. Зачастую они склонны приписывать автору монографии сравнения, о которых он сам, по всей вероятности, не задумывался.

Однако это вовсе не значит, что он оставался равнодушен к окружающей его действительности и был совершенно объективен в своих оценках далекого прошлого Римского государства. Важно другое: М.И. Ростовцев прекрасно осознавал, что полной объективности в историческом исследовании достичь невозможно и что любое исследование есть результат определенной конструкции автора, а потому отдельные аналогии с современностью вполне уместны (например, та же циклическая теория экономического развития человечества Эд. Мейера), надо лишь понимать, что каждая аналогия – это тоже всего лишь конструктор.

Так что, присоединяясь к мнению ряда теоретиков исторической науки (среди которых можно назвать К.Гинзбурга, А.Момильяно), избегающих крайних методологических позиций и полагающих, что труд историка представляет собой одновременно «продукт и риторика и исследования»³³, мы можем именно так охарактеризовать рассмотренную выше работу М.И. Ростовцева и тем самым снять сам вопрос о её объективности. Но важно и то, что использованный здесь презентистский подход станет в будущем «визитной карточкой» историка, принесёт огромный успех его трудам и в то же время послужит причиной критики со стороны историографов, которые будут видеть в его концепции упадка Римской империи всего лишь творческое преломление психологических потрясений, вызванных трагическими жизненными обстоятельствами. Однако в любом случае можно утверждать, что эмиграция не изменила интеллектуальный облик М.И. Ростовцева, а лишь дала ему возможность представить свои идеи более широкой аудитории.

³³ Grafton A., Marchand S. Proof and Persuasion in History: A Preface // History and Theory. 1994. №4. P.3–4.

Елена Юшкова

Автобиография Дункан и современная мировая дунканистика¹

Елена Владимировна ЮШКОВА

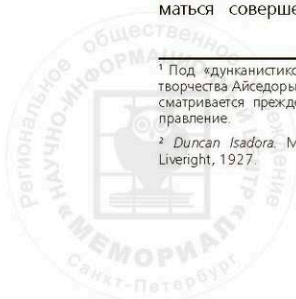
Кандидат искусствоведения
Вологда

Автобиография американской танцовщицы Айседоры Дункан «Моя жизнь» была опубликована через три месяца после ее трагической гибели в 1927². Книга завершалась словами: «Прощай, Старый Мир, я приветствую Новый мир». Под старым миром подразумевалась буржуазная Европа, а под новым – Советская Россия, ведь Дункан закончила только те главы, которые предшествовали ее поездке в Москву в 1921. При поддержке советского правительства она намеревалась создать школу для тысячи пролетарских детей, поэтому приветствие нового мира проникнуто радостью и энтузиазмом, хотя на самом деле в России ее ожидали боль и разочарования.

В результате смерти танцовщицы слова о двух мирах стали восприниматься совершенно по-другому, как

¹ Под «дунканистикой» мы понимаем изучение творчества Айседоры Дункан. В данной статье рассматривается прежде всего биографическое направление.

² Duncan Isadora. My Life. New York: Boni and Liveright, 1927.

трагическое предчувствие конца, как избавление героини от тягот земного, реального мира. А их к концу жизни накопилось немало. Возраст, отрицательно влиявший на восприятие танца Дункан зрителями, появление в 1920-х новых танцевальных направлений, невозможность реализации важных для нее идей, отсутствие понимания, обвинения в «красной» пропаганде и подозрения в шпионаже, постоянная нужда, потери близких... В книгу не вошли два важных периода – жизнь в Советской России и три последних года во Франции, самые тяжелые для танцовщицы.

Смерть Дункан, как и вся ее жизнь, была необыкновенно театральной. Мгновенно задушенная красным шарфом, попавшим в колесо открытой спортивной машины, она ушла из жизни, оставив в сознании своих спутников последние слова: «Прощайте, я иду к славе». Именно смерть, как и вышедшая вскоре автобиография Дункан, вдохновили мемуаристов первой волны – авторов воспоминаний, опубликованных в конце 1920-х – начале 1930-х³. Если сама автобиография признается исследователями крайне недостоверной, то «Конец Айседоры Дункан», написанный ее подругой Мэри Дести, и особенно «Интимный портрет» Сьюэла Стоукса вызывали негодование современников⁴.

Вторая волна общественного интереса к американской танцовщице поднимается в 1960-х. Теперь опубликованы не только некоторые новые воспоминания современников⁵, но и первая более-менее обстоятельная биография, написанная балетным критиком Уолтером Терри⁶, который интересуется, помимо частной жизни Дункан, и ее творческим наследием. Заголовок книги – «Айседора Дункан: ее жизнь, ее искусство, ее наследие» – достаточно явно обозначает тенденцию, не актуальную в 1930-е, когда публику интересовала преимущественно личная жизнь знаменитости. Терри берет ряд интервью у ведущих представителей американского танца, чтобы выяснить, в какой степени на их творчество оказала влияние революционная хореография Дункан. Предшествовала данной биографии брошюра данного автора «Наследие Айседоры Дункан и Руфь Сент-Денис», вышедшая в журнале «Dance Perspectives» в 1960⁷.

³ Desti M. *Isadora Duncan's End*. London: V. Gollancz, Ltd., 1929; Stokes S. *Isadora Duncan: an Intimate Portrait*. London: Brentano's Ltd., 1928; *Duncan Irma, and Macdougall, Allan Ross*. *Isadora Duncan's Russian Days & Her Last Years in France*. New York: Covici-Friede. 1929.

⁴ Seroff V.I. *The Real Isadora*. – N.-Y.: Dial Press, 1971. S.396, 406. См. рецензия: Юшкова Е. Неизвестная реальная Айседора // Интернет-издание «Русский журнал». 2007. 9 августа: <http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Neizvestnaya-real-naya-Ajsedora>

⁵ Acosta M. de. *Here Lies the Heart*. NY: Reynal & Co. Inc., 1960; *Shneider I.I.* *Isadora Duncan, the Russian Years*. London: Macdonald, 1968; и другие.

⁶ Terry W. *Isadora Duncan: Her Life, Her Art, Her Legacy*. Illustrated with Photos and Drawings. 1st ed. New York: Dodd, Mead, 1964.

⁷ Terry W. *The legacy of Isadora Duncan and Ruth St. Denis // Dance perspectives* (New-York). №5, winter 1960.

В середине 1960-х появляются мемуары Ирмы Дункан, ученицы, приемной дочери и соратницы великой танцовщицы⁸, которые раскрывают новые грани личности Дункан, в том числе и как педагога.

Наконец в 1971 выходит книга Виктора Серова (Victor Seroff, 1902–1979) «The real Isadora»⁹. Ее мы считаем важным этапом в создании портрета великой танцовщицы. Автор книги, молодой русский пианист, эмигрировавший после революции из России в Париж, стал близким другом танцовщицы в последние годы ее жизни. Позже он переехал в США, где опубликовал более десятка биографий композиторов и музыкантов (Листа, Шостаковича, Прокофьева, Берлиоза, Равеля, Моцарта, Шопена, Дебюсси, певицы Ренаты Тибальди, а также книгу «Здравый смысл в обучении игре на фортепиано»). Уже на закате своей жизни он завершает книгу об Айседоре, название которой в контексте его претензий ко всем предыдущим мемуаристам звучит как вызов, – он хочет воссоздать реальный облик танцовщицы в противовес написанным ранее фантазиям на тему Дункан.

Хотя, по понятным причинам, Серов не может быть совершенно объективным, но хотя бы стремится избежать откровенной лжи и разоблачить ее у других авторов. Гордон Крэг отметил: «Наконец-то появилась книга, которую она (Айседора. – Е.Ю.) заслуживает. Бедная, бедная Айседора, как же она страдала в руках предыдущих писателей!»¹⁰. Книга выходит за рамки мемуарной литературы, так как ее автор, используя свой богатый опыт писателя-биографа, не ограничивается только личными воспоминаниями.

Столетие Дункан снова провоцирует новую волну интереса и, как следствие, – новую биографию, написанную американской исследовательницей Фредрикой Блейр¹¹. Она вышла в 1986 и получила высокую оценку специалистов; в России на русском языке ее опубликовали спустя 11 лет¹².

Автор отмечает, что в это время (в конце 1970-х и в 1980-е годы) начинается «период нового осмысления ее (Дункан. – Е.Ю.) искусства. Люди постепенно начали понимать его историческое значение. Прошедшее время потребовало переоценки ценностей. Стало очевидным, что уникальное искусство танцовщицы необходимо сохранить для будущих поколений»¹³. Блейр опирается на опыт и знания современных дунканистов и подчеркивает ценность вклада танцовщицы в мировую культуру.

⁸ Duncan Irma. Duncan Dancer, an Autobiography. Middletown, Conn., Wesleyan University Press. 1966.

⁹ Seroff, V.I. The Real Isadora.

¹⁰ Ibid. Сунеробложка.

¹¹ Blair F. Isadora: Portrait of the Artist and Woman. N.-Y.: McGraw-Hill, 1986.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. С. 10.

В 1980 выходит исследование британского слависта Гордона Маквея «Айседора и Есенин», представившее западному читателю сложную историю взаимоотношений двух больших художников¹⁴.

Есть еще одно обстоятельство, благодаря которому Айседора снова вызывает повышенный интерес. Именно в 1980-х годах исследования танца во всем мире поднялись на качественно новый уровень. По мнению американского антрополога Сьюзан Рид, уже к 1990-м «изучение танца стало междисциплинарной наукой, фокусирующейся на социальных, культурных, политических и эстетических его аспектах»¹⁵. Именно в девяностые годы появляются серьезные монографии и статьи, посвященные Дункан¹⁶, что во многом усложняет задачу следующего биографа, американского писателя и публициста Питера Курта.

Его биографическое исследование «Айседора: сенсационная жизнь»¹⁷ появляется на рубеже XX и XXI веков и на сегодняшний день является наиболее полным. Курт ввел в обиход большое количество ранее не опубликованных архивных материалов и, что немаловажно, стремился быть максимально объективным, то есть избегать комментариев, хотя достиг этого скорее по форме, нежели по сути. Он буквально составил свой труд из многочисленных фрагментов писем, газетных вырезок, дневников, мемуаров¹⁸. В своей книге автор дает возможность «высказаться» самым разным людям, чтобы посмотреть на те или иные события с разных точек зрения. В связи с этим лондонская газета «Sunday Times» писала: «Если предыдущих биографов интересовала только сама Айседора, то Курт обращает пристальное внимание и на людей вокруг нее: возлюбленных, друзей, учеников, – в целом создается хор из разных голосов»¹⁹.

Конечно, на работу Курта повлияли многочисленные публикации о Дункан последнего времени, посвященные самым разным аспектам влияния танцовщицы на мировую культуру и общественную жизнь. Но тем не менее рецензенты упрекают автора в том, что он недостаточно явно представил вклад Дункан в хореографию, а фокусировался в основном на ее частной жизни²⁰.

Биография, написанная Куртом, дважды вышла на русском языке – в 2001 и в 2007, оба раза – лишенная справочного аппарата. В России также переведены две беллетризованные биографии: с французского и итальянского

¹⁴ McVay G. Isadora and Esenin: The Story of Isadora Duncan and Sergei Esenin. Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1980.

¹⁵ Reed S. The Politics and Poetics of Dance // Annual Review of Anthropology. Vol. 27 (1998). С. 504.

¹⁶ Например: Daly A. Done into Dance: Isadora Duncan in America. Bloomington: Indiana University Press, 1995; и ряд других исследований.

¹⁷ Kurth P. Isadora: A Sensational Life. Boston: Little, Brown and Company, 2001. На рус. яз.: Курт П. Айседора Дункан / Пер. С. Лоцева. М.: Эксмо, 2002; переизд.: 2007.

¹⁸ Standen A. Peter Kurth [Электронный ресурс]. – www.peterkurth.com.

¹⁹ Books by Peter Kurth [Электронный ресурс]. – www.peterkurth.com

²⁰ Aloff M. How Isadora Duncan Lived to Dance // Chronicle of Higher Education; 12/14/2001. Vol. 48. Issue 16. P. B19.

языков²¹. Не будем упоминать несколько чересчур беллетризованных биографий, написанных российскими авторами.

В России издание «Моей жизни», как и биографий Дункан, имеет свои особенности и периодизацию.

В начале XX века танцовщица нашла здесь горячий прием ведущих представителей Серебряного века, которые видели в ее танце новую творческую свободу, новую философию, отмечали, что танец Дункан – «о несказанном», что «она... неслась к высям бессмертным»²². В 1921, когда она приехала в Советскую Россию с целью основания школы, новая критика вдруг обнаружила в ее танцах «рев революционной трубы»²³, хвалила студию Дункан за то, что она «с достаточной полнотой» откликается на революционные лозунги²⁴, предсказывала, что пролетариат применит идеи Дункан, в отличие от буржуазии Запада, не для развлечения, а «как одно из средств преобразования жизни на началах свободы и правды»²⁵.

После отъезда Дункан в 1924 отношение и к ней, и к школе постепенно стало меняться. Это совпало, в том числе, и со сменой культурной парадигмы, которую американская исследовательница Катарина Кларк определяет как переход к созданию «истинно советской, а не какой-то расплывчатой “революционной” культуры»²⁶.

В дальнейшем идеологический подход привел к тому, что Дункан была практически исключена из отечественной культуры, и даже ее воспоминания, опубликованные на русском языке в 1928 в Риге, не издавались в России до 1989²⁷. Илья Шнейдер, директор ее московской школы на Пречистенке, провел семь лет в сталинских лагерях и опубликовал свои воспоминания о советском периоде жизни Дункан в 1960-е на Западе²⁸.

С конца 1980-х, когда произошла очередная смена культурной парадигмы в нашей стране, начинается подъем интереса и к Дункан. Конечно, выходит прежде всего «Моя жизнь» (1989), и с тех пор она переиздается многократно. Опу-

²¹ Левер М. Айседора Дункан. М.: Молодая гвардия, 2006 (Сер. Жизнь замечательных людей); Феррари К. Танец – жизнь. «Божественная» Айседора Дункан. СПб.: XXI век, 2002.

²² Белый А. Луг зеленый. Книга статей. М., 1910. С. 8.

²³ Отзывы об Айседоре Дункан и впечатления об ее искусстве и студии. Омск: Издание Московской студии Айседоры Дункан, 1930. С. 3.

²⁴ Там же. С. 5.

²⁵ Там же.

²⁶ Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара: Самарский университет, 2001. С. 150.

²⁷ Об истории издания «Моей жизни» в России см.: Лахути Г. «Красота, простая, как природа» [Предисловие к кн.:] Дункан И., Макдугалл А. Р. Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции / Пер. с англ.; вступ. ст., комментарии Г. Лахути. М.: Моск. рабочий, 1995. С. 5–6. С начала 1990-х в России вышло множество изданий книги на русском языке.

²⁸ Shneider I. I. Isadora Duncan, the Russian Years. London: Macdonald, 1968.

бликованы ряд воспоминаний: Мери Дести²⁹, Алана Росса Макдугалла и Ирмы Дункан³⁰, уже упоминавшиеся биографии Фредрики Блейр³¹ и Питера Курта³². В 1992 выходит единственное академическое издание – сборник «Айседора. Гастроли в России»³³, составленный из фрагментов статей деятелей российской культуры, посвященных Дункан, с предисловием Е.Я. Суриц и обстоятельными комментариями.

К сожалению, пока многие материалы в России до сих пор не переведены и не известны российскому читателю.

Удалось ли Дункан создать образ самой себя в автобиографии? Этот вопрос задает и танцовщица в предисловии к книге. Хотя она абсолютно уверена, что ее жизнь «была более интересной, чем роман, и не менее полной приключений, чем фильм»³⁴, но ведь любые события, по ее мнению, требуют адекватного воплощения в слове. «У меня ушли годы борьбы, упорного труда и поисков, чтобы научиться исполнять один простой жест, и я знаю достаточно о мастерстве писателя для понимания того, что мне потребовалось бы столько же лет сосредоточенного труда, чтобы написать одну простую красивую фразу»³⁵.

Почему Дункан, невзирая на сомнения, все же взялась за работу со словом? Причина, лежащая на поверхности, достаточно банальна – она очень нуждалась в деньгах в последние годы жизни, а издание книги сулило значительный гонорар. Но были и более глубинные причины: жажда многочисленных поклонников танцовщицы во всем мире узнать «правду» о ней и ее жизни от нее самой, ее любовь к литературе и страстное желание говорить о принципах своего революционного искусства. Об искусстве она написала бы гораздо больше, если бы не ограничения издателей и их требования писать о любовных романах и различных пикантных подробностях.

Самообраз танцовщицы получился достаточно мифологизированным – такова особенность ее сознания: греческая мифология пронизывала все ее существо. Даже дата рождения до сих пор вызывает споры среди исследователей, поскольку все метрики того периода сгорели во время пожара

²⁹ Дести М. Нерассказанная история // Дункан А. Моя жизнь, моя Россия, мой Есенин. М.: Политиздат, 1992.

³⁰ Дункан И., Макдугалл А.Р. Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции. Пер. с англ.; вступ. ст., комментарии Г.Лахути. М.: Моск. рабочий, 1995.

³¹ Блейр Ф. Указ. соч.

³² Курт П. Указ. соч.

³³ Айседора. Гастроли в России: Сборник статей / [Составление, подготовка текста и комментарий Т.С. Касаткиной, вступительная статья Е.Я. Суриц]. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 1992.

³⁴ Duncan Isadora. My Life. New York; London: Liveright, Gollancz, 1928. P.7.

³⁵ Айседора Дункан. Моя жизнь, моя Россия, мой Есенин. М.: Политиздат, 1992. С.5.

в Сан-Франциско, – различные энциклопедии указывают то 1877, то 1878. В России, как известно, она, получая паспорт Есениной-Дункан, скинула себе еще несколько лет. Мифологизированы и другие персонажи: реальные люди превращаются под ее пером в Лоэнгрина, Архангела...

«Моя жизнь» следует считать именно прекрасно написанным литературным произведением и не искать в нем объективности: иногда Айседоре подводила память, иногда деликатность мешала написать о живущих современниках, да и работа со словом была, по большому счету, не ее стихией. Требования издателей тоже не прошли для книги бесследно. Но нельзя отрицать и ее значительный литературный талант, который она унаследовала от своего отца.

В задачи данной статьи литературоведческий анализ книги Дункан не входит. Отметим лишь, что «Моя жизнь» выдержана в традициях романа XIX века, имеет четко выраженный сюжет, персонажей, содержит характеристики определенных социальных слоев (иногда довольно язвительные, когда речь идет о миллионерах). Повествование перемежается философскими отступлениями. Мы можем обнаружить признаки психологического и, в частности, романа воспитания, социального, нравоописательного, приключенческого романов, а также – романа идей, ибо смысл жизни героини – в реализации ее мечты: преобразовать с помощью танца человечество, сделать людей более гармоничными и целостными.

Интересно было бы проследить и литературные влияния – эта тема также ждет своего исследователя. Частично ответ на вопрос о влияниях можно найти в остатках библиотеки Дункан, вывезенных Виктором Серовым из Парижа в США, которые каталогизировала американская танцовщица Джин Бресциани в 1975³⁶, – неполный список воспроизведен в ее диссертации 2000 года «Миф и образ в танце Айседоры Дункан»³⁷. Здесь практически нет романов, кроме модного в 1910-е сочинения У.Локка «Нравы Маркуса Ордейна». Примечательно, что героем его является человек, чья доброта и непрактичность противопоставлены расчетливости преуспевающих дельцов, – этот мотив постоянно звучит и в «Моей жизни». В основном же в библиотеке представлены серьезные исследования, посвященные древним культурам (египетской, греческой, римской), труды Чарльза Дарвина и Эрнста Геккеля об эволюции человечества, философская литература (особенно труды древнегреческих философов и Фридриха Ницше), книги по психологии (в том числе и по психоанализу Фрейда), йоге, оккультным учениям, исследования литературоведов, историков и физиологов. В библиотеке есть несколько биографий: Альберта Эйнштейна, Уолтера

³⁶ *Bresciani J.* A Catalog of the Isadora Duncan Library in the Victor Seroff Collection. Unpublished MA thesis. New York University, 1982.

³⁷ *Bresciani J.* Myth and Image in the Dance of Isadora Duncan. Thesis. Ph.D. – Philosophy-New York University, 2000. P.431–436.

Патера, Чарлза Дарвина, а также «Жизнь Христа» Р.Кемпбелла. Но отсутствие романов в данном списке – еще не повод исключить знакомство Дункан с художественной литературой, ведь она была великолепно образованным человеком. Любовь к литературе и поэзии объединила ее и с русским поэтом Сергеем Есениным, ее официальным мужем³⁸.

«Моя жизнь» продолжает свое триумфальное шествие по миру. Исследователи творчества Дункан используют ее в качестве источника эстетических суждений танцовщицы, наряду с двумя сборниками эссе, опубликованными в 1928 и в 1981³⁹, и перепиской с Гордоном Крэгом, вышедшей в 1981⁴⁰, биографы обращаются к «Моей жизни», чтобы чаще всего опровергнуть те или иные сведения, оттолкнуться от них. Что касается читателей, то они воспринимают книгу танцовщицы как великолепно написанный роман о великой и трагической судьбе американской Золушки, покорившей своим искусством весь мир.

Совершенно очевидно, что вопрос о том, заслуживает ли Дункан биографии, не стоит. Вклад ее в хореографию, педагогику, женскую эмансипацию довольно значителен. Но, конечно, представляет интерес и сама частная жизнь Айседоры, бурная и трагическая, связанная с переломными моментами мировой истории, с выдающимися людьми XX века. Нельзя сказать, что окончательная биография Дункан уже написана. Даже у обстоятельного Питера Курта советский период, например, остается похожим на набросок. Еще остались архивные материалы, до сих пор не опубликованные и не отрефлексированные. В начале XXI века появляются новые воспоминания – например, в 2008 вышла книга Лили Диковской, ученицы русской школы Дункан, жившей в Великобритании⁴¹.

Современные биографы и исследователи упорно трудятся над тем, чтобы наше знание о танцовщице стало максимально объективным. Творчество Дункан достаточно исследовано на ее родине, в США⁴². В России этот процесс находится еще в самом начале, хотя автобиография «Моя жизнь» за два десятилетия выдержала огромное количество переизданий.

³⁸ *McVay G. Isadora and Esenin: The Story of Isadora Duncan and Sergei Esenin.* Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1980.

³⁹ *Duncan I., Cheney Sh. The Art of the Dance.* New York: Theatre Arts, Inc., 1928; *Duncan I., Rosemont F. Isadora Speaks: Uncollected Writings & Speeches of Isadora Duncan.* San Francisco: City Lights Books, 1981.

⁴⁰ *Duncan I., Craig E.G., Steegmüller F. «Your Isadora».* The Love Story of Isadora Duncan & Gordon Craig. New York: Vintage Books, 1976.

⁴¹ *Dikovskaya L., Hill G. M-F. In Isadora's Steps.* The story of Isadora Duncan's school in Moscow, told by her favorite pupil. Book Guild Publishing, Great Britain, 2008.

⁴² Автор благодарит программу Фулбрайт-Кеннан, предоставившую возможность работать с американскими источниками в Институте Кеннана в Центре Вудро Вильсона для международных исследователей в Вашингтоне (США) с сентября 2007 по март 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

Абрам Рейтблат

Этапы и источники построения биографического нарратива
(на материале биографий Ф.В. Булгарина) 3

Борис Беленкин

Биограф(ия) в тупике: жизнеописание афериста
и обстоятельства времени. Случаи А.Пирро и З.Двойриса 15

Максим Скороходов

Статьи о «второстепенных персонажах»
персональных энциклопедий: отбор и структурирование материала 25

Розалия Черепанова

Биографический текст в пространстве интертекстуальности 33

Ольга Тиховская

Стереотипы и мифы в контексте индивидуальной истории:
К проблеме реконструкции биографии А. О. Гавронского (1888–1958) 40

Елена Струкова, Илья Кучанов

Биография как фактор успеха предвыборной кампании 48

Марина Пугачева, Михаил Рожанский

Третье советское поколение: биография и география 54

Виктор Гуревич, Наталья Крук

Иностранные подданные в Гулаге 62

Ольга Бессмертная

Как рассказать биографию негодяя?
(«Мусульманский Азеф», или Ровесник Ленина) 75

Валентина Корзун

Биография ученого в интерьере профессорской культуры:
Случай И.А. Лаппо-Данилевского 90

Елена Цыпилева С.И. Соболевский: портрет вместо биографии	103
Михаил Рошин Рихард Зорге: в поисках биографии разведчика	114
Ольга Розенблюм «Бывшее», «история» и другие способы выделения прошлого в стихах Булата Окуджавы об Арбате.....	123
Александр Петров Барон Алексей Павлович Будберг и его «Дневник».....	135
Петр Мицнер «Не нужно рассчитывать на интеллект людей с оружием в руках» Судьба и исследовательский метод Михала Борвича.....	146
Ирина Обухова-Зелинская Юрий Анненков – создатель биографических мифов и объект мифологизации	152
Марина Литаврина Гулаг для Д' Артаньяна: Судьба француза в сталинской России	161
Андрей Кручинин «Юзик»: Генерал Булак-Балахович 2-й – брат своего брата	171
Сергей Фокин Документы не горят – их просто не читают Биолог С.И. Метальников (1870–1946).....	181
Павел Алипов Антиковед М.И. Ростовцев в изгнании: точка отсчёта или закрепление status quo?.....	190
Елена Юшкова Автобиография Дункан и современная мировая дунканистика.....	198

Научно-информационный центр «Мемориал», Санкт-Петербург
Европейский университет в Санкт-Петербурге

ПРАВО НА ИМЯ Биографика 20 века

Восьмые чтения памяти Вениамина Иофе

20–22 апреля 2010

Сборник докладов

Обложка: А. Ходот

НИЦ «Мемориал»: Санкт-Петербург, 191002, ул. Рубинштейна 23, оф. 103

Формат 60 X 90 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Заказ № 1126

Отпечатано в типографии ООО «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

Тел./факс: (812) 388-90-00

e-mail: beresta@mail.wplus.net

